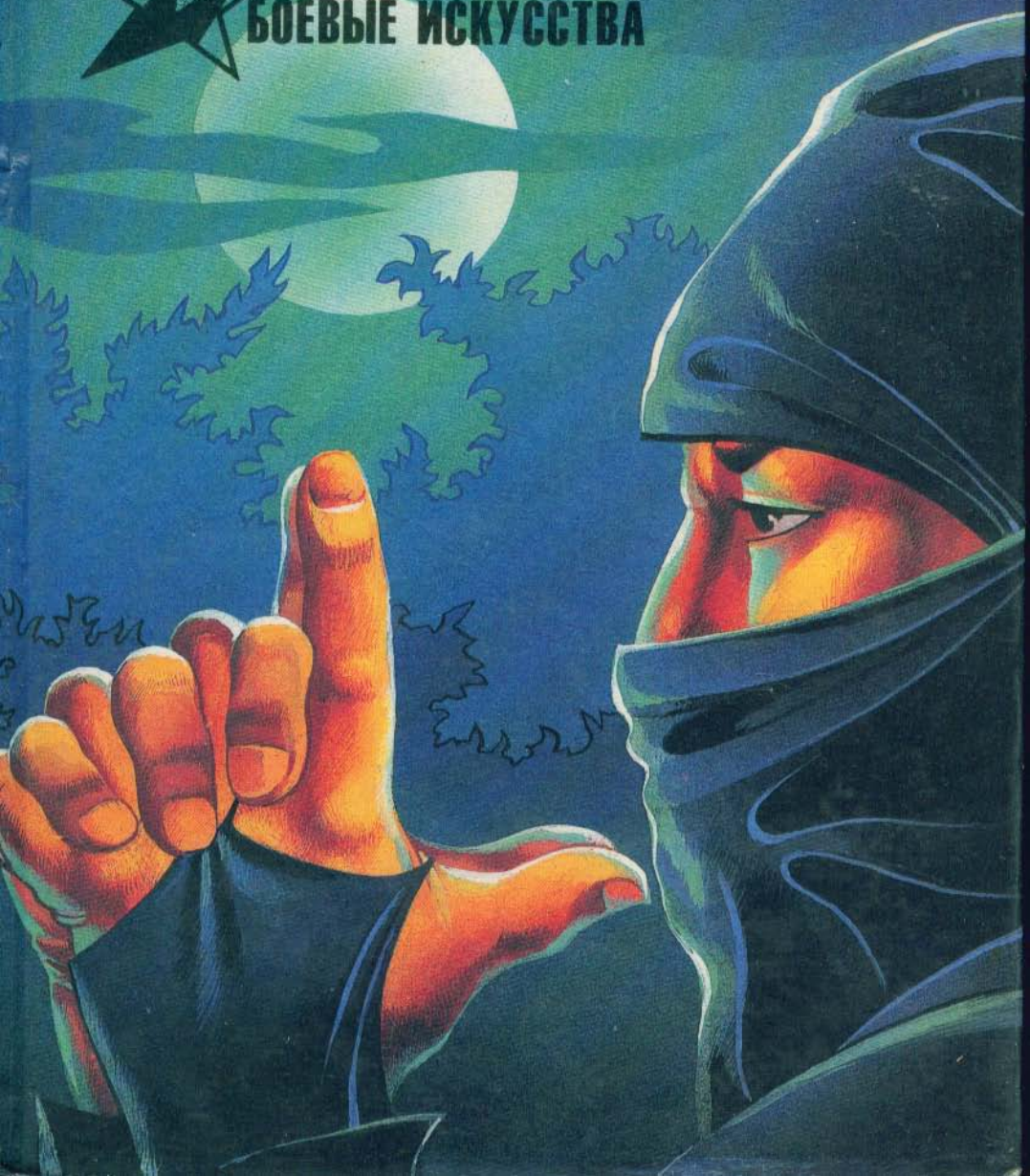

ВОИНЫ-ТЕНИ

БОЕВЫЕ ИСКУССТВА

ББК 75.715
Т19
УДК 796

ТАРАС А. Е.

Т 19 Воины-тени: Ниндзя и ниндзюцу. Мн.: Харвест, 1997. — 240 с. (Серия «Боевые искусства»).

ISBN 985-433-057-5.

Автор книги является одним из ведущих специалистов в СНГ по выживанию, рукопашному бою, методам действий подразделений спецназначения.

Главное достоинство этой книги в том, что автор не пытается выдавать за свое сочинение полуграмотные переводы книг С.Хайе-са, как это делают известные «русскоязычные» деятели. Он предлагает глубоко продуманный, внутренне логичный анализ древнего искусства с позиций современного человека.

Т 7960000000

ББК 75.715

ISBN 985-433-057-5

© А.Е. Тарас, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Искусство ниндзюцу появилось и расцвело в Японии во времена феодальных усобиц, длившихся там более 700 лет подряд. У каждого феодала имелись на службе специалисты особого назначения, которые создавали шпионские сети в других княжествах для получения информации о замыслах их властителей. Они же проводили различные подрывные мероприятия — поджоги, отравления, похищения и убийства, распространяли ложные слухи, подбрасывали фальшивые документы, чтобы сбивать врагов с толку, сеять между ними раздоры.

Особенность тайной войны в этой стране заключалась в том, что подобные задачи, согласно господствовавшим представлениям о морали, должны были решать не самураи (служилое сословие), а представители кланов, находившихся как бы за пределами общественной иерархии, не подчинявшихся общепринятым нормам. Их презирали, ненавидели и боялись, но пока шли войны, обойтись без них не могли. Внутри этих кланов постепенно сложилась специальная дисциплина, главной целью которой стало теоретическое обоснование наилучших способов незаметного проникновения в ряды противника, выведывания его тайн и сокрушения изнутри. Она получила название «ниндзюцу» — искусство быть невидимым.

Ниндзюцу делится на три части: низшее, среднее и высшее. Низшее — это комплекс знаний, умений и навыков, необходимых войсковым разведчикам и диверсантам, политическим террористам, бойцам партизанской войны.

Среднее — это техника агентурной разведки в широком смысле слова: методы вербовки и конспирации, классификация типов агентов и агентурных комбинаций, приемы использования вражеской агентуры, способы сбора и анализа информации и т.д.

Высшее — это своего рода наука об особых политических акциях: о том, как организовать широкомасштабную провокацию, мятеж, государственный переворот, как создавать чрезвычай-

чайные ситуации для ускорения хода событий и направления их в желаемую сторону.

Такое разделение очень важно для понимания сути предмета. Хотя бы уже потому, что то ниндзюцу, о котором сегодня столько говорят и пишут, снимают множество фильмов, отождествляется, как правило, с низшим уровнем. Между тем, сообщества потомственных профессиональных шпионов, террористов и диверсантов — ниндзя — просуществовали в Японии около тысячи лет и сыграли заметную роль в военно-политической истории страны. Это связано с тем, что они стали здесь самостоятельной социальной группой, преследовавшей свои собственные интересы, отличные от интересов феодальных властителей страны. Те считали, что ниндзя работают на них, тогда как в действительности ниндзя использовали феодальные распри в своих целях, ради обеспечения безопасности собственных кланов. Поэтому «настоящее» ниндзюцу — высшее. В нем и еще в уникальной идеологии (известной как «тайное учение») заключена суть ниндзюцу. Все остальное — только техника, вполне доступная любому человеку, пожелавшему ее изучить и применять в тех или иных целях.

Но, к сожалению, именно об этой стороне ниндзюцу известно меньше всего. Если приемы маскировки, прокрадывания, рукопашного боя, диверсий, состоявшие на вооружении средневековых ниндзя, сегодня хорошо понятны, то об их верованиях мы знаем крайне мало. Тайные знания потому так и называются, что редко когда становятся достоянием посторонних людей. Добавьте сюда пропасть между современным цивилизованным человеком и неграмотным горцем эпохи средневековья, умножьте ее на различия между восточной и западной цивилизациями. Тогда вам станет ясно, что о подлинном ниндзюцу мы не можем знать ничего, кроме легенд и отдельных фрагментов детально разработанной доктрины.

Те крохи сведений, которые находятся в распоряжении современных исследователей, приведены в этой книге.

Часть I

НИНДЗЮЦУ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

*Ни раем, ни адом
меня не смутить,
в лунном сиянье стою —
ни облачка на душе...*

(Уэсуги КЭНСИН, XVI век)

Япония наших дней — страна сверхсовременная. Однако свое прошлое она чтит как величайшую святыню. Японцу всегда интересно то, что уходит корнями в глубину веков. Не забыли японцы и своих ниндзя. В тех местах, где обитали когда-то их кланы, созданы музеи. Тщательно изучаются случайно сохранившиеся документы. Говорят, правда, что в их секреты удастся проникнуть только специалистам по шифрам, да и то с помощью компьютеров. Ходят также слухи, будто в Японии до сих пор существуют тайные школы ниндзя, выпускники которых за хорошие деньги предлагают свои услуги тем, кто в них нуждается. Но чему можно верить там, где дезинформация и камуфляж являются законами жанра?

Что мы, собственно говоря, знаем об этом древнем таинственном искусстве? В принципе, ничего определенно. Ведь основными источниками информации для масс являются художественные фильмы, такие как «Месть ниндзя», «Отряд ниндзя», «Убийцы под знаком сакуры», «Убийца сёгуна» и подобные им. А также бульварные романы, вроде трехтомного боевика Ван Ластбадера «Амери-

канский ниндзя». Из этих «шедевров» массовой культуры вырисовывается примерно следующая картина:

Ниндзя — это супермены старой Японии, но супермены со знаком минус. Это жестокие, коварные, изощренные служители Зла, тайные убийцы, похитители, диверсанты, шпионы. Люди без чести и совести, без обычных человеческих привязанностей, лживые, продажные твари. К тому же они убежденные изуверы и садисты, слуги дьявола, помогающие ему вести мир к гибели.

На самом деле ниндзя были связаны с дьяволом не больше любого из нас. Не говоря уже о том, что нет никакого дьявола. Сами ниндзя тоже давно исчезли. Называть таким именем нынешних поклонников ниндзюцу, значит, воспринимать их в тысячу раз серьезнее, чем они того заслуживают.

Действительно, ниндзя приписывали самые невероятные способности, невозможные с точки зрения не только здравого смысла, но и науки. Дескать, они умели летать как птицы, лазать по стенам и потолкам словно пауки, могли ходить по воде не хуже, чем по суше, превращались в разных животных, убивали взглядом или криком, исчезали в клубах дыма, а иной раз просто таяли в воздухе на глазах у всех. Однако эти рассказы не что иное, как обычная реакция невежественных суеверных умов на непонятное. Сегодня хорошо известно, что уловки и трюки ниндзя всегда имели рациональную основу и по своей сути были достаточно просты. Если взглянуть, например, на их технические приспособления, хранящиеся в музее «Ниндзя-ясики» в Ига-Уэно (префектура Мия), то не знаешь, чему удивляться больше: изобретательности ночных воинов или тупоумию современников, не желавших искать иные объяснения фактам, нежели колдовство либо связь с нечистой силой.

Изрядно искажают картину и нынешние «учителя» ниндзюцу, происходящие из неудачливых инструкторов каратэ, айкидо, джиу-джитсу и прочих единоборств. Некоторые из них великолепно наносят удары ногами, другие

неплохо орудуют палкой. Все это замечательно. Но при чем здесь ниндзя? Деятельность такого рода наставников основывается не на традиции, а на собственных фантазиях и всякого рода экзотике. Рецепт достаточно прост: немного сказок по мотивам восточной истории, немного ритуалов какого-нибудь племени мумбо-юмбо; побольше джиу-джитсу и тренировок в духе спецназа. Вот вам и ниндзюцу! Кстати, в этом искусстве сроду не было никаких степеней «дан» или «кю». Когда вам предлагают сдать экзамен на очередную степень, из вас просто хотят выкачать побольше денег. А наличие высокого дана у наставника означает лишь то, что он в большей мере самозванец, чем другие.

* * *

Что касается слухов о ниндзя, как об исчадиях ада, то они берут начало в далеком прошлом. Японское феодальное общество было разделено на ряд сословий. Выше всех стояли удельные князья (даймё), ниже располагались профессиональные воины (самурай), еще ниже — крестьяне, затем шли священнослужители, ремесленники, торговцы и, наконец, «грязное» сословие (буракумины). Места для ниндзя в этой иерархии не было. Они находились вне общества и вне закона. Соответственно, у них властвовали иные правила — их собственные.

Например, самурай ни в одной ситуации, даже на войне, не мог действовать так, как ему вздумается. Крепче, чем канатами, он был опутан сословными представлениями о чести, о долге, о благородстве, зафиксированными в моральном кодексе «Бусидо». Он должен был презирать опасность и не бояться смерти, с равными себе он мог сражаться только лицом к лицу, без малейшего вероломства; ему следовало сохранять до конца верность своему князю; любой поступок, который его начальники или товарищи считали позорным, ему приходилось искупать самоубийством посредством вспарывания живота...

Однако что значит быть преданным конкретному человеку несмотря ни на что? А если этот человек сошел с ума? А если он стал законченным негодяем? А если он просто дурак, способный лишь погубить порученное дело, доверившихся ему людей и себя вместе с ними? Ниндзя тоже являл собой образец верности. Но он был верен своему клану, а не тем феодалам, которым служил, и которые думали, что используют его в своих интересах. Еще он всегда оставался верен своим идеалам, которые — в отличие от людей — не могли измениться и стать хуже, чем прежде. Ниндзя были свободны от большинства предрассудков своего времени, так как намного опередили его. В любых действиях превыше всего они ценили результат, а не способ его достижения. Поэтому самураям их тактика казалась «игрой без правил», они ненавидели их и презирали.

К 1615 году сёгун (военный диктатор) Токугава Иэясу завершил объединение страны. Установленный им режим жесткой центральной власти, основанный на строжайшей общественной иерархии и на изоляции от остального мира, продержался ни много ни мало 250 лет, вплоть до буржуазной революции Мэйдзи 1868 года. Феодалные усобицы, заливавшие Японию кровью 700 лет подряд, наконец прекратились. В эпоху Токугава ниндзя стали считать не просто отщепенцами, а нелюдью — «хинин» (буквально это значит «нечеловек»). Отныне любого из них, попавшего в руки властей, следовало казнить лютой позорной смертью уже не за конкретные деяния, но просто за то, что своим существованием они нарушали общепринятый порядок.

В средние века кланы ниндзя боролись за выживание, используя в своих интересах войну всех против всех. Когда резня кончилась, оказалось, что они виноваты больше других. Понять это нетрудно. Обвиняемым во всех грехах обычно становится меньшинство, национальное, религиозное или социальное — неважно. То евреи виноваты, то мусульмане, а вот в Японии — ниндзя. Добавьте сюда невежество и суеверия масс, отсутствие достоверной инфор-

мации, замещаемое вымыслом, и вам станет ясным, почему у ниндзя столь гнусная репутация.

В период жестокого правления Токугава ниндзя медленно, но неуклонно сходили с исторической сцены. И в конце-концов пропали совсем.

* * *

Тем не менее, десять веков существования их кланов оставили кое-какие следы, позволяющие составить хотя бы общее представление о том, что это были за люди, и в чем заключалась суть их искусства. Что же сохранилось до наших дней от темных веков страха и крови? Несколько зданий, переживших пожары и землетрясения. Например, дом Мотидзуки в Киото, дом Охара в Ига-Уэно, развалины дома Момоти, знаменитого некогда рода, потомок которого, простой крестьянин, продал недавно коллекционерам несколько интереснейших старинных документов. Цел и невредим храм Хакуходзё-дзи в Ига-Уэно, считавшийся в прошлом одним из главных учебных центров ниндзя.

Самое главное — сохранились трактаты, позволяющие уяснить содержание истинного ниндзюцу, искаженное столетиями непонимания и клеветы. Это «Справочник приемов ниндзя» (Сё-нинки-ниндзюцу), написанный Хаттори Сандзиро и «Десять тысяч рек, впадающих в море» (Бансэн Сюкай), автором которого является Фудзибаяси Ясутакэ (или Ясуоси) из клана Ига-рю, датированный 1676-м годом.

Мастер Ясутакэ принадлежал к одному из трех семейств «дзёнин» (Момоти, Фудзибаяси, Хаттори), руководивших кланом Ига-рю. Его труд состоит из 10 толстых тетрадей, написанных от руки и переплетенных тоже вручную. Трактат представляет собой связное, логически завершённое произведение, имеется даже указатель содержания всех десяти томов.

Первая книга называется «Дзё». Она содержит введение, оглавление, раздел вопросов и ответов. Здесь в форме дискуссии о методах победоносного ведения войны излагается

практическая философия ниндзя. Подчеркивается важность принятия обоснованных решений в результате анализа достоверной информации. Сказано, что надо управлять событиями через управление людьми. Отмечается, что единство помыслов руководителей и подчиненных, высокий моральный дух, знание планов и возможностей противника дают возможность малым числом и малой кровью побеждать большую силу. Справедливо говорится о том, что один надежный агент способен погубить целое войско. В этом смысле верно утверждение, что один человек может побеждать тысячи врагов.

Во второй книге («Сёсин») рассматриваются мотивы боевых действий ниндзя, говорится об их преданности близким людям. Ниндзя воюют сознательно, понимая свою личную ответственность за судьбу семьи, рода, клана. Они знают, что обязаны обеспечить их процветание любой ценой. Поэтому по отношению к врагам допустимы обман, ложь, клевета, самые коварные и жестокие методы.

Следует напомнить, что в средние века такие понятия как «родина» или «народ» просто не существовали. Самурай, например, всегда хранил верность не нации, и даже не императору, а какому-то конкретному аристократу. Так что ниндзя были ничуть не менее моральны, чем их извечные враги — самурай.

Еще в этой книге говорится о том, что чисто технически, на уровне приемов, любой может действовать как ниндзя. Однако суть ниндзюцу не в технике, а в духе, оживляющем и направляющем ее.

Название третьей книги «Сёти». Это своего рода наставление по теории управления тайной организацией. Раскрыты методы ее создания, руководства, использования для решения различных задач. Подчеркивается значение конспирации, а также мер, предохраняющих от проникновения в организацию вражеских агентов.

Четвертая книга — «Ё-нин» («Ё» по-японски то же самое, что «ян» по-китайски, т.е. светлое, положительное начало бытия). Такое название связано с тем, что в этой

книге изложены «светлые» (легальные) методы действий ниндзя. Здесь показано, как путем сопоставления и анализа информации, полученной обычными способами (наблюдение, слухи, общедоступные документы и литература, ранее установленные факты) можно выявлять то, что скрывается от посторонних. Сказано, что к тайным методам следует прибегать лишь в том случае, если необходимые сведения нельзя получить иным путем.

Следующие три книги (5, 6, 7) имеют общее название «Ин-нин» (этот термин эквивалентен китайскому «инь»). В них описаны «темные» (тайные и коварные) методы ниндзя. Перечисляются способы введения противника в заблуждение (дезинформации), создания паники, заманивания в ловушку. Подчеркнута особая ценность тех приемов, которые самураи считали бесчестными: нарушения клятвы или договора, подкупа, шантажа, похищений, убийств из-за угла. В этих книгах названо немалое количество вариантов подобных действий, начиная с одиночных акций и кончая общим планом примерной военной кампании.

Однако большинство приемов закодировано. Так, в одном месте говорится, что в определенных случаях целесообразно использовать прием под названием «дождь в деревне» (мурасамэ-но-дзюцу), есть даже рисунок к нему, но никак не поясняется, что именно скрыто под этой тактикой. Видимо, для опытного ниндзи книги «Ин-нин» служили справочным пособием. Всем остальным для постижения их содержания требовался учитель, знакомый с условными терминами тайного кода.

Восьмая книга называется «Тэнчи». В ней указано, как можно предвидеть случайности и выявлять тенденции в событиях по системе «эккё» (эквивалент китайской системы «и-цзин»), с учетом полярности «ин-ё» (инь-ян) и взаимопереходов пяти стихий («гогё-сэцу»). Здесь же перечисляются способы предсказания погоды, ориентации на местности, определения расстояний. Даны таблицы прили-

вов и отливов, что в условиях японского архипелага имеет большое практическое значение.

«Нинки» — таково название девятой книги. В ней подробно описывается костюм ниндзя и его снаряжение для лазания по горам, крепостным стенам и домам, для действий в воде, для тайного проникновения в помещения. Говорится о том, как лучше проделывать отверстия в стенах, взламывать замки и двери, перебираться с крыши на крышу и о прочих вещах того же рода.

Десятая книга является заключительной и не имеет названия. При желании ее можно считать второй частью девятой, ведь у ниндзя число 9 было священным. В ней дана подборка материалов об изготовлении и применении взрывчатых, зажигательных и дымовых веществ, а также о лекарствах и ядах.

Но и здесь нет тех инструкций, с помощью которых этими сведениями мог бы воспользоваться посторонний. Более того, текст десятой книги, в отличие от предыдущих, написан на диалекте района Ига середины XVII века. Поэтому его не могут до конца понять даже японские историки. Например, лекарственные и ядовитые растения названы местными именами той далекой эпохи: «медвежья лапа» — какая-то травка, «белая лошадь» — некий цветок, и так далее. Остается лишь гадать о том, что скрывается за всеми этими названиями и описаниями.

Короче говоря, «энциклопедия ниндзюцу» написана так, чтобы ею могли пользоваться только сами ниндзя, люди, приобщенные к подлинной традиции — «ити-мон» (Единственным Вратам). Она предназначена в качестве конспекта или справочного пособия членам клана, и больше никому другому. А в клане весь опыт школы, все ее знания воплощены в личности «сокё» — носителя традиции данного «рю», и одновременно — верховного руководителя клана. Вот почему никто из нынешних западных поклонников ниндзюцу не обладает, и не может обладать полным знанием. В самом лучшем случае им доступны лишь его фрагменты...

* * *

Даже в самой Японии известны всего несколько мастеров, унаследовавших знания традиционных школ. Это Нава Юмио, Окусэ Хэйситиро, Отакэ Рисукэ, Танемура Сёто, Хакуюсай Норихиро, Ямасита Тадаси и знаменитый Хацуми Масааки, 34-й «сокё» школы «Потайной двери» (Тогакурэ-рю). Но и они не преподают ниндзюцу во всей его полноте. Закон запрещает им выходить за рамки приемов самообороны и методов психофизического совершенствования. К тому же среди их учеников преобладают иностранцы, в основном это американцы. Что касается японцев, то в подавляющем большинстве они воспринимают подвиги ниндзя на уровне сюжетов «тямбара» — кинобоевиков о феодальном прошлом, полных лязга сабель и стонов павших.

Поэтому бесполезно мечтать о возрождении классического ниндзюцу, как и о том, чтобы самому превратиться в ниндзя. Раз уж это невозможно в Японии, то на Западе и подавно. Вырванное из исторического и культурного контекста, древнее искусство ночных воинов может быть только бледной тенью того, чем оно когда-то являлось — эффективным средством политики и войны. Политические террористы, боевики преступных группировок и агенты спецслужб далеко не ниндзя, однако именно они ведут безжалостную тайную войну по всему миру с таким размахом, который даже не снился ни одному «сокё».

Почему, в таком случае, повсюду в Америке и в Европе множатся клубы ниндзюцу? Думаю, что дело не только в экзотике. Суть движения, на мой взгляд, складывается из трех основных компонентов: из желания гарантировать собственное выживание в обществе, непрерывно атакуемом преступниками, то и дело взрывающемся войной, катастрофами, стихийными бедствиями; из потребности развития своего «я» через суровый тренинг и опасные испытания; из стремления быть ближе к природе и жить в согласии с ее законами.

Но для этого вовсе не обязательно осваивать старинную технику работы с мечом или серпом, плавания с бычьим пузырем, лазания по стенам в шипастых перчатках. Аква-ланг и дельтаплан, бесшумный пистолет и снайперская винтовка, моторная лодка и снегоход, фотоаппарат и прибор ночного видения, радиостанция и подслушивающие электронные устройства, пластиковая взрывчатка и многое другое делают ненужными практически все инструменты и виды оружия ниндзя. Нечего об этом жалеть. Из текста «Бансэнсюкай», других старинных книг и документов следует, что главное заключено не в этом. Главное — это философские принципы, равно как и тактика действий ниндзя, позволяющие объединять разрозненные элементы в стройную систему. А система, как известно, это такая совокупность элементов, которая, будучи объединенной на основе определенного принципа (или принципов), дает новое качество, несводимое к качествам составляющих ее элементов.

* * *

В чем же все-таки суть истинного ниндзюцу? Японский иероглиф «нин» имеет два ряда значений. Один ряд — это «выносливость», «терпение», «стойкость», «упорство». Другой — «тайный», «незаметный», «скрытый». Иероглиф «дзя» переводится как «личность», «индивидуум». Следовательно, ниндзя — это «человек, который действует тайно и упорно», а слово ниндзюцу означает «искусство тайных действий». Но не так все просто. Сам иероглиф «нин» образован двумя меньшими иероглифами, из которых верхний символизирует «клинок», «лезвие», а нижний — «сердце» или «дух». Поэтому более пространная и более точная трактовка смысла иероглифа «нин» звучит следующим образом: «Хотя враг угрожающе держит клинок возле моего сердца, я выстою и одержу победу!»

В своей книге «Ниндзюцу хикэцу бун» мастер Такамацу Тосицугу (ушедший из жизни в 1973 году) писал: «Вселен-

忍術

Иероглиф «нин дзюцу»

忍者 忍道

Иероглифы «нин дзя» (слева) и «нин до» (справа)

ная вмещает все, что мы называем плохим и хорошим, она содержит в себе ответы на любые вопросы, любые проблемы, существующие в этом мире. Открыв ей свои глаза, сердце и разум, ниндзя обретает способность улавливать тончайшие изменения в окружающей среде и постигать волю небес.

Благодаря этому, он приспосабливается к любым условиям, изменяясь в той мере, в какой требуют обстоятельства. Интуитивно он предчувствует будущие события, и ничто на свете не может застать его врасплох. Такие понятия, как «внезапно» и «невозможно» перестают существовать для него, и он всегда побеждает».

Итак, заключает мастер, прозванный когда-то «монгольским тигром», искусство ниндзя — это «искусство побеждать врагов несмотря ни на что». Не надеяться на успех, а быть уверенным в нем, пребывая в радости, не испытывая ни страха, ни гнева — таков дух истинного ниндзюцу!

Обобщая высказывания японских мастеров, можно следующим образом определить сущность классического ниндзюцу: Это путь духовного и физического совершенствования человека с целью обретения им способности тайно управлять событиями ради выживания своей семьи, своего рода, своего клана. С позиций этого определения особенно хорошо видна примитивность так называемых «современных ниндзя», не сумевших взять из наследия прошлого ничего, кроме техники. И даже эта техника у них вырождается, потому что уровень обучения крайне низок, а смертоносные некогда приемы ныне безнадежно устарели.

Если же под ниндзюцу понимать философское отношение к жизни и смерти, стратегию и тактику действий в экстремальных ситуациях, методы укрепления духа и тренировки тела, то и сегодня можно следовать путем древних воинов-теней, не изучая их систему в деталях. Хладнокровие, смелость, упорство, терпение, преданность близким людям, умение использовать в своих интересах все и всех — когда и кому это покажется лишним? Жить по за-

ветам ниндзя — значит идти в ногу с эпохой, используя те возможности, которые дает современная цивилизация.

Впрочем, такая жизнь представляет процесс непрерывного тренинга, что доступно очень немногим, пожалуй, только спортсменам-философам. Данная человеческая разновидность встречается у нас крайне редко. Но что поделаешь? Если человек стремится разбогатеть, или сделать карьеру, или чем-то прославиться, ни о каком ниндзюцу ему лучше не думать. Это искусство для избранных, способных превратить его в свой образ жизни, не ожидая признания, понимания, восхищения окружающих. Более того, они должны всячески скрывать от них свое истинное лицо, свои подлинные мотивы и цели.

Следует также помнить, что ниндзя совершали подвиги не ради тех феодальных хищников, к которым нанимались на службу. Они всегда действовали во имя коллективов, членами которых являлись, и на основе законов Неба, как они их понимали, то есть законов высшей справедливости. Это очень важное обстоятельство, которым пренебрегают в современном обществе, пропитанном идеями индивидуализма и аморализма. Ниндзя чаще всего действовал в одиночку, но он никогда не был одинок. Он ощущал себя частью единого организма — своего клана, и — еще шире — частью Природы. Поэтому все его действия были совершенно естественны, во многом они определялись не разумом, а интуицией и инстинктами. Современному человеку, давно разучившемуся ощущать свое единство даже с собственными детьми и супругами, не говоря о животных и растениях, такое абсолютно недоступно.

* * *

Из сказанного здесь следует вывод, что ребята, одевшие черные балахоны, и отрабатывающие в лесу приемы рукопашного боя, перемежая их кроссами, лазанием по деревьям и уроками маскировки, имеют отношение к ниндзюцу не больше, чем к полетам в космос. Конечно, их занятия

могут быть и увлекательными, и полезными. Но при чем здесь искусство тайного управления событиями? Какие цели они ставят перед собой?

Фактически, они культивируют в себе лишь чувство иллюзорного превосходства над другими людьми. Однако тех, кто стремится к господству ради самого господства, общество рано или поздно ставит на место, не стесняясь при этом в средствах. Конечно, для истинных ниндзя и сегодня нашлась бы работа. Рэкетеры, террористы, мафия, манияльные убийцы, чем не враг? Только враг этот не игрушечный. Если кто-то захочет играть в одиночку роль поборника справедливости, защитника униженных и оскорбленных, неуловимого тайного мстителя (а персонаж этот весьма популярен в кино и литературе), он должен знать: очень быстро он сам станет объектом для охоты, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя жизнь на грани смерти (кажется, именно так жили настоящие ниндзя?) гарантирует ему сильные эмоции и незабываемые впечатления.

Думаю, что подобных чудаков не найдется, разве что несколько человек на сто миллионов. Что, в таком случае, остается? Только психофизическое совершенствование в процессе освоения методов выживания (в самом широком смысле слова). Условно эти методы можно разделить на следующие пять групп:

- Психологический тренинг (аутотренинг, самопрограммирование, медитация, гипноз, развитие памяти, наблюдательности и т.д.);

- Общефизический тренинг (бег, плавание и ныряние, акробатика, силовые упражнения, спортивные игры);

- Самозащита без оружия и рукопашный бой с использованием различных предметов;

- Пеший и водный туризм, с элементами ориентирования, скалолазания, обеспечения жизни в условиях дикой природы;

- Специальные методы (стрелковая подготовка, маскировка, изучение различных технических устройств и способов их использования).

Объединяющей и направляющей силой для всех частных видов тренинга должна служить та или иная философская, либо философско-религиозная концепция, дающая смысл вашей жизни.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ НИНДЗЮЦУ

Даже хорошо зная символику китайской и японской культуры, трудно проникнуть в тайну, скрывающую историю возникновения, образ жизни и психологию ниндзя. Из-за почти полного отсутствия древних письменных источников, та информация, которая дошла до нас о старых кланах ниндзя, носит обрывочный характер.

* * *

Начнем рассказ с середины VI века. В то время Китай был разделен на два больших государства, Вэй и Лян, и ряд мелких. Все они враждовали между собой. Эта борьба подточила их силы, и в начале следующего столетия власть во всей стране перешла к новой династии Тан. В танской империи сосуществовали три религиозно-философских учения: даосизм, конфуцианство и буддизм. Буддизм, который начал распространяться среди китайцев с середины 1-го века, все больше и больше набирал силу и настолько окреп, что танские императоры вскоре сделали его государственной религией.

Буддийское духовенство в Китае делилось на две основные группы: тех, кто жил в монастырях (их было большинство) и тех, кто бродил по стране, питаясь подаянием и проповедуя взгляды, существенно отличавшиеся от офици-

Рисунок К. Хокусая (1760 — 1849) «Действия ниндзя»

ально признанных. В своих странствиях бродячие монахи («люгай») постепенно проникали все дальше и дальше за пределы своего отечества — в Корею, Вьетнам, а с начала VII века — и в Японию.

Надо отметить, что китайские власти всегда боролись с нищенствующими бродячими монахами. Обвиняя их в извращении учения Будды и в колдовстве, они преследовали их всеми доступными способами. Монахи, однако, активно сопротивлялись и заходили в борьбе с властями так далеко, что нередко примыкали к отрядам повстанцев или к шайкам разбойников. Постепенно в связи с этим в их среде сложилась своеобразная система выживания в экстремальных условиях, получившая название «Люгай мэнь» — «Врата учения нищих монахов». Она включала в себя искусство маскировки и перевоплощений, методы врачевания, приготовления лекарств, технику гипноза и вхождения в транс, и многое другое, что помогало бродячим монахам преодолевать опасности, подстерегавшие их повсюду.

* * *

С времен династии Тан установились прочные связи между буддийскими кругами Китая и Японии. Достаточно сказать, что все школы и секты японского буддизма, возникшие в период с VII по IX век, свою философию и ритуалы заимствовали у аналогичных китайских школ. Но, попадая на японскую почву, школы китайского буддизма обычно смешивались с местными верованиями и претерпевали поэтому довольно существенные изменения. Собственно говоря, именно это позволяет отличать их от китайских прототипов.

Подобные изменения произошли и с сектой бродячих монахов «люгай», которая трансформировалась в движение части японских монахов (в основном самозванных, т.е. не имевших государственного свидетельства, так называемых «сидосо»), противопоставлявших себя официальной цер-

кви. Это движение получило название «гёдзя» (отшельничество), а его центральной фигурой является полулегендарный Энно Одзуну (634—703).

Выросший в богатой и знатной семье, он в пятнадцатилетнем возрасте постригся в монахи и стал изучать буддийский канон. Но склонность к мистике побудила его вскоре уйти из монастыря и поселиться в пещере на заросшем густым лесом склоне горы Кацурага. Там он прожил более 30-и лет. За это время Одзуну с помощью китайцев детально познакомился с системой «люгай мэнь» и соединил ее с синтоистским культом гор. В результате он создал оригинальное учение, названное им «Сюгэндо» — «Путь обретения могущества».

Важнейшую роль в практике «обретения могущества» (т.е. овладения сверхъестественными силами) Одзуну признавал за буддийскими методами достижения «просветленного сознания». Речь идет о дыхательно-медитативных упражнениях «кокую» (кит. «цигун»). В то же время из синто он взял ритуальные восхождения к вершинам, где якобы обитают горные духи (ками), возжигание священных костров «гома» для привлечения божественной силы «икёй», технику вхождения в транс «такисугё» (стояние под водопадом), когда у адепта изменяется сознание под воздействием потока ледяной воды, падающего на темя и еще декламацию «дзюмоң» (заклинаний).

Как и бродячие нищие монахи «люгай» в Китае, последователи «сюгэндо» в Японии очень скоро стали подвергаться преследованиям со стороны светских властей и официальной церкви. Аскеты-отшельники лишали казну налога, а монастыри — прихожан и даров. В то же время они пользовались огромным авторитетом в народе как знахари и прорицатели. Дело дошло до того, что многие крестьяне стали считать самозванных монахов, этих бродяг и отшельников, единственными истинными последователями учения Будды! Понятно, что правящие круги не желали мириться с таким положением вещей. Были изданы указы, запрещающие бродяжничество (717 г.) и учение «сюгэндо»

(718 г.). Однако запреты не дали желаемого результата. Число последователей Энно Одзуну продолжало увеличиваться. Они укрывались в потайных скитах в горах, поэтому их стали называть «яма-но-хидзири», т.е. «горные мудрецы».

Когда во время царствования императрицы Кокэн вся реальная власть с 765 по 770 годы сосредоточилась в руках министра-монаха Докё, гонения на неофициальную церковь усилились. Особым указом Докё запретил строительство часовен и храмов в горах и лесах, а самозванных монахов было велено разыскивать и заключать под стражу. Репрессии повлекли за собой объединение горных отшельников, бродячих монахов и части крестьян — приверженцев «сюгэндо» — в замкнутые общины, и все большую милитаризацию этих общин.

Зачатки знаний о выживании, почерпнутые у китайских монахов «люгай», были дополнены и расширены, а среди самих «сидосо-гёдзя» выделилась особая прослойка монахов-воинов (сохэй), главной задачей которых стала защита горных общин от нападений вооруженных отрядов, посылаемых властями. Большую роль в совершенствовании воинского искусства «горных мудрецов» сыграло то обстоятельство, что после поражения в 764 году восстания Накамаро Фудзивара уцелевшие мятежники (большинство которых составляли профессиональные воины) бежали в горы. Там они пополнили ряды «сохэй».

* * *

На рубеже IX—X веков термин «яма-но-хидзири» постепенно вышел из употребления. Бывших «горных мудрецов» все чаще и чаще стали называть «яма-буси», что означает, в одном варианте чтения иероглифов, «спящие в горах», а в другом — «горные воины». В эти же времена их учение «сюгэндо» было дополнено и углублено идеями буддийской школы «сингон» (инд. «мантра», т.е. магическая словесная формула). Основатель этой школы Кукай (774-835)

оставил ярчайший след в японской истории. Проповедник, поэт, философ, лингвист, каллиграф, художник, скульптор, врачеватель, он стал героем множества легенд, остался в народной памяти как великий мудрец и чудотворец!

Созданное им по китайскому образцу учение подразделялось на явное и тайное. В свою очередь, тайный раздел включал в себя медитацию в процессе созерцания «мандал» (нечто вроде икон, изображающих, однако, не святых, а буддийскую картину мироздания), искусство заклинаний, ритуальные позы и жесты. Система Кукая давала ощущение реального слияния с космосом и обретения магической силы...

* * *

Когда же появились школы ниндзюцу в чистом виде? По существу, такие школы, ведущие родословную от семейных кланов монахов-воинов «сохэй», сложились уже к XI веку, хотя они еще не осознавали себя в качестве «рю», т.е. школ боевых искусств. Превращению сохэй в ниндзя способствовали политические события.

С середины X века до середины XVII века вся Япония оказалась охваченной войнами князей друг против друга, мятежами аристократов и народными восстаниями. Кровавая смута продолжалась более 700 лет подряд!

В такой обстановке очень быстро возникла необходимость в квалифицированной разведке, которая могла бы обеспечить решающий перевес какой-либо из враждующих сторон. Но при этом воинское мастерство самураев, этих рыцарей «без страха и упрека», диктовало ряд условий разведчикам, действующим против них. Самым главным из них являлся профессионализм шпиона, который должен был уметь не только добывать нужную информацию (что само по себе нелегко), но и в кратчайшие сроки доставлять ее по назначению. И то, и другое требовало великолепной общефизической, боевой и специальной подготовки.

Сохэй обладали всеми необходимыми качествами такого рода. Поэтому именно они стали в феодальной Японии потомственными профессиональными разведчиками, террористами и диверсантами. Практически каждый удельный князь (даймё) старался привлечь на свою сторону какой-нибудь клан сохэй, чтобы обезопасить себя от неприятеля. Так волею судьбы монахи-воины оказались втянутыми в феодальные распри и борьбу за власть. В свою очередь, это привело к тому, что система их подготовки стала быстро совершенствоваться. Клан сохэй один за другим превращались в «рю» ниндзюцу.

Во главе каждого клана (или школы, что одно и то же) стояли так называемые «дзёнин», хранители традиций и секретов школ, их верховные руководители и духовные наставники. Это были прежние яма-но-хидзири и ямабуси. Повседневные хозяйственные заботы, подготовка молодежи и руководство конкретными боевыми операциями легло на плечи «тюнин», среднего звена в иерархии ниндзя. И, наконец, их основную массу составляли рядовые исполнители, «гэнин».

В середине XIII века получили известность уже около 20-и школ ниндзюцу, а к XVII веку их стало более 70-и. Пополнение рядов ниндзя в ту эпоху шло в основном за счет «ронинов», т.е. самураев, потерявших службу, а вместе с ней жалованье и землю. Наиболее известными школами были следующие: Гёкко-рю, Дзёсю-рю, Ёсидзунэ-рю, Ига-рю, Кайдзи-рю, Кога-рю, Косю-рю, Мацумото-рю, Накагава-рю, Нэгоро-рю, Рикудзи-рю, Синсю-рю, Тогакурэ-рю, Уэсуги-рю, Фума-рю, Хагуро-рю, Хаттори-рю...

Достигнув своего расцвета в эпоху феодальных войн, ниндзюцу стало приходить в упадок после 1615 года, когда закончилось объединение Японии в централизованное государство и установился прочный мир.* Оказавшись «без-

* Последний крупный мятеж произошел в 1637—38 г.г. в Симабара, недалеко от Нагасаки, где против режима Токугава выступили крестьяне и ронины, исповавшие Христианство. С помощью всего десяти ниндзя власти уничтожили около 40 тысяч мятежников в замке Хара.

Эмблемы кланов Ига-рю (вверху) и Кôга-рю (внизу)

работными», кланы ниндзя в своем большинстве перешли к занятиям ремеслами и торговлей. Не находя практического применения своим питомцам, школы ниндзюцу постепенно пришли в полный упадок. Ко времени буржуазной революции Мэйдзи 1867-68 гг. ниндзюцу, когда-то наводившее ужас на самураев, фактически исчезло, несколько семей, где оно еще передавалось по наследству, не в счет.

* * *

С точки зрения самураев, подчинявшихся условностям феодального общественного строя (а эти условности включали и определенные правила ведения войны) ниндзя, не признававшие общепринятых этических норм, готовые напасть на спящего и ударить в спину, безусловно являлись законченными негодяями. Соответственно, не могло быть и речи о рыцарском отношении к ним (как известно, самураи никогда не пытали своих пленников, за исключением пленных ниндзя, подвергавшихся самым изощренным мучениям). Они не заслуживали ничего, кроме ненависти и презрения.

Однако ненависть — это такое чувство, которое питается страхом. Ниндзя боялись потому, что они олицетворяли собой иной мир — чужой, непонятный и враждебный для подавляющего большинства жителей тогдашней Японии. Им приписывали общение с духами, оборотнями, демонами, привидениями и прочими темными силами. Самураи верили, что именно оборотни «тэнгу» (злые люди-вороны) были предками ниндзя, передавшие им свою демоническую силу и дьявольское умение. Сами же воины-тени всячески поддерживали эти суеверия, ибо они рождали у потенциальных противников ощущение обреченности и становились, таким образом, еще одним видом оружия в их арсенале. История свидетельствует, что используя в своих интересах страх перед нечистой силой, ниндзя порой добивались успеха в совершенно безнадежных предприятиях.

Ниндзюцу было в высшей степени функционально. Все традиционные направления и школы японских боевых искусств неизбежно становились «искусством ради искусства». На каком-то этапе своего развития они начинали жертвовать эффективностью ради эффектности, адекватным восприятием реального боя ради застывших схем, целесообразностью ради ритуала. Это обуславливалось подчинением определенным этическим нормам и вытекающим из них «правилам ведения войны». Другое дело, что пока в Японии длилась эпоха феодальных усобиц, данный процесс не мог пойти слишком далеко.

Постоянная проверка эффективности техники и тактики в суровых условиях настоящей войны приводила к тому, что все внешне красивое, но не дающее осязаемого превосходства над врагом, погибало вместе с теми воинами, которые пошли ложным путем. Но потом, когда кровавые распри ушли в прошлое, т.е. с середины XVII века, требования личной безопасности, внешней красоты и доступности боевых приемов для всех желающих восторжествовали. В качестве примера можно привести занятия каратэ в специальных костюмах свободного кроя, босиком, на мягких матах, в теплом ярко освещенном зале, в защитном снаряжении, по определенным правилам (в глаза и в пах не бить, рук не ломать и т.д.). Но попробуйте ночью, зимой, на заледневшем асфальте ударить противника ногой в голову, или попросите бандитов с ножами в руках соблюдать «правила», и вы сами убедитесь в том, что от большинства приемов каратэ мало проку. Тем более не может быть и речи об абсолютном превосходстве над противником, которое обеспечивается не техникой, а особым состоянием психики.

Ниндзюцу изначально не было связано какими-либо этическими, психологическими или техническими ограничениями. Эффективность, эффективность и еще раз эффективность — вот единственный критерий и его главный

принцип. Полностью истребив в себе неуверенность и страх, выковав стальную волю, овладев до автоматизма множеством приемов и умений, постигнув воинскую магию, ниндзя становился сверхчеловеком, который по своим возможностям в несколько раз превосходил любого врага.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ПАТРИАРХ

Говоря о популярности ниндзюцу в современном мире, важно понять одну любопытную особенность. Есть много книг об этом искусстве, и немало «учителей». Но и те, и другие появились благодаря одному-единственному человеку, имя которого — Масааки Хацуми. Он — тридцать четвертый патриарх и верховный наставник школы ниндзюцу Тогакурэ-рю. И он же первый из всех наследников древних традиций ниндзя, который начал знакомить с ними широкую публику.

Будущий великий мастер родился 2 декабря 1931 года в небольшом японском городке Нода префектуры Тиба. Эта дата существенна для нашего рассказа. Она означает, что Хацуми, которому к моменту окончания мировой войны не было еще и четырнадцати лет, принадлежит к тому поколению японской молодежи, которое писатель Кэндзабуро Оэ назвал «опоздавшим».

Дело в том, что вся система воспитания подрастающего поколения в тогдашней Японии была направлена на формирование вполне определенного типа личности, своей искренностью, верой и энтузиазмом (а также своей наивностью и невежеством) напоминающего тип нашего комсомольца двадцатых и тридцатых годов. С детства японские юноши и девушки знали, что они принадлежат к народу, находящемуся под покровительством богов и управляемому живым богом — императором. Им также внушали, что они живут на самой благословенной земле, ко-

торой никогда не касалась нога завоевателя, что весь японский народ — это одна большая семья, и что император — отец всех японцев.

В стране культивировалась самурайская мораль, согласно которой нет ничего достойнее, чем с честью погибнуть во славу своего императора, своего народа и своей родины. Молодежь целенаправленно готовили к войне. Достаточно сказать, что больше всего часов в программе средней школы отводилось военному делу и традиционным боевым искусствам — дзюдо и кэндо.

Но 2 сентября 1945 года война закончилась полным разгромом Японии. На ее землю впервые за всю историю пришли оккупанты. Прежние идеалы рухнули. Реакция «опоздавшей молодежи» на это оказалась, конечно, разной. Кое-кто не пожелал смириться с крушением империи и покончил с собой. Подавляющее большинство постаралось как можно скорее забыть о прошлом и полностью погрузиться в работу и семейную жизнь. А некоторые пытались сохранить себя прежними, подпольно занимаясь боевыми искусствами (запрещенными в первые послевоенные годы американской администрацией).

К числу последних принадлежал Масааки Хацуми. Он начал заниматься боевыми искусствами в связи с ситуацией в семье. Дело в том, что его отец пил. И хотя человек был, в общем-то неплохой, он, возвращаясь домой пьяным, становился агрессивным и хватался за нож. Единственное, что мог сделать маленький Хацуми — это убежать или спрятаться. В конце-концов мальчику надоело все время прятаться и он решил изучить искусство самозащиты. Так в 1944 году, на тринадцатом году жизни, он пришел в группу дзюдо, где эта дисциплина осваивалась по гораздо более широкой программе, чем в школе.

Вспоминая впоследствии в книгах о своем детстве, Хацуми пишет, что именно отец оказался тем человеком, который, сам того не желая, направил его на Путь боевых искусств. Он же своим недостойным поведением в семье невольно способствовал развитию у сына обостренного

Тосицугу Такамацу, 33-й сокё Тогакурэ-рю

чувства опасности, сохранившегося и потом. А это качество, выработанное годами напряженного ожидания и страха, впоследствии значительно облегчило постижение основ ниндзюцу. Выяснилось, что потомственные ниндзя специально растят своих детей в условиях моделирования ситуаций, которые ребенок воспринимает как угрожающие. У Хацуми эти ситуации носили естественный характер.

После школы Масааки поступил в один из наиболее престижных университетов Японии — Мэйдзи, на факультет искусствоведения. Это тоже важно для понимания его личности. Можно себе представить, что означает профессиональная искусствоведческая подготовка в такой стране, как Япония, где даже выпускник школы может различать 150 цветов и их оттенков! Тем более, что Хацуми приобрел довольно широкую известность в качестве художника и каллиграфа. Параллельно с искусствоведением, он изучал еще и медицину, как современную западную, так и традиционную восточную. Получив медицинское образование, Хацуми занялся врачебной практикой. В возрасте 27-и лет он уже возглавлял частную клинику, специализировавшуюся на лечении заболеваний внутренних органов.

Кажется, что всего этого более, чем достаточно, чтобы забыть о самом понятии свободного времени. Впрочем, расхожие истины хороши лишь для обычных людей. Трудно сказать, где искал резервы времени Хацуми, но он их находил. Ежедневная практика боевых искусств сделала его к 1958 году обладателем 6-го дана в каратэ Сито-рю, 4-го дана в дзюдо, первого или второго данов в нескольких стилях кобудзюцу (упражнений с оружием). Оказалось, однако, что все это было только прелюдией.

Хацуми вспоминает, что еще в детстве ему предсказали смерть в возрасте 27-и лет. И действительно, в 1958 году прежний Масааки Хацуми умер. А вместо него появился другой человек, по имени Бяку-рю (Белый дракон). Этот боевой псевдоним он получил от Тосицугу Такамацу, встреча с которым полностью перевернула его жизнь.

Такамацу, по прозвищу «монгольский тигр», был тридцать третьим патриархом и верховным наставником школы ниндзюцу Тогакурэ-рю, созданной в XIII веке на базе девяти других школ. Свое прозвище он получил от друзей после того, как в тридцатые годы ряд лет провел в странствиях по Китаю, где изучал различные стили и направления ушу. И хотя близкие нередко подтрунивали над ним, утверждая, что к старости монгольский тигр превратился в домашнего кота, он с самым серьезным видом отвечал, что именно благодаря такому превращению смог дожить до седых волос.

Встретив Учителя в первый раз, Хацуми испытал сильнейшее потрясение — настолько мощным был дух этого человека. Выразить словами то, что он тогда пережил, практически невозможно. Хацуми вспоминает отчетливое ощущение того, что прежний человек исчез в нем безвозвратно. Осталась лишь телесная оболочка, а вместо души — пустота. Тогда же в нем пробудилась генетическая (ее также называют эйдетической) память, благодаря которой он смог вспомнить боевой опыт своих предков-самураев. Их было немало в роду, насчитывающем более 900 лет! Это заложило основу новой личности. Остальное сделал Учитель.

Встреча произошла в Нара, одном из самых старых японских городов, в 710-784 годах столице страны. Такамацу имел там свой зал, который поистине был «додзё» — местом постижения Пути, а не только помещением для тренировок. Учитель вообще выступал против тенденций осовременивать традиционные боевые искусства и поставить их на коммерческую основу. Он вполне справедливо считал, что в таком случае все они превратятся в обычные школы рукопашного боя, с большей или меньшей долей экзотики для рекламы.

Ученичество Хацуми продолжалось пятнадцать лет, вплоть до смерти Учителя в 1973 году, на девятом десятке лет жизни. Все эти годы, окончив очередную рабочую неделю, доктор Хацуми садился в ночной поезд и воскрес-

ным утром приезжал в Нару. Прозанимавшись там день или два, он снова ночным поездом возвращался в Токио точно к открытию клиники. Занятия проходили не только в додзё Учителя, но и в буддийских храмах, как местах концентрации духовной энергии, а также в окрестных лесах и полях. Такамацу был строгим наставником. Занятия с ним ничем не походили на столь знакомые нам «тренировки по каратэ», проходящие в уютных, теплых помещениях.

Вообразите себя зимней ночью, когда ветер пронизывает до костей и вдобавок идет ледяной дождь. В такой обстановке, когда не то, что противника, а собственную руку трудно разглядеть, когда пальцы уже не гнутся от холода, надо отрабатывать, скажем, приемы защиты от самого что ни на есть настоящего меча, острого как бритва. Если вы в состоянии живо представить себе все это, то способны понять, как должен тренироваться настоящий ниндзя.

Именно так постигал ниндзюцу Масааки Хацуми. Все было по-настоящему, без всякой бутафории и условностей. Все было новым и непривычным. Хацуми не раз испытывал глубокую досаду от того, что при всей своей квалификации во многих видах боевых искусств не мог сколько-нибудь удовлетворительно повторить то, что показывал ему старый мастер. Приходилось делать множество фотографий и зарисовок, чтобы потом дома, в Токио, раскладывать по элементам изучаемую технику. Но даже сейчас, когда со дня смерти Учителя прошли 20 лет, заполненных неустанной ежедневной практикой, Хацуми кажется, что многое он так и не сумел постичь.

Свое имя Белый дракон Хацуми получил от Учителя не только для того, чтобы обозначить начало новой жизни. Гораздо важнее был образ этого мифического существа. На Дальнем Востоке его считают настолько ужасным и могучим созданием, что изображают просто квадратом, без всяких деталей. Несмотря на столь общую характеристику (а может быть, благодаря ее неопределенности), Хацуми должен был как можно более глубоко вжиться в этот образ.

Масааки Хацуми, 34-й сокё Тогакурэ-рю

Иначе говоря, требовалось в самом деле ощущать себя Белым драконом!

Еще задолго до конца обучения Такамацу присвоил Хацуми титул «сокё», что значит «верховный наставник». Такая практика нередко применяется в японских школах боевых искусств, когда продвинутому ученику присваивают более высокий ранг, чем он заслуживает. Это необходимо для того, чтобы ученик, осознавая свое несоответствие столь высокому званию, как бы обрел второе дыхание в стремлении к совершенству и сделал все возможное и невозможное, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на него. (По этому поводу так и напрашивается сравнение с психологией европейцев и американцев, для которых пресловутый «черный пояс», диплом тренера, сертификат инструктора символизируют всеобщее признание их «совершенства», тешат раздутые амбиции и позволяют «снижать обороты»).

Такамацу сказал своему ученику: «Ты никогда не станешь мэйджин; в лучшем случае навсегда останешься тацудзин». «Мэйджин» означает «достигший совершенства, мастер», «тацудзин» — «продвигающийся к совершенству, знаток». Поначалу Хацуми был огорчен этими словами, потому что понял их так: «ты никогда не станешь мастером». И только потом он уразумел их истинный смысл: «не достигнуть вершины, это значит никогда не дойти до той точки, после которой начинается упадок...»

Примерно за год до смерти Такамацу решил, что обучил Хацуми всем техническим приемам, которыми сам владел. Он официально провозгласил его своим преемником, тридцать четвертым патриархом школы Тогакурэ-рю. Что касается занятий, то они продолжались, но теперь были посвящены не технике, а духовному совершенствованию... Похоронив учителя, Масааки Хацуми стал склоняться к мысли, что настало время познакомить с искусством ниндзюу всех желающих. В самой Японии это никакого бума не вызвало. Первое время у него не было даже своего додзё, и тренировки проходили в тех залах, где преподавали его

ученики, каждый из которых имел достаточно высокий ранг в каком-либо виде боевых искусств. Только через несколько лет школа Хацуми расположилась в собственном помещении, которое носит название «Бусинкан» (перевести его можно по-разному: «Дом божества войны», «Дом воинского духа» и даже «Дом божественного воина»).

Ближайшими помощниками Хацуми стали его самые первые и самые преданные ученики Фумио Манака, Тосиро Нагато, Юкио Ногути, Коити Огури, Исаму Сираиси. А в числе учеников ныне можно встретить немало иностранцев. Об одном из них, американце Стефене Хайесе (получившим от Хацуми боевой псевдоним «Кинрю» — «Золотой дракон»), надо сказать особо. Он пришел к Хацуми еще в 1975 году. После ряда лет достаточно серьезных занятий в Японии, Хайес вернулся в Соединенные Штаты, где организовал первую школу ниндзюцу. Он также опубликовал добрый десяток книг об этом старинном искусстве (Ниндзя и их тайные боевые искусства, Дух воинов-теней, Боевое наследие школы Тогакурэ-рю, Воинские пути просветления, Предания ниндзя и др.). Именно с этого человека в США и других странах Запада началась так называемая «ниндзямания», докатившаяся в последние годы до нас.

Сыграло свою роль в распространении ниндзюцу за пределами Японии также турне Хацуми по Штатам в 1982 году, когда он произвел настоящий фурор тем, что демонстрировал не только и не столько рукопашный бой, сколько технику шпионажа и диверсий. С 1985 года ниндзя стали неизменными персонажами американских боевиков, телесериалов для подростков и комиксов. Специализированные журналы заполнила реклама униформы, вооружения и снаряжения в духе ниндзя.

Хайес сыграл видную роль в пропаганде ниндзюцу в западном мире. Однако он, как истинный янки, поставил это дело на широкую коммерческую основу, что неизбежно повлекло за собой снижение качества обучения и фактическое забвение духовной стороны искусства.

Что же такое ниндзюцу для самого Масааки Хацуми? Это особое духовное состояние человека, пребывающего в гармонии с самим собой и с окружающим миром природы, неотъемлемой частицей которой он всегда себя ощущает. Это такой способ существования в обществе, при котором духовные ценности решительно превалируют над материальными. Это специфический образ повседневной жизни, подчиненной неустанному совершенствованию тела и духа...

Искусство ниндзюцу Масааки Хацуми считает пришедшим из Китая и Кореи, имея в виду при этом разумеется не технику рукопашного боя или владения оружием, а религиозно-философскую основу мировоззрения и психотехник ниндзя. То есть он имеет в виду уже упомянутый выше эзотерический, или как его еще называют тантрический буддизм. Через китайских бродячих монахов «люгай» и корейских «сульса» (лазутчиков) это учение восприняли, а затем творчески развили японские ниндзя. Если отбросить исторически сложившуюся функцию ниндзя, известных в качестве потомственных шпионов, террористов и диверсантов, то всю систему ниндзюцу можно рассматривать как одну из немногих успешно реализованных попыток создания гармонически и всесторонне развитого человека...

* * *

29 сентября 1986 года (или 61-го года эры Сёва по японскому календарю) Масааки Хацуми в сопровождении группы учеников посетил могилу своего Учителя. Там он дал клятву посвятить всю оставшуюся жизнь исключительно сохранению и распространению ниндзюцу школы Тогакурэ-рю. В знак вступления в новый период жизни, он принял имя Торацугу, составленное из двух слов: «тора», что значит «тигр» и «цугу» — окончание имени Учителя. «Бякурю» — «Белый дракон» — перестал существовать. «Я буду с честью нести это имя и связанную с ним миссию, а не играть роль», сказал Хацуми.

И он ее несет. Лицо Хацуми смотрит с обложек книг, изданных во многих странах мира, от Южной Кореи и Японии до Соединенных Штатов и Югославии. Благородное лицо воина и мудреца. Его школа расширила число принятых для обучения иностранцев. Создаются учебные видеофильмы, наглядно демонстрирующие истинное ниндзюцу, а не то, что за него выдают проходимцы и коммерсанты...

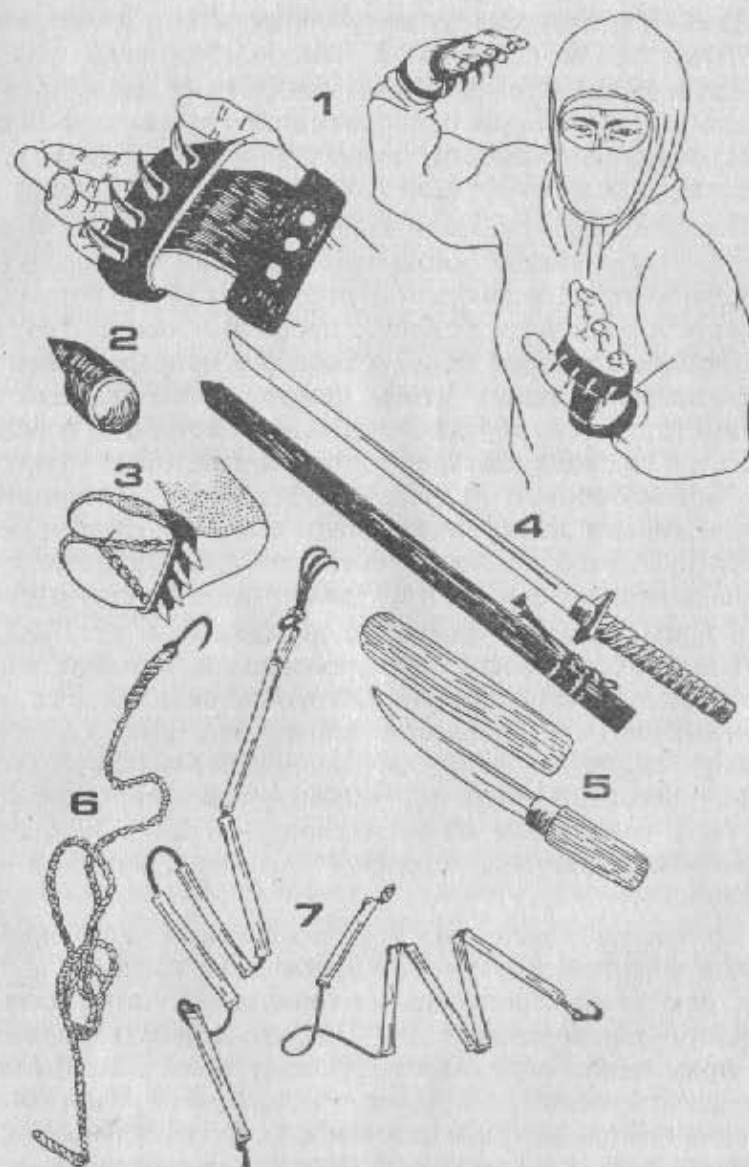
ОСНОВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ НИНДЗЮЦУ

Подобно Соединенным Штатам лет десять назад, страны СНГ переживают сейчас бум ниндзямании. Правда, плакаты с изображениями воинов-теней и видеофильмы об их подвигах стали встречаться реже, но сам образ ниндзя успел укорениться в массовом, особенно в подростковом сознании. И вот кто-то уже ведет тренировки в секциях «боевого ниндзюцу» (видимо, всерьез считая, что есть и спортивное); кто-то рекламирует свою школу «рукопашного боя и выживания» под лозунгом «все, как у ниндзя, только лучше!»; а кто-то без тени смущения просто объявляет себя преемником семейной школы ниндзюцу «сиро о цуру», хотя в Японии никогда в жизни не был, а сам чистокровный славянин.

Позволю себе процитировать пару писем, пришедших в редакцию журнала «Кэмпо» в связи с публикациями в рубрике «школа ниндзя» (эти публикации составили основу данной книги):

«Вы подробно описывали учение ниндзюцу. Я хотел бы знать, занимались ли Вы ниндзюцу и преподаете ли Вы это великолепное искусство быть невидимым?» (В. Кравцов, г. Рубцовск Алтайского края).

«Пришлите мне какой-нибудь учебник про ниндзюцу, а то у нас в городе нет секций где учат на ниндзей. Я давно уже увлекаюсь этим искусством и хочу стать настоящим

Сюко (1), изкодэ (2), асико (3), ниндзя-то (4), танто (5), мусубинава (6), синоби-кумадэ (7)

ниндзем, поэтому мне нужен учебник, чтобы я мог учить это искусство без тренера» (В. Чепцов, г. Курск).

«В своих тренировках мы используем методы ниндзя — их способы выживания в условиях дикой природы, технику маскировки на местности, технику рукопашного боя с оружием в руках и без оружия» (С. Малащенко, г. Донецк).

Я не собираюсь комментировать эти письма. Их наивность и так очевидна. Автор этих строк сам несколько раз видел в минских лесопарках группы ребят 15—18 лет в черных костюмах и в капюшонах с прорезями для глаз, пугавших своим внешним видом и боевыми маневрами прогуливающихся граждан. Чтобы помочь таким юношам не делать глупостей, обусловленных невежеством и верой в чудеса, я составил перечень основных дисциплин ниндзюцу. Однако должен подчеркнуть, что каждая старинная школа ниндзя имела свою специализацию. Ниндзя-универсал, умеющий абсолютно все — это миф. Он существует лишь в легендах, в кино и в художественной литературе.

В эпоху расцвета «искусства невидимости» (т.е. в XV—XVI веках) большинство «рю» признавали, пожалуй, лишь шесть главных видов тренинга. Это обретение чистоты духа (сэйсин тэки кэё), искусство ментальной мощи (сайминдзюцу), владение телом для решения боевых задач (тайдзюцу), владение оружием (бу-дзюцу), собственно искусство быть невидимым (синоби-дзюцу), а также искусство шпионажа, диверсий, террора (тёхо-дзюцу, катакэси-но-дзюцу).

Конкретное содержание всех видов искусств варьировалось в широком диапазоне. В самом деле, зачем разведчикам, всю жизнь действующим в городах, искусство боевого плавания или верховой езды? Тем, кто специализировался на применении огромных воздушных змеев и примитивных дельтапланов (люди-орлы — хитоваси) ни к чему было умение быстро закапываться в землю. Досконально разбираться в ядах и лекарственных снадобьях следовало лишь тем, кто выступал под личиной знахаря, отшельника-колдуна или лекаря. Необыкновенная ловкость рук требова-

лась ниндзя, изображавшим бродячих фокусников, жонглеров, акробатов, но никак не боевым пловцам, способным преодолевать океанский прибой и нырять на большую глубину...

1. Итак, **духовная чистота**. Вечным уделом ниндзя было балансирование между истиной и заблуждением. Но обманывая протвника, сам он никогда не должен был терять чувства реальности. Чтобы уверенно ходить по явным и тайным тропам жизни, следовало обрести «чистое сердце», излучающее «внутренний свет». Оно помогало не терять своего «я» ни при каких обстоятельствах, не зависеть от внешних условий.

Иными словами, «сэйсин тэки кэё» — это духовное самосовершенствование, морально-психологический тренинг. О нем говорить сложнее всего, слишком тонкие вещи имеются в виду. Но тем, кто хочет изучать ниндзюцу, обязательно надо понять, что оно не сводится к технике боя, шпионажа или выживания, хотя в нем это тоже есть. Ниндзюцу прежде всего образ жизни, способ мышления, особое состояние духа.

Почти все, что определяет наше привычное «совковое» сознание, для ниндзя, стоящего по ту сторону добра и зла, являлось пустым звуком. Иллюзорна человеческая жизнь, иллюзорна и смерть. Поэтому ниндзя без колебаний отнимал чужую жизнь, без колебаний отдавал свою. Не устранив навсегда из своей психики страх смерти, нечего выходить на тропу тайной войны: ведь многие операции ниндзя венчались успехом именно потому, что враги считали их невозможными, стопроцентно ведущими к гибели исполнителей.

Бессмысленна сама постановка вопроса о верности кому бы то ни было, кроме близких родственников, с которыми навечно связан узами крови, о справедливости, о благодарности, особенно в условиях многолетних гражданских войн, когда услугами одного и того же клана пользовались по очереди обе воюющие стороны. Материальное благополучие, уважение окружающих, признание властей — всего

этого можно лишиться в один миг. Все на свете ненадежно и зыбко, кроме «сердца», очищенного и укрепленного специальными упражнениями.

На практическом уровне речь идет об усвоении «тайных знаний» о Вселенной (т.е. положений учения Сюэндзо), о девятиступенчатой медитации (нинпо дзэнпо), а также о постижении принципов «ин-ё» (инь-ян), даосских правил взаимопереходов пяти стихий (гогё-сэцу), методов прогнозирования событий по системе «эккё» (основанной на китайской классической «Книге перемен»).

Для того, чтобы понять, что все это означает, надо заниматься изучением таких восточных учений, как даосизм и тантрический буддизм. Литературы о них становится все больше и больше, в том числе достаточно серьезной.

2. Искусство ментальной мощи — это, по сути дела, умение применять целенаправленное психическое воздействие на других людей и на себя самого. Оно складывалось из следующих компонентов:

Во-первых, из умения входить в особые состояния сознания, что позволяло на какое-то время резко повышать физические возможности человека, либо переводить управление своими действиями на «автоматический режим», или то и другое одновременно. Для этого использовали три взаимосвязанных метода: «дзюмон» (мантры) — словесные формулы, главное в которых не смысл слов, а их ритм, тембр, количество повторений; «кэцуин» (мудры) — особые сплетения пальцев для замыкания энергетических потоков в организме; «инэрики» (мандаты) — образные картины желаемых состояний. Фактически это самогипноз.

Во-вторых, из искусства «открытия третьего глаза» (тэн-тэй-дзюцу). «Третий глаз» анатомически соответствует точке на уровне лба, между бровями. Йоги называют его «агни-чакра» и утверждают, что «человек с открытым третьим глазом обретает возможность проникать в любое тело по своей воле и управлять им. Другие люди (а также животные) в присутствии человека с открытым третьим глазом испытывают непреодолимое желание подчиняться его

власти. Иными словами, это — гипноз. Существуют специальные методы «открытия» третьего глаза, в частности, так называемая «духовная стрельба из лука».

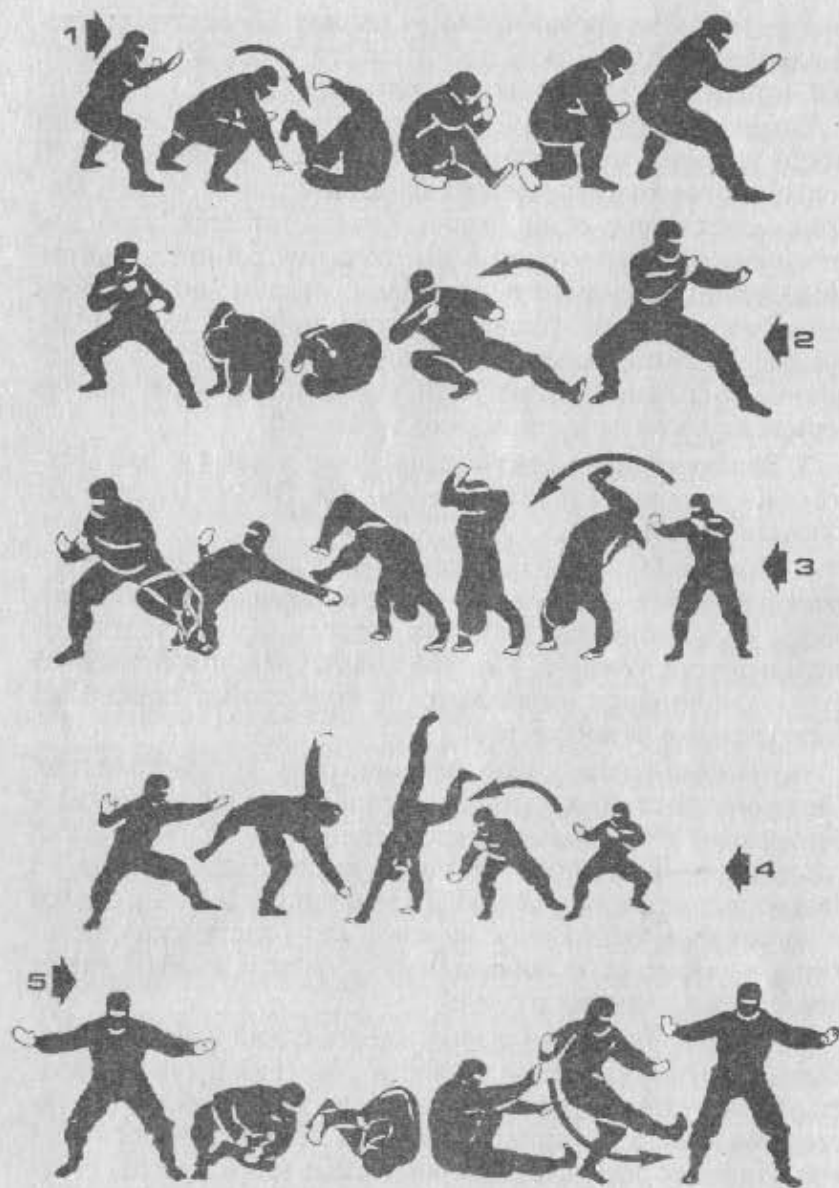
В-третьих, составной частью искусства ментальной мощи является искусство боевого крика (киай-дзюцу). В большинстве видов японских бу-дзюцу триада «шаг-удар-крик» составляет одно целое. Крик считается хорошим способом сосредоточения и выброса внутренней энергии. Подобранный по высоте, интонации и силе, он способен очень мощно воздействовать на того, против кого используется: испугать, повергнуть в шок, «отключить» в обморочное состояние и даже убить (по крайней мере, так утверждают легенды и старинные трактаты).

3. Владение телом для решения боевых задач — это весьма обширная часть подготовки ниндзя. Ее составляют следующие разделы:

— Дзюнан-тайсо, или общефизический тренинг. Имеются в виду все виды упражнений, развивающих выносливость, силу, ловкость, гибкость, координированность, баланс и другие качества. Методы такого тренинга совпадают с традиционными китайскими и корейскими способами укрепления и развития тела;

— Тайхэн-дзюцу, или перемещение в пространстве. Сюда входят стойки и позиции, различные виды ходьбы и бега, в том числе знаменитый «бесшумный шаг», прыжки (включая прыжки вниз с большой высоты или с дерева на дерево, с крыши на крышу). Лазание по деревьям, стенам и потолкам, переползание на земле «по-пластунски», перекаты, акробатика, освобождение от оков и веревок также относятся к данному разделу;

— Дакэн-тайдзюцу (удары) вместе с дзю-тайдзюцу (захваты, броски, удушения, нажатия, болевые рычаги) представляют технику рукопашного боя. Хотя ниндзя всегда старался избегать открытого боя, на войне случалось всякое. Поэтому лазутчик, которому чаще всего противостояло сразу несколько противников, притом вооруженных, должен был выводить их из строя за короткий промежуток

Кайтэн-но-камаэ

времени и надежно. Жестокое время требовало жестоких решений. Акцент делался на концентрированные удары по наиболее уязвимым точкам тела (атэми-вадза), костоломные захваты и броски, а также на всякого рода «подлые» действия (типа отрывания половых органов, выкалывания глаз, снятия скальпа шипастой перчаткой, перекусывания кровеносных сосудов, вырывания кусков тела и т.д.).

Чисто технически такой бой представлял собой, конечно, дзю-дзюцу. Формальные упражнения (ката) в подготовке не использовались, все технические приемы отрабатывали с партнерами (в неполную силу) и на манекенах, с которыми можно было себя не сдерживать.

4. Владение холодным оружием. Ниндзя учились работать с оружием двух основных групп. К первой относились те виды, которые находились в распоряжении самураев. Это меч (катана), копье (яри), алебарда (нагината) или рогатина (сасумата), железная палица (тэцубо) или железный веер (тэкусэн), кистень (тигирики), кинжал (танто), большой лук со стрелами (кю). Представителям других сословий, кстати сказать, запрещалось иметь такое оружие, равно как и учиться пользоваться им. Нарушителей сурово наказывали, вплоть до предания смертной казни.

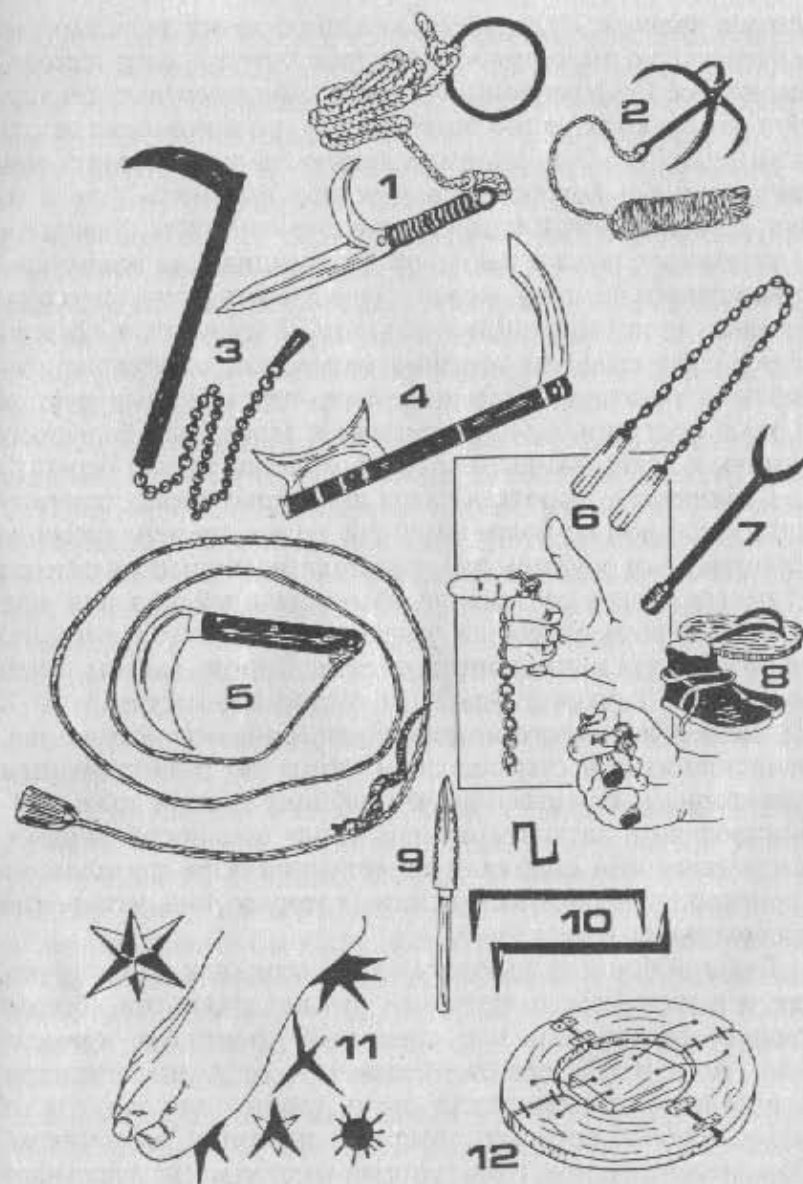
Ниндзя нарушали данный запрет (впрочем, как и все остальные распоряжения властей) по двум причинам. Во-первых, чтобы успешно противостоять тому или иному оружию, надо самому уметь им владеть. Тогда легче понять его сильные и слабые стороны. Во-вторых, и это главное, ниндзя очень часто действовал у всех на глазах, подвергался обыскам и т.д. Поэтому он не мог иметь при себе никакого оружия, ни самурайского, ни крестьянского. Не оставалось ничего иного, кроме как отбирать оружие у врагов и пускать в ход его.

Вторую группу составляют образцы вооружения простолюдинов и самих ниндзя. Надо сразу подчеркнуть, что характерной особенностью оружия ниндзя являлась его многофункциональность и замаскированность. Обычно дело обстояло так: оружие... и орудие в одном устройстве

сразу. Например, посох. Им можно было сражаться именно как посохом (техника бо-дзюцу). Но часто внутри палки имелась полость, где скрывался клинок. Два-три движения, и посох с прикрепленным к нему лезвием превращался в копье или в рогатину. Вместо клинка внутри нередко помещали цепь, утяжеленную грузилом в виде гирьки. В развернутом виде получался крестьянский цеп, своего рода кистень с длинной рукояткой. Впрочем, посох нередко мог складываться, и тогда рукоятка становилась короткой, как это и требуется для «настоящего» кистеня. Наконец, посох служил устройством для подслушивания разговоров (длинной слуховой трубкой с раструбом из бумаги на конце, обращенном к источнику информации), превращался в багор или... в трубку для выстреливания на небольшое расстояние отравленных игл, для выбрасывания острого ножа. Иногда посох служил ножнами короткому мечу ниндзя, хотя надо сказать со всей определенностью, что таким мечом ниндзя пользуется в кинофильмах гораздо чаще, чем это бывало в жизни. Наконец, посох являлся дыхательной трубкой, с помощью которой ниндзя уходил от преследователей под воду или наносил оттуда неожиданный визит. Снова превращая трубу в посох, отверстия по концам закрывали пробками, внутрь для тяжести набивали мелкий песок...

Излюбленным оружием ниндзя была цепь (кусари) либо тонкая, прочная веревка из женских волос (мусуби) с грузами в виде небольших гирек (или простых камней) на обоих концах. Обычно ее длина составляла около трех метров, что позволяло «достать» удаленного противника, захлестнуть ему ноги и повалить рывком на себя, опутать его руку с мечом, оглушить и даже тяжело ранить гирькой.

Вместо гирьки к одному из концов цепи (веревки) довольно часто прикрепляли серп. Такой вариант оружия назывался кусари-гама. Работа с серпом требовала очень точных, хорошо выверенных движений, зато остановить атаку умелого специалиста с серпом на цепи практически невозможно. Однако самым оригинальным оружием-орудием

Кёкэцу-сэгэ (1), кагинэва (2), кусари-гама (3), о-но-гама (4), мамуки-гама (5), маики-кусари (6), тоби-кунаи (7), таби (8), ядзир (9), касуган (10), тэцубиси (11), мидзу-гумо (12)

ниндзя являлся кёкэцу-сёгэ, кинжал с двумя лезвиями, из которых одно было прямое, а второе загнутое вниз наподобие клюва. Прикрепленный к цепи либо к веревке, кёкэцу-сёгэ не только успешно заменял серп, но и позволял делать многое другое. Так, загнутое лезвие помогало ловить меч противника и поворотом вокруг оси вырывать у него из рук. Двухлезвийный клинок успешно «работал» в качестве метательного ножа и как крюк для спешивания всадников. Забросив его на стену, можно было влезть и спускаться по веревке, прикрепленной к рукояти. Раскручивая кёкэцу-сёгэ вокруг себя, им успешно возмещали отсутствие алебарды и рогатины. При переправе через бурные реки и горные пропасти веревку крепили к дереву или большому камню, а крюк закидывали на противоположный берег...

Дубинка, т.е. короткая палка из твердых пород дерева (у ниндзя длиной не более 60-70 см) во все времена служила естественным оружием для представителей низших классов общества. Часто ее заменял обыкновенный кол или сук. Ниндзя довели искусство владения дубинкой (дзё-дзюцу) до уровня подлинной виртуозности. Основу работы с ней составляли тычковые удары по уязвимым местам тела. В случае необходимости их дополняли серии секущих ударов, наносившихся в сумасшедшем темпе по разнообразным траекториям. Естественно, что дубинку ниндзя тоже комбинировали с различными скрытыми приспособлениями. Чаще всего они снабжали ее металлическим грузилом на короткой цепочке, посредством которого она мгновенно превращалась в кистень.

Любили они использовать косу и серп, как поодиночке, так и в паре друг с другом. В умелых руках эта «боевая двойка» действовала как страшный пропеллер, кромсая руки, ноги и тела врагов, независимо от их численности. Серпы и косы были также очень удобны для защиты от собак, своры которых спускали вдогонку лазутчикам. Обыкновенный нож тоже занимал видное место в арсенале ниндзя. А если ножа не было под рукой, ниндзя заменял его заостренной палочкой или плотницким гвоздем.

Одним из важнейших аспектов боевых действий ниндзя являлось поражение противника на расстоянии. В этой связи искусству стрельбы из лука, метания мелких предметов уделялось большое внимание. Лук ниндзя обычно делался разборным и небольшим (отсюда его название — «ханкю», что означает «половинный»), длиной между концами не более 40-50 см. Стрелы тоже были короткими и не отличались особой пробивной силой. Но она и не требовалась, так как наконечник всегда смазывался каким-нибудь сильным ядом мгновенного действия. Царапина на лице, на шее, на руке... и враг падал мертвым! Или горящий фитиль влетал внутрь дома и устраивал пожар.

Спасаясь от погони, ниндзя метал в преследователей металлические шипы (тэцубиси), звездочки (сякэн) или стрелки (сюрикэн). Оптимальное расстояние для броска не превышало 6-8 метров. Метание не отличалось снайперской точностью, хотя в кино пытаются доказать обратное. Оно требовалось лишь для того, чтобы на несколько мгновений задержать врага либо отвлечь внимание. Разумеется, в цель метали и нож, и камень, и две короткие палочки, связанные крестом и заостренные со всех четырех концов. Тут, в отличие от звездочек и шипов, меткость была необычайная.

Вообще, долго и много работая с различными видами холодного оружия, ниндзя постепенно усваивал некий универсальный принцип, благодаря которому мог в дальнейшем превращать в оружие все, что угодно. Достаточно перечислить хотя бы часть предметов, с помощью которых ночные воины были способны сражаться и побеждать: лопаты, грабли, вилы, багры, топоры, рыбацкие сети, весла, палочки для еды, коромысла, ведра и корзины, циновки, подковы и так далее, и тому подобное...

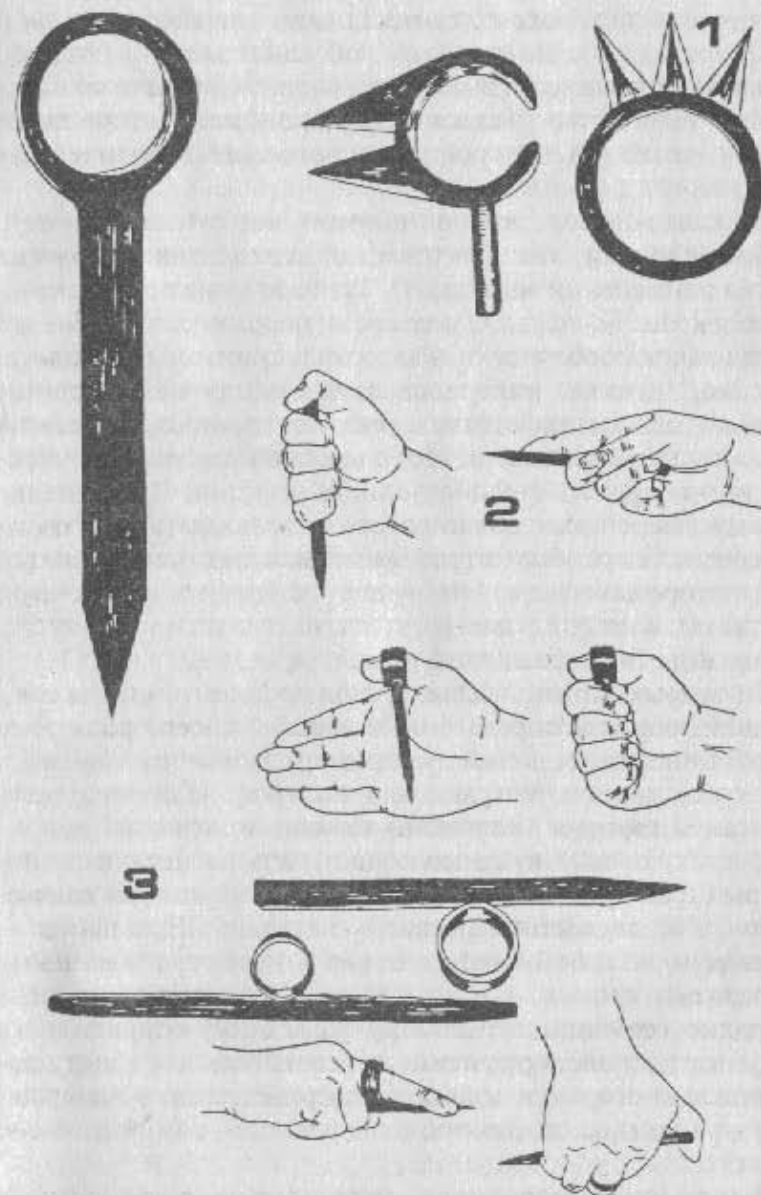
5. Искусство быть невидимым — это умение оставаться незамеченным, не вызывать подозрений или направлять мысли и действия врагов в ложном направлении. Данное искусство представляет собой комплекс пяти относительно самостоятельных дисциплин:

— Готон-но-дзюцу, или пять способов маскировки: подражание земле, подражание воде, подражание дереву, подражание огню, подражание металлу. Речь идет об имитации кочки или валуна, о закапывании в землю, об укрытии в зарослях травы или кустарника, а также на открытом пространстве (например, в снегу, в воде). Сюда также входят отвлекающие поджоги, взрывы ослепляющих гранат, дымовые завесы, создание ложных шумов и многое другое в том же духе;

— Тэнмон-дзюцу, или знание сути природных (точнее, атмосферных) явлений, умение использовать их в своих целях. Например, чем гуще туман, чем сильнее ветер или дождь, тем больше шансов, что все сидят под крышей и не высовывают нос на улицу. Для скрытного проникновения в стан врага лучше выбрать такую ночь, когда на небе сплошная темень. При организации поджога важно учесть направление и силу ветра, степень влажности воздуха, строений и растений, возможность дождя. Иными словами, надо уметь прогнозировать погоду по народным приметам, хорошо разбираться в растениях-барометрах, в проблемах слышимости и видимости и т.п.;

— Дзимон-дзюцу, или умение ориентироваться на местности и в населенных пунктах, правильно учитывать рельеф земли, особенности имеющихся на пути искусственных сооружений. Надо, в частности, с первого взгляда определять звуковые свойства различных грунтов и покрытий, степень их проходимости, вероятность устройства ловушек и всякого рода преград. Таким образом, это не просто топография, а нечто гораздо большее, нежели марш-броски в незнакомых районах с картой и компасом. Тем более, что у ниндзя не было ни того, ни другого;

— Интон-дзюцу, или умение незаметно преодолевать любые природные и искусственные преграды, не оставляя при этом следов (либо оставляя ложные следы, например, следы животных) и не создавая шума. В данный раздел входит очень много различных прикладных умений и навыков: скалолазание и лазание по всевозможным строени-

«Малое оружие» ниндзя: боевые перстни (1), напильники (2), спицы (3)

ям, причем не только со специальным снаряжением, но и без него; лазание по деревьям, по канатам и по потолку; ныряние, плавание на воде и под водой; сбивание со следа собак; устройство подкопов и проломов; открывание любых замков и запоров; форсирование заболоченных участков и т.д.;

— Хансо-дзюцу, или понимание животных и людей. Иными словами, это практическая психология и этология (наука о поведении животных). Тут надо выделить несколько аспектов. Во-первых, для специально подготовленного агента такие особенности, как походка, интонации голоса, лексика, мимика, манера одеваться и прочие «внешние данные» делают любого человека почти «прозрачным». А это, в свою очередь позволяет с высокой степенью точности прогнозировать его поведение и реакции. Ну, а знание повадок зверей дает возможность использовать их в своих интересах без особых затрат времени и сил. Чем стараться убить сторожевого пса, не лучше ли бросить ему сочную мозговую кость? Кроме того, очень важно уметь читать следы животных, различать их голоса.

Во-вторых, можно выдавать себя не за того, кто ты есть. Скажем, освоить определенные амплуа, своего рода роли безобидных персонажей (например, уличного торговца, бродячего монаха, батрака или пастуха). Или подражать голосам животных для подачи условных сигналов (например, крику совы, мяуканью кошки), для нагнетания атмосферы страха (общеизвестно, что лошади пугаются волчьего воя, а на людей он действует угнетающе). Еще проще — оставлять за собой следы специально подготовленными звериными лапами, копытами, когтями, зубами... Очень широкие возможности любому разведчику открывало (и открывает до сих пор) умение перевоплощаться в лиц противоположного пола, а также в сверхъестественные существа — в призраков, демонов, оборотней и тому подобную нечисть.

В-третьих, целесообразно использовать всевозможные трюки для создания иллюзий восприятия либо в расчете на

суеверия. Имеет смысл перечислить некоторые такие трюки: «раздваивающийся ниндзя» (работа в паре двух человек с одинаковой внешностью и одинаково одетых, что создает иллюзию появления одного и того же человека одновременно в разных местах); «один во многих лицах» (когда один человек, быстро передвигаясь, переодеваясь, гримируясь, меняя голос и манеры, а также используя куклы, создает иллюзию действий целой группы людей); «невидимое присутствие» (передвижения, сопровождающиеся отвлекающими маневрами типа бросания камней, хруста веток, скрипа дверей, но без появления на глаза); «светящийся ниндзя» (использование одежды, пропитанной специальным составом, светящимся в темноте); «горящий ниндзя» (с помощью одежды, пропитанной огнеупорным составом, либо посредством пиротехнических эффектов, ниндзя создавал иллюзию своей неуязвимости для огня); продолжение боя со стрелой, пробившей грудь насквозь (на самом деле окровавленный наконечник, торчащий из спины и оперенный хвост в груди были бутафорией); подставка под удар меча искусственной «руки» с немедленной демонстрацией «отрубленной» конечности, «выросшей» волшебным образом; «огнедышащий ниндзя» (элементарный трюк, заключающийся в выдувании изо рта горячей смеси) и многое, многое другое в том же духе.

6. Искусство шпионажа, диверсий, террора. Оно, как и предыдущее, условно подразделяется на пять более или менее самостоятельных видов деятельности:

— Искусство сбора и анализа разведывательной информации (тёхо-дзюцу). Например, умение вести наблюдение за передвижением войск, запоминать планировку укреплений, хранить в памяти содержание украдкой прочитанного документа, способность осуществлять экспресс-допрос в полевых условиях (т.е. развязывать пленным язык с помощью пыток). Надо знать, как втираться в доверие нужным людям, как незаметно направлять разговор в желаемом направлении, как подслушивать и подглядывать, оставаясь незамеченным, и тому подобное;

— Методы тайнописи, использования шифров, условных знаков, сигналов, подделки документов, печатей, подписей, карт (Гисё-дзин-но-дзюцу);

— Приемы ликвидации жертв и устройство диверсий (катакэси-но-дзюцу). Как незаметно для окружающих убить человека в толпе, на званом обеде, у него дома; как устроить поджог, взрыв, отравление, затопление, обвал или завал на дороге;

— Способы кражи документов, денег, драгоценностей, оружия (в том числе со взломом, с подделкой ключей), похищения людей, их транспортировки и укрывания;

— Умение планировать тайные операции, просчитывать все вероятные варианты развития ситуации (боряку-дзюцу). Сюда же входит использование так называемых «военных хитростей».

Разумеется, среди всех заданий, выполнявшихся ниндзя, наиболее эффектными были те, которые связаны с проникновением в охраняемые замки и крепости для уничтожения определенных лиц, совершения поджогов, отравления колодезев, распространения эпидемических заболеваний (например, с помощью чумных крыс). Однако основная масса их заданий носила чисто разведывательный характер, что было гораздо важнее. Ведь исход любой крупной военной операции всегда зависит от полноты и надежности сведений о силах противника, его планах, моральном духе, вооружении. Кроме того, умелая дезинформация вражеского руководства, распространение ложных слухов и паники, взятие важных заложников — все это тоже помогало (и помогает до сих пор) добиваться победы не числом, а умением.

* * *

«Каяку-дзюцу» — искусство применения огнестрельного оружия и взрывчатки — не входит в число основных, так как развилось достаточно поздно, во второй половине XVI века, притом далеко не во всех кланах ниндзя. Пистолеты,

ружья, бомбарды, мортиры и пушки ниндзя, а также порох, взрывчатые вещества были кустарного изготовления. Чисто боевые возможности такого оружия оставались более низкими, чем у вооружения самураев, изготовленного на специальных предприятиях, либо доставленного из Европы или Китая.

Поэтому огнестрельное оружие и ручные гранаты (нагэ-тэппо) ниндзя чаще всего применяли не для поражения живой силы, а для прикрытия своего бегства либо для отвлечения внимания огнем, дымом, грохотом, свистом пуль, осколков, картечи. В наше время, напротив, без наличия целого арсенала огневых средств (типа бесшумных автоматических винтовок с лазерными и инфракрасными прицелами), радиоуправляемых мин, стрелковых и противотанковых гранатометов, ручных зенитных ракет, нечего даже надеяться на успех в диверсионно-террористических операциях.

Говоря о других умениях ниндзя, необходимо отметить военно-полевую медицину. Уметь остановить кровотечение, наложить шину на сломанную конечность, преодолеть болевой шок, справиться с лихорадкой, залечить ожог, укус или ушиб, изготовить противоядие — все это надо было уметь делать любому из них. Однако в те времена необходимыми медицинскими знаниями и умениями обладали практически все люди, жившие в условиях дикой природы, в крестьянских и рыбацких селениях. Врачей-то ведь не было, каждый поневоле сам себе был лекарем. Или, лучше сказать, пока больного доставили бы к врачу, этот больной (раненый) мог десять раз умереть.

Среди дополнительных искусств ниндзя обычно называют еще верховую езду с элементами вольтижировки (ба-дзюцу), боевое плавание и ныряние (суйрэн-дзюцу), применение гигантских воздушных змеев и планирующих крыльев (ямидако-дзюцу), умение изготавливать своими руками различное снаряжение, инструменты, технические приспособления (нинки-дзюцу).

В этой связи надо сказать следующее. Всякий, кто хочет сегодня «быть как ниндзя», должен решить, что для него главное в этом увлечении: точное воспроизведение классических «дзюцу», или же комплексная тренировка во имя высших целей? Если он выберет первый вариант, то навсегда останется в рамках игры для «больших мальчиков», пусть увлекательной, пусть даже полезной для тела и психики. Кстати, надо признать, что подавляющее большинство теперешних «ниндзей» идут именно этим путем. Во втором случае совсем не обязательно подражать древним воинам, а лучше использовать современные средства. В самом деле, зачем ездить верхом, если есть мотоцикл, автомобиль, велосипед? Зачем парить на воздушном змее, когда существуют парaplаны и мотodelьтапланы? Зачем плыть в обнимку с кожаным мешком, не идущим ни в какое сравнение с моторным катером или с подводным электробуксировщиком?

Дух классического ниндзюцу требует от адептов образования и культуры на уровне самых высоких требований своего времени. Хорошо разбираться в прикладной физике и механике, химии и биологии, знать языки, свободно ориентироваться в мире техники (особенно бытовой и транспортной), уметь действовать в условиях современного города и современных средств коммуникации, использовать новейшее вооружение... Короче говоря, сегодня ниндзе надо знать и уметь столько, что человека, соответствующего всем запросам эпохи, можно смело назвать «ходячей энциклопедией практической жизни»! Данный факт полезно осознать тем дурачкам, которые убеждены, что стоит надеть черный комбинезон и мешок с прорезями для глаз, начать бегать ночью в лесу, и ты уже ниндзя...

И последнее. Ниндзюцу — тайное искусство. Поэтому всякий, кто гордо заявляет, что он — ниндзя и выставляет себя напоказ, может считаться только клоуном, исполняющим пародию, но никак не настоящим «воином тьмы». Это в спорте весь смысл тренировок заключается в том, чтобы

стать чемпионом или рекордсменом и получить, благодаря этому, признание публики. Ниндзюцу совсем не спорт. По самой своей сути данное искусство требует анонимности. Его практиковали ради выживания во враждебном окружении, ради достижения своих целей вопреки действиям врагов, но никак не ради славы. Наградой за любое достижение ниндзя, если становился известен его «автор», могла быть только смерть...

КТО СТАНОВИЛСЯ НИНДЗЯ

С той поры, как заканчивалось формирование очередной школы ниндзюцу (очередной «рю»), обладателем ее секретов в дальнейшем мог стать тот, кто родился в семье члена клана. Посторонние туда никогда не допускались. В школу ниндзя нельзя было «поступить», в нее «принимали» по факту рождения.* Причем подготовка начиналась, как сказали бы сейчас, еще в младшем дошкольном возрасте. Малышей учили плавать, смещать кости в суставах и удерживать равновесие на узкой поверхности. Все это имело глубокий смысл.

Даже в нынешние времена не так уж много взрослых людей умеет хорошо плавать. В эпоху средневековья и на Западе и на Востоке более 90% взрослых людей плавать не умели. Поэтому тот, кто чувствовал себя уверенно в воде, имел значительное преимущество во многих ситуациях, например, уходя от погони (тем более, что ни аквалангов, ни моторных лодок тоже не существовало). Вся Япония по-

* Точно так же нельзя «стать» индустом, самураем, ассасином — им можно только родиться. В любом клане отличительной особенностью является «замыкание» на себя, отсюда и сами понятия клана, потомственных верований, занятий и т.п. Поэтому любой европеец, объявляющий себя «премником» или «наследником» любых клановых (семейных) азиатских систем — просто лжец.

Типичная техника работы ниндзя с мечом

крыта сетью рек, ручьев, озер, прудов, она имеет изрезанную береговую линию. Так что умение плавать значило здесь необыкновенно много!

Подвижность костей в суставах, сохраненная тренировкой до взрослых лет, давала возможность высвобождаться из любых пут, из любых оков, протискиваться сквозь самые узкие лазы — лишь бы там пролезала голова. Чувство равновесия отрабатывалось сначала на узкой доске, лежавшей на пнях или камнях в полуметре от земли. Потом эту доску поднимали все выше и выше, все чаще заменяли канатом. В результате взрослый ниндзя мог уверенно ходить и даже бегать по крышам замков, перепрыгивать с ветвей одного дерева на другое, перелезть по веревке либо древесному стволу через пропасти головокружительной глубины. Иными словами, весь тренинг ниндзя с самого начала был в высшей степени функциональным. Наставники не могли позволить себе роскошь учить детей чему-то такому, что не пригодилось бы им в последующей жизни.

Подростков заставляли ходить на руках, прыгать всеми мыслимыми способами (вдаль, через препятствия, вверх, вниз с высоты, с шестом, с грузом и без него), часами висеть на руках, сохранять неудобную позу. Лазанье по скалам, ходьба и бег в условиях горной местности давали выносливость. Кстати, умение покрывать пешком большие расстояния за короткое время, как и плавание, являлось одним из важных преимуществ ниндзя. Нелишне напомнить, что до середины XIX века никаких транспортных средств, кроме собственных ног и лошадей, не существовало. К тому же в Японии лошади стоили значительно дороже, чем на континенте, ими владели в основном самураи, в хозяйстве как тягловый скот лошади не применялись. В большинстве случаев ниндзя шел на задание пешком. Своим знаменитым скользким шагом он покрывал за день до 80 километров по равнине, а чередуя ускоренную ходьбу и бег мог за сутки преодолевать по 130-150 километров!

Любой вид тренировки детей был связан с риском. Реальная угроза получения травмы, а тем более гибели заставляла ребят напрягать все свои силы, проявлять максимальную бдительность, быть предельно собранными. Благодаря постоянной практике подобная мобилизация тела и духа становилась для них естественным состоянием. В этом кроется еще одно объяснение удивительных достижений воинов-теней. Короче говоря, подготовка подрастающего поколения в кланах ниндзя своей суровостью (а также продуманностью) превосходила систему воспитания юных спартанцев в древней Элладе. Тренинг, тренинг и еще раз тренинг с утра до вечера каждый день без выходных с 6 до 15 лет!

В возрасте 15-и лет юноша проходил обряд посвящения в воина, и с этого момента начиналась его взрослая жизнь, переполненная смертельным риском. Впрочем, этот риск он воспринимал совсем не так, как современный человек. Ведь рисковал он с детства, и никакой иной жизни не знал. К тому же ниндзя ощущал свое единство с великим и могучим миром природы, который кажется безмятежным лишь из окна автомобиля. В действительности все живые существа только и делают, что непрерывно охотятся за себе подобными, непрерывно кого-то пожирают, и при этом еще ухитряются размножаться, выращивать детенышей и даже играть иногда друг с другом! Так что мысль о каком-то особом риске просто не приходила ниндзе в голову. Жизнь и смерть, наслаждение и страдание, поражение и победа — это две связанные между собой стороны одного процесса, участниками которого приходится быть всем живущим. Просто в условиях сытости и относительной безопасности цивилизованного общества истинные принципы бытия не столь очевидны, как где-нибудь в горных районах отсталой страны, охваченной войной всех против всех.

Жизненный путь рядового ниндзя, если ему удавалось избежать гибели во время выполнения боевых заданий, происходил по следующей схеме. Сначала он был «гэнин», то есть рядовым воином, беспрекословно и самоотвержен-

но выполнявшим любые приказы своих командиров. Если требовалось, его могли послать даже на верную смерть, что вообще-то случалось не часто. В немногочисленных горных кланах людьми зря не разбрасывались, только в случае крайней необходимости можно было пожертвовать несколькими ради спасения большинства. После ряда лет своего рода «срочной службы», пользуясь современной терминологией (с 15 и до 23-25 лет), ниндзя получал разрешение жениться, обзавестись детьми. Разрешение одновременно являлось приказом, да и невесту выбирать не приходилось. Руководство давно уже знало, кто составит наилучшую пару тому или иному молодому воину. Подбором занимались специалисты, вооруженные всеми достижениями теории и практики Сюгэндо, так что промахи в решении этой задачи исключались.

Надо сказать, что во всех замкнутых общинах вопросы брака, рождения и воспитания детей никогда не были личным делом отдельной семьи. Слишком тесно они связаны с проблемой выживания всего сообщества. Став семейным человеком, ниндзя в скором времени переходил в категорию «тюнин». Опять-таки, прибегнув к нынешней терминологии, можно сказать, что в этом качестве он совмещал в одном лице функции полевого командира, резидента агентурной сети и старосты небольшого селения. Поэтому спокойная жизнь не наступала, просто характер забот изменялся в сторону их увеличения и усложнения.

Наконец, в отдельных случаях, прожив на свете достаточно долго (а в ту эпоху 50-летний человек считался уже глубоким стариком!), он мог стать «дзёнин» — верховным руководителем целого клана. Впрочем, имя и место жительства «дзёнин» знали только «тюнин». Гэнин оставалось лишь догадываться, кто из известных им тюнин совмещает сразу две должности. Но если кто-то из них и находил ответ на такой вопрос, он предпочитал помалкивать. Таким образом, кланы ниндзя (или «рю») имели иерархическую организацию, где «низам» не полагалось знать о «верхах» ничего, кроме того, что те сами доводили до их сведения.

Вопросы здесь тоже не задавали. Чересчур любопытных ожидало задание, вернуться с которого оказывалось невозможно.

ЛЕСНОЙ ДЬЯВОЛ ЗА РАБОТОЙ

По узкой лесной дороге мчался конный отряд из десяти человек. Солнце едва встало над горами, однако всадники успели уже проделать немалый путь. Лошади были в мыле, но седоки беспощадно гнали их вперед. Ветки, мокрые от утренней росы, беспощадно хлестали по людям. Впрочем, легкие доспехи из кожи и лакированного дерева надежно закрывали торс, а шлем — «кабуто» — со щитками на щеках спасал от неминуемых царапин лицо и шею.

Самурай очень спешили. Это был посыльный отряд, направлявшийся в Эдо с важным письмом к самому князю Токугава но-Иэясу, сёгуну Японии. За доставку в целости и сохранности сверхсекретного послания хатамото («знаменосец», низшее офицерское звание) Торинобо Ясутакэ отвечал своей головой и головами своих подчиненных. Именно из-за важности письма ему приказали взять с собой целый отряд вооруженных до зубов воинов. В путь они отправились еще до рассвета, чтобы к вечеру прибыть в столицу. Дорога от замка Оцука до Эдо неблизкая, а послание — срочное, поэтому приходилось спешить, не жалея коней. Впрочем, специальный документ давал право сменить лошадей в любом месте, где они смогут найти им замену.

Торинобо Ясутакэ скакал во главе отряда, держа наперевес копье с красным флажком — отличительным знаком вестового. Он, как и все его люди, был в полном боевом вооружении: за поясом — пара мечей, длинный и короткий; справа у седла — лук со стрелами в колчане, слева — небольшой круглый кожаный щит. От других самураев его

отличали лишь этот щит, да еще забрало в виде маски, изображавшей страшную рожу черта.

Дорога петляла между деревьев, то выходя к берегу ручья, то подбираясь к самому склону горы. Иногда повороты были столь круты, что приходилось сдерживать лошадей, чтобы не расшибиться о скалу, нависшую над самой дорогой или не свалиться в овраг с каменистым дном. За одним из таких поворотов Ясутакэ резко осадил коня, заставив его встать на дыбы. Поперек пути лежало огромное старое дерево. Справа от него круто вверх уходил склон горы, покрытый густыми зарослями, слева нависала скала, окруженная редким кустарником.

Заметив опасность, Ясутакэ предупреждающе закричал. Однако самурай, ехавший прямо за ним, не смог удержать лошадь и вылетел из седла. Перевернувшись в воздухе через голову, он с глухим стуком упал на спину с другой стороны дерева. Его лошадь с разгона напоролась брюхом на острый массивный сук, торчавший из огромного ствола, когда попыталась перепрыгнуть через него. Она рухнула рядом с хозяином, дергая в агонии ногами. Остальные воины остановились вовремя.

Ясутакэ приказал спешиться. Затем взглянув на лежащего без движения упавшего самурая, он повернулся к безмолвно стоящим подчиненным:

— Хати́ро, посмотри, что с ним. Муро, помоги ему.

Двое самураев молча перелезли через дерево. Вскоре раздался голос Хати́ро:

— Господин, он мертв. У него сломана шея.

Ясутакэ вздрогнул. Он не страдал сентиментальностью, однако эти люди были его лучшими воинами. Каждого он знал по имени, и каждого проверил в бою. Поэтому смерть любого из них была для Ясутакэ все равно что смерть близкого родственника. Командир обвел своих солдат взглядом. Внешне они оставались спокойными, но в душе, не сомневался Ясутакэ, переживали гибель товарища столь же тяжело, что и он.

Муро и Хати́ро подняли тело на руки, подошли к дереву. Ясутакэ в этот момент стоял к ним спиной, поэтому он не заметил, как слегка дрогнули кусты впереди у дороги. Он услышал лишь тонкое жужжание и тупой удар. Резко оглянувшись, хатамото увидел, что Муро вдруг отпустил мертвое тело, прогнулся дугой назад, а руки раскинул в стороны. Самураи в недоумении смотрели на него, но Хати́ро среагировал мгновенно. С криком «берегись!» он перемахнул через преграду и упал на землю. В тот же миг Муро захрипел, изо рта у него пошла кровь, потом он упал на живот. Из его спины торчало черное древко стрелы.

Поняв, что они попали в засаду, воины последовали примеру Хати́ро, укрывшегося за стволом от невидимых противников. Двое самураев схватили свои луки и принялись обстреливать кусты по обеим сторонам дороги, хотя там не было видно никакого движения. Взгляды остальных воинов обшаривали все вокруг. Ясутакэ почувствовал, что пора принимать решение. Он обязан доставить донесение и сохранить жизнь своим подчиненным. О себе он не думал. Самурай никогда не задумывается о смерти, ибо тогда, когда он начнет бояться ее, он перестанет быть самураем. Всмотриваясь и вслушиваясь, воины ждали приказа. Обстрел кустарника они прекратили, чтобы не расходовать стрелы впустую.

Впрочем, решить что-то определенное было трудно. Отряд попал в засаду, но врагов не видно, численность их неизвестна. В то же время ясно, что они под прицелом, любое движение в обход может оказаться роковым. Противник хорошо замаскировался и выжидает, лишая самураев возможности ринуться в атаку. Что ж, остается только одно — послать кого-то в разведку, чтобы установить количество врагов и место их расположения. Беда в том, что разведчику придется отправиться почти на верную смерть. Если враги заметят, как он отделился от остальных, то непременно убьют его.

Об этом и сказал Ясутакэ сгрудившимся вокруг него воинам. Задача проста и смертельно опасна: добраться до

леса и определить, где прячется противник, какова его сила. — Я думаю, их немного, иначе они давно пошли бы в атаку. Нужен доброволец.

Самураи молчали. Любой из них готов был сложить голову за командира, но никто не спешил умирать. Невидимая опасность настораживала, даже пугала. Умереть в бою — лучшая из возможных смертей для самурая. Но то — в открытом честном бою. Быть зарезанным из-за угла, подобно свинье, не хотел никто.

Ясутакэ вопрошающе обвел взглядом своих бойцов. Ему не хотелось никого принуждать. Наконец, Хати́ро не выдержал:

— Я пойду, господин.

Ясутакэ молча похлопал его по плечу, желая удачи.

Хати́ро снял шлем, доспехи, и остался в легком кимоно и шароварах. Малый меч он отдал командиру, большой засунул за пояс сзади, чтобы тот не мешал движению. Затем пополз вдоль ствола лежавшего дерева, извиваясь змеей и стараясь не задевать ветвей, пока не скрылся в высокой траве справа от дороги. Воины проводили его тревожным взглядом. От Хати́ро зависел теперь ход дальнейших событий. Если ему не удастся выяснить обстановку, придется прорываться вперед вслепую, рискуя стать мишенями для стрелков, скрывающихся где-то неподалеку.

* * *

Хати́ро ползком подобрался к первым деревьям, напряженно вслушиваясь в каждый шорох и стараясь сам не издавать шума. Вокруг стояла тишина. Хотя огромный дуб, преградивший дорогу, был срублен, судя по пню, совсем недавно, никого не было видно.

То и дело озираясь по сторонам, ловя с обостренным вниманием любой звук, Хати́ро перебегал, пригибаясь к земле, от дерева к дереву, от куста к кусту. Так он достиг того места, откуда, как он успел заметить с дороги, вылетела стрела. К его удивлению, здесь не оказалось никаких

следов человеческого присутствия. Держа меч наизготовку, воин внимательно изучал траву и кустарник. Никого и ничего! Не похоже даже, чтобы кто-то здесь был раньше.

Хати́ро выпрямился во весь рост и еще раз прошел вдоль дороги по тем местам, где мог скрываться невидимый пока враг. Тщетно! Видимо, в засаде сидел всего один человек. Удовольствовавшись двумя трупами, он сбежал, чтобы не заплатить своей головой за это преступление. Скорее всего, стрелял какой-то разбойник, или ронин (самурай без хозяина), чей господин пал от рук воинов Токугавы. Те и другие ненавидят сёгуна. Что ж, можно сказать остальным, что путь свободен.

И вдруг земля перед ним словно взорвалась фонтаном желтых листьев. Сверкнула на солнце сталь, меч выскользнул из рук Хати́ро и отлетел в сторону, выбитый мощным ударом. В следующий миг тонкая цепь захлестнула жилистую шею самурая, а сильный рывок повалил его лицом вниз. Что-то тяжелое прыгнуло Хати́ро на спину и прижало к земле, едва не сломав позвоночник. Потом чья-то крепкая рука схватила его за волосы, повернув голову вправо. Цепь на шее немного ослабла, ровно настолько, чтобы можно было дышать. Поверженный воин скосил глаза вверх, и едва не застонал от смешанного чувства огорчения и бессильной злобы: ниндзя! Сомнений быть не могло, кому же еще принадлежали эти холодные безжалостные глаза в прорезях черного капюшона?!

— Где письмо? — Хриплый, видимо, специально измененный голос не угрожал, но в то же время не обещал ничего хорошего. Было в этом голосе нечто такое, что вызвало непреодолимое желание рассказать все, что знаешь, только бы не слышать его больше, и не смотреть в бездонные черные глаза. Взгляд ниндзи парализовал всякую способность к сопротивлению, он пугал и завораживал одновременно. Хати́ро начисто забыл о своем командире и самурайской клятве верности, о своих товарищах и воинском долге. Ему хотелось лишь одного: поскорее избавиться от пронзающего душу ледяного взгляда, не слышать

больше этого хриплого голоса, забыться во сне, пусть даже сон этот окажется самой смертью.

— Письмо у нашего командира, оно спрятано между нагрудной пластиной и кожаным панцирем. Я сам видел, как он положил его туда.

Едва он произнес эти слова, как тяжелый удар раздробил ему висок и Хати́ро навсегда погрузился во мрак небытия.

* * *

Солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом, а самураи по-прежнему лежали в укрытии, поджидая своего разведчика. Кони тихо ржали, требуя воды и корма. Их владельцев тоже мучила жажда — несмотря на осень, солнце наполняло воздух зноем.

— Где же Хати́ро? Неужели погиб? — Ясутакэ говорил вслух, обращаясь скорее к себе самому, чем к своим людям. Те продолжали напряженно всматриваться в заросли.

— Если он вскоре не появится, станем прорываться вслепую. Побежим справа по склону горы вверх, чтобы уберечься от стрел за деревьями. Лошадей придется бросить. Без нашей помощи они не осият подъем по такой крутой горе, да и заросли слишком густые для них. Через поваленное дерево мы их тоже не перетащим, враг не позволит. Будем держаться все вместе. Если попадем в засаду, то прорвемся с боем. А пока подождем еще немного.

Ясутакэ надеялся, что Хати́ро жив. Ведь он старше всех в отряде, самый опытный среди них. Ясутакэ, которому едва исполнилось 23 года, был гораздо моложе сорокалетнего Хати́ро, воевавшего в молодости под знаменами Тоётоми Хидэёси, первого объединителя страны Ямато. Трудно поверить, что столь умудренный воин мог погибнуть, даже не подав сигнала тревоги. Скорее всего, он по-прежнему рыщет где-нибудь в чаще.

Однако время шло, а в лесу продолжала царить тишина. Ни звука. Всякие сомнения исчезли: Хати́ро мертв! Торинобо Ясутакэ одел шлем и слегка приподнялся над землей.

— Больше ждать нельзя. Уже трое наших мертвы. Если мы будем здесь лежать дальше, то не выполним приказ господина, и скорее всего погибнем. Возможно, они не идут в атаку потому, что их слишком мало для открытого боя. Не исключено, что они послали гонца за подкреплением. И в том, и в другом случае надо спешить. Пойдем на прорыв. Слушайте все. Если меня убьют, тот, кто останется жив, должен доставить письмо по назначению.

Ясутакэ похлопал себя ладонью по груди там, где была круглая пластина из полированной меди. Отцепив одну застежку, он показал подчиненным край бумаги и снова закрыл тайник. Самураи закивали головами, давая знать, что поняли командира.

— А теперь — вперед! Ясутакэ первым бросился в сторону леса, начинавшегося всего шагах в десяти от дороги. Самураи последовали за ним. Бежать вверх по крутому склону, да еще в доспехах и с оружием, было очень тяжело. Воины цеплялись руками за ветви деревьев, чтобы не скатиться вниз. Через пару минут все выдохлись, бег перешел в карабканье. Самый подходящий момент для внезапной атаки противника. Но тишину и спокойствие ничто не нарушило. Так никого и не встретив, самураи выбрались на ровное место. Там они залегли, кто за деревом, кто за кустом, чтобы отдышаться. Потом плечом к плечу, с мечами наготове, двинулись дальше.

Когда они удалились примерно на триста метров от того места, где попали в засаду, кто-то сказал:

— Похоже, что враг ушел. — Все мысленно согласились с ним.

— Мы не можем продолжать путь, пока не убедимся, что Хати́ро в самом деле мертв. Может быть, он нуждается в нашей помощи. — Ясутакэ мало верил в собственные слова, но он должен был показать своим людям, что никого из них не оставит в беде, не попытавшись что-то сделать.

— В то же время нам некогда задерживаться здесь, шаря по кустам в поисках мертвого тела. Сюда в любой момент может нагрянуть враг. Ямаскэ, — обратился он к восемнад-

цатилетнему красавцу, — ты у нас самый горластый. Крикни три раза кукушкой. Если Хати́ро отзовется, мы придем ему на выручку, если нет — значит, он наверняка мертв.

Ямаскэ повторил сигнал трижды. Настоящие кукушки почему-то давно молчали и Хати́ро, без сомнения, должен был понять сигнал, если только он мог его слышать. Однако ответа не последовало. Ямаскэ хотел повторить крик, но Ясутакэ остановил его.

— Бесполезно. Он нас не слышит.

* * *

Отряд осторожно продвигался вперед, растянувшись цепочкой. Тропа была настолько узкой, что по ней не могли идти рядом даже двое. Первым шел Ахито, живший когда-то в этих местах и знавший поэтому дорогу. Ближайшая деревня отсюда в двух часах ходьбы через лес и гору, а от деревни до того замка, где можно взять лошадей, примерно пол-ри (около двух километров) по ровной дороге.

Ясутакэ следовал за Ахито, погруженный в невеселые мысли. Они уже удалились на четверть ри от засады. Можно было надеяться, что опасности больше нет, хотя все оставались начеку. Ясутакэ тревожила не встреча с неведомым врагом, а совсем другая проблема. Отряд сильно задержался, даже загнав коней, они все равно опоздают теперь на пол-дня. К тому же трое его солдат заплатили своими жизнями за послание, содержание которого никому из них не известно. Единственное, что знал молодой хатамото — это то, что письмо очень важное, и что доставить его сёгуну надо сегодня. Значит, либо они выполнят приказ, либо умрут. Третьего не дано.

Самураи не заметили, что на толстой ветви дерева, прямо над ними, распласталась фигура в черном. Снизу невозможно было увидеть ее из-за игры света и тени в густой листве, колышавшейся под легким ветерком. Но отсюда сверху прекрасно просматривались фигурки в доспехах, с блестящими лезвиями мечей в руках. Ниндзя вы-

смагивал командира. По словам убитого им разведчика, именно командир имел при себе донос на имя Токугавы. Если грозный сёгун получит его, погибнет целый клан родичей. Такого поворота событий ни в коем случае нельзя допустить. Письмо должно быть перехвачено, а отправитель — покинуть этот мир, полный несовершенства и скорби.

Ниндзя проводил взглядом удалявшихся самураев и бесшумно соскользнул на землю. Он понял, куда те направлялись.

* * *

Ахито вел товарищей по едва заметной тропинке, змеившейся между деревьев. В правой руке он держал наизготовку обнаженный меч. Ноги в мягких таби (тапочках с ответвлением для большого пальца) утопали в плотном ковре из листьев. Вдруг он вскрикнул и схватился левой рукой за ступню. Все бросились к нему. Из тонкой кожаной подошвы таби торчала железная колючка, шарик с четырьмя шипами. Ахито выдернул ее, поморщившись от боли, и со злостью бросил в кусты.

Тут один воин, у которого на левой руке не хватало мизинца, выхватил короткий меч — вакидзаси — и воскликнул: — Я знаю, что это! Тэцубиси ниндзя! Он наверняка отравлен. Нельзя допустить кровь с ядом к сердцу, иначе Ахито умрет.

Ясутакэ понял в чем дело. Отрезав шнурок, закрепляющий доспехи, они пережали им ногу под коленом, а затем вскрыли рану, предварительно сняв обувь. Ахито дернулся, хлынула кровь, вынося вместе с собой смертельный яд. Потом рану хорошо забинтовали тряпкой, отрезанной от одежды пострадавшего, положив на нее кожу гольца, извлеченную откуда-то Такуро, тем самым воином, что первым понял суть происшествия.

— Придется его нести, — хатамото сожалел о новой задержке, но бросить в лесу своего раненого солдата никак не мог.

— Всем вдвойне быт начеку. Кто-то нарочно бросил здесь этот шип. Возможно, он сейчас наблюдает за нами. Надо скорей уходить отсюда, пока он не сообщил своим о наших передвижениях.

Такуро вполголоса произнес:

— Господин, это проделки ниндзя. Ему не обязательно вызывать подкрепление, он сам перебьет нас всех по одному. От него не убежать и не спрятаться.

Ясутакэ казался рассерженным.

— Неужели ты боишься? И откуда тебе известно, что ниндзя один? Может в лесу прячется целый отряд?

— Если бы их было много, то они давно напали бы на нас с разных сторон. И я ничего не боюсь, просто мне не хочется сгинуть в этом проклятом лесу как сгинул Хатирос...

Ясутакэ прервал разговор:

— Поспешим. Ямаскэ, Дзинако, возьмите Ахито на руки, потом вас сменят другие.

Отряд снова двинулся в путь, только теперь каждый внимательно смотрел под ноги, стараясь не повторить ошибку Ахито. Между тем, его нога начала распухать, это значило, что какая-то часть яда все же осталась внутри.

Чтобы легче было нести раненого, Дзинако снял с него доспехи и забрал оба меча. Доспех пришлось бросить, мечи взяли воины, свободные пока от переноски.

Черная тень кралась в зарослях, словно хищник, выслеживающий добычу. Четверо выведены уже из строя, остались еще шестеро. Ниндзя не стремился убивать просто так. Если бы появилась иная возможность завладеть письмом, он бы ею воспользовался. Но самураи не отходили от своего предводителя ни на шаг, как волки, сбившиеся в стаю.

Ниндзя не торопился. Время пока есть, тем более, что с раненым на руках самураи стали двигаться медленнее.

Можно по одному отправлять их туда, откуда нет и не может быть возврата...

Воины вышли на небольшую поляну, как вдруг Косато, шедший впереди с Ясутакэ, захрипел и схватился за горло. Все недоуменно посмотрели на него. Косато дернул правой рукой, будто вынимая занозу из шеи, а левой сразу прикрыл это место. Между пальцев у него потекла кровь. Двумя пальцами правой руки он держал маленькую иголку с оперением. Потом он рухнул на землю.

Такуро крикнул: — Бежим к деревьям!

Все рванулись вперед. Ямаскэ попытался поднять Косато, но Такуро потянул его за руку.

— Ему уже не поможешь. Там яд. Помоги лучше нести Ахито.

Через несколько секунд отряд скрылся в зарослях, оставив на поляне корчащегося в агонии Косато. Впрочем, мучался он недолго, яд оказался сильным. Несколько хрипов, и глаза его закатились навсегда.

Ниндзя разобрал духовую трубку — фукия — и спрятал ее части в специальный кармашек внутри своего костюма. Следующая жертва умрет от другого оружия, не стоит повторяться. Разнообразие отличает любое искусство, даже столь необычное, как искусство убивать людей. Черный человек быстро побежал наперерез остаткам отряда готовить новую западню.

Усталые воины продолжали свой путь. Ахито стонал в бреду. Нога у него ужасно распухла и посинела. Он был весь в поту. Если ему суждено выжить, то все равно еще сутки, не меньше, он будет страдать в горячке, оставаясь обузой для остальных.

Нервы самураев были напряжены до предела. Они то и дело оглядывались по сторонам, реагировали на каждый шорох, на любой треск. Пословица гласит, что лучше встретиться с тигром на открытой равнине, чем со змеей в высокой траве. Противник явно использовал тактику змеи, нанося удары неожиданно, исподтишка. Поворачиваясь направо, нельзя было быть уверенным, что в тот же миг не

получишь удар слева, и наоборот. В глазах воинов стоял страх. Не страх смерти, а боязнь неизвестности, которая хуже всего на свете.

Ясутакэ шел теперь первым, готовый принять любой удар на себя. Он то и дело посматривал вниз, на тропу, не желая чтобы с ним повторилась история Ахито. Однако эта предосторожность не помогла. В одном месте оказалась ловушка, похожая на силос для зайцев. Ясутакэ ступил ногой в петлю, замаскированную на тропе под грудой листьев. Петля немедленно затянулась, нога своим движением вперед освободила стопор, разогнулась мощная ветвь, и Ясутакэ неожиданно взлетел в воздух, повиснув на одной ноге головой вниз. От него до земли было не меньше четырех метров.

Самураи тут же положили Ахито на землю и образовали круг со всех сторон дерева, на котором болтался их командир. Ямаскэ полез наверх, пытаясь освободить его. Все эти события заняли лишь пару секунд, прошедших в полном молчании, если не считать того, что Ясутакэ вскрикнул от неожиданности.

Не успел Ямаскэ добраться до первой ветви, как сверху на землю прыгнул человек в черном. Мягкое приземление на обе ноги, кувырок через плечо, взмах рукой — и один воин упал, схватившись руками за горло. В его шее сбоку торчал сакэн в форме креста. Ниндзя немедленно повернулся, тонкой цепью с грузилом на конце он захлестнул руку Такуро, занесшего меч для удара. Новый кувырок, и человек в черном, оказавшись рядом с Такуро, не успевшим или не догадавшимся перехватить меч в другую руку, вонзил серп ему в бок, между передним и задним щитками панциря. Серп так и остался торчать в теле, содрогаясь от конвульсий раненого.

Хосака и Дзинако бросились на помощь своему товарищу, решив напасть на черного дьявола с двух сторон, но тот оказался быстрее. Он рывком устремился к ближайшему дереву. Самураи кинулись за ним. Затем произошло неожиданное. Со всего разбега ниндзя сделал несколько

шагов вверх прямо по стволу, а затем, оттолкнувшись ногами, он перевернулся в воздухе и приземлился за спинами ошарашенных воинов. Там, где лежал без сознания Такуро. Ниндзя подхватил с земли меч самурая и отпрыгнул в сторону, готовый к бою...

Ямаскэ еще не достиг того места, где была закреплена веревка, как висевший на ней Ясутакэ обнажил меч и ударил им выше своей ступни. В то же мгновение он рухнул головой вниз с четырехметровой высоты. Мягкий ковер листьев смягчил падение, но одна из пластин панциря больно ударила в бок, сбив дыхание и, вероятно, сломав ребро.

Хосака и Дзинако яростно атаковали своего противника. Однако тот даже не пытался противостоять их натиску. Он приседал, уклонялся, отпрыгивал в сторону, прятался за кусты и за деревья, не выпуская из рук меч Такуро. Самураи ожесточенно рубили воздух, им никак не удавалось коснуться клинками вертлявого противника. И вдруг, оказавшись в один из моментов слева от Дзинако, ниндзя горизонтальным движением справа налево буквально срезал с плеч голову самурая. Обезглавленное тело рухнуло на землю, заливая траву и листья алой кровью. Хосака дико закричал. Ничего не разбирая вокруг, он устремился на врага, нанося удары с невероятной быстротой. Но за кустом уже никого не было, только окровавленный меч лежал рядом с трупом Дзинако.

Ясутакэ с трудом остановил разбушевавшегося Хосаку, продолжавшего рубить окрестные кусты. Поняв, что враг ушел, Хосака опустился на колени возле тела своего друга, и зарыдал. Они с Дзинако были как братья, так что смерть одного явилась тяжелым ударом для другого. Молодому Ямаскэ тоже было тяжело. Место боя представляло картину, ужасную для юноши, еще не закалившегося в битвах. Повсюду кровь на желтых листьях. Кобэ лежит мертвый на спине, с сакэном в шее, Такуро без сознания корчится от боли, труп Дзинако валяется в луже собственной крови, Хосака рыдает над ним и держит в руках отрубленную

голову друга, Ахито с распухшей ногой еле дышит неподалеку.

Торинобо Ясутакэ, держась за бок, где каждый вздох отдавался теперь болью в сломанном ребре, сказал:

— Надо двигаться дальше! Скоро стемнеет. Мы не можем нести Ахито и Такуро, но и бросить их здесь одних тоже нельзя. До ближайшей деревни еще не меньше часа пути. Кто-то должен остаться!

— Я останусь с ними, господин, — голос Хосаки ничего не выражал, как будто все на свете потеряло для него какое-либо значение.

Ясутакэ помолчал немного, раздумывая, и согласился.

— Хорошо. Только разведи костер. Здесь могут быть волки. Из деревни мы пришлем людей с носилками. Ниндзя сюда не вернется. Раненые ему ни к чему.

Он повернулся и зашагал по все той же едва заметной тропинке. Ямаскэ несколько секунд молча смотрел на Хосаку, Ахито и Такуро, а затем бросился догонять командира. В душе он не сомневался, что видит своих товарищей в последний раз.

Двое самураев быстро, почти бегом двигались через лес. Они очень спешили. Нужно было, несмотря ни на что, выполнить задание, а также поскорее направить помощь раненым товарищам и оставшемуся с ними Хосакэ. Ясутакэ держался за бок, он тяжело дышал, почти хрипел. Ямаскэ тоже притомился, но он был очень молод, и, в отличие от начальника, ничуть не пострадал в схватке с ниндзя.

Узкая тропинка петляла между кустов и деревьев. И вдруг она вывела на хорошо утоптанную дорогу, по которой, очевидно, ходили намного чаще. Ямаскэ обрадованно повернулся к своему командиру:

— Ясутакэ-сан, смотрите, мы почти пришли!

В ответ Ясутакэ спокойно заметил:

— Мы еще не вышли из этого проклятого леса!

Словно в подтверждение его слов сзади раздался голос, от звука которого Ямаскэ даже подпрыгнул. Оба самурая одновременно обернулись и выхватили свои мечи. На

тропе стоял человек в темном костюме, закрывавшем даже лицо. В руках у него не было оружия, но слева виднелась квадратная гарда короткого меча с черной рукоятью. За спиной неожиданно появившегося незнакомца солнце опускалось за горы. На фоне алого заката, в бликах света и тени, фигура казалась призрачной, чем-то таким, чего нет на самом деле. Однако голос не оставлял сомнений в реальности происходящего.

— Господин Ясутакэ прав, вы еще не вышли из этого леса. И не выйдете без моего согласия. Выбирайте: либо вы отдадите мне письмо и уходите, либо...

Договорить он не успел, потому что ответом стал свист воздуха, рассекаемого взмахом клинка. Ясутакэ с криком устремился в атаку. Уклоняясь от выпада, ниндзя сделал колесо назад и укрылся за ближайшим деревом. Ясутакэ снова занес меч над головой, и стал осторожно приближаться к нему, готовясь нанести резкий удар. Растерявшийся в первый момент Ямаскэ крался следом, держа меч обеими руками возле правого плеча острием вверх. Но не успели воины броситься на врага, как тот выставил из-за древесного ствола трубку и дунул им в глаза каким-то жгучим порошком — сначала одному и сразу же — другому. Почти полностью ослепшие самураи вынуждены были остановиться.

Чертыхаясь, они протирали слезящиеся глаза, но от этого жжение в них только усиливалось. С трепетом ожидали они рокового удара от своего противника, которого теперь совсем не могли разглядеть. Однако ниндзя ограничился тем, что выбил у них из рук мечи. Ясутакэ не растерялся, решение пришло ему в голову немедленно. Он резко прыгнул вправо, рискуя сослепу напороться на клинок неприятеля, на ходу выхватил вакидзаси и крикнул:

— Ямаскэ, короткий меч!

Произнеся эти слова, он начал быстро вращать вокруг себя коротким мечом, уподобляясь ветряной мельнице. Ясутакэ надеялся быстрыми движениями наугад отбить очередную атаку врага и таким образом прикрыть себя на

минуту-другую, пока в глазах хоть немного не просветлеет. Ямаскэ понял замысел командира. Но только успел он взяться за рукоять вакидзаси, как на его руке сомкнулись стальные пальцы ниндзя. В тот же миг сильный толчок в спину бросил его прямо на размахивавшего мечом Ясутакэ.

Молодой самурай едва смог крикнуть — «Господин!» — как острая сталь пронзила ему правое плечо. Брызнула кровь, Ямаскэ схватился за рану левой рукой и осел на землю, вскрикнув от боли. Ясутакэ услышал его крик, ощутил, что куда-то попал мечом и все понял. Он отбросил вакидзаси в сторону и хотя глаза продолжали гореть и слезиться, через влажный туман сумел разглядеть распростертое на земле тело. Он упал перед юношей на колени, не думая в этот момент о себе. Отчаяние сжало ему горло словно клешня краба. В ужасе он воскликнул:

— Я его убил!

Ямаскэ поднялся на колени и, продолжая зажимать рану здоровой рукой, смущенно пробормотал:

— Извините, господин!

Звук его голоса вернул Ясутакэ самообладание. Он повернул лицо в ту сторону, где, как ему казалось, притаился ниндзя, и громко произнес:

— Эй ты, черный негодяй! Я не знаю, кто ты такой и откуда тебе известно мое имя. Но все равно ты подлец и трус! Если тебе нужно письмо, то попробуй отнять его у меня в поединке лицом к лицу. Я, Торинобо-но Ясутакэ, сын благородного Акиро-но Ясутакэ, вызываю тебя на честный бой! Или ты боишься?

Он умолк, прислушиваясь. Ни звука в ответ.

Ниндзя замер в двух шагах от хатамото. Он присел на корточки, чтобы самурай не ощутил его присутствия хотя бы по тени. Слова Ясутакэ не произвели на него ни малейшего впечатления. Эти самураи просто помешаны на своей чести! Главное — отнять письмо, честно или коварно, не все ли равно? Гордость, самолюбие, жалость — все это не имеет никакого значения для него. Надо кончать с задани-

ем, еще немного и станет совсем темно. А путь еще так далек!

Ниндзя привстал, сделал два скользящих неслышных шага вперед и левой рукой обхватил корпус Ясутакэ, прижав левую руку воина к телу, и захватив пальцами кисть правой руки. Ясутакэ застонал от боли в сломанном ребре и от ненависти, попытался вырваться, но хват был железным. У него все помутилось в голове от дикой боли. Ямаскэ услышал его вскрик, попытался подняться, чтобы прийти на помощь, но вновь упал на землю от сильного пинка ногой в грудь.

Одним движением правой руки ниндзя извлек письмо из-под нагрудной пластины панциря, сильным ударом локтя в голову поверг Ясутакэ оземь, и мгновенно исчез в лесной чаще, словно растворился во мраке. В это время пелена слез от порошка наконец-то спала с глаз хатамото. Он отчетливо ощутил, что потерпел сокрушительное поражение. Письма у него больше нет, отряд почти весь перебит, враг ушел безнаказанно. Все потеряно навсегда. Единственное, что остается — смыть позор с себя, совершив сэппуку (ритуальное самоубийство).

Вздохнув, Ясутакэ подошел к Ямаскэ, помог ему сесть, приложил к ране целебные травы из своего мешочка со снадобьями, заботливо перебинтовал полосками одежды. Потом сказал:

— Отправляюсь к богам наших предков. Приказываю тебе остаться в живых. Поможешь мне уйти в заоблачный мир, потом дойдешь до деревни, расскажешь обо всем, что с нами случилось, пошлешь людей за Хосакой, Ахито и Такуро. Что поделаешь, подлый ниндзя оказался сильнее меня!

Ясутакэ снял панцирь и кимоно, оставшись в одних шароварах — хакама. Он обвел прощальным взглядом Ямаскэ, заходящее солнце, верхушки гор, лес, потом встал на колени. Совершив короткую молитву, Ясутакэ взял обеими руками свой вакидзаси, сжал зубы и вонзил меч себе в живот. Потом медленно повел лезвие вправо, из последних сил

превозмогая дикую боль, чтобы не закричать. Когда клинок дошел до правого бока, он молча взмахнул левой рукой. В тот же миг Ямаскэ, стоявший справа от своего командира с катаной наизготовку, со всей силы нанес удар, отделив ему голову от туловища и прервав тем самым мучения. Тело Ясутакэ упало вперед, в полном соответствии с ритуалом сэппуку, по нему пробежала дрожь, и все было кончено...

* * *

Человек в черном костюме бежал через лес, безошибочно выбирая путь в густых сумерках. Письмо, ставшее причиной стольких смертей, лежало у него во внутреннем кармане. Первая часть задания выполнена. Осталась вторая, более сложная. Надо проникнуть в родовой замок Оцукэ и убить автора послания, как говорится «погасить облик» напыщенного владельца замка. Иначе он пошлет сёгуну второе такое же послание, потом третье, не успокоится до тех пор, пока не добьется карательной экспедиции против горного клана Тагамори.

В своем письме князь Оцукэ показал удивительную осведомленность. Ему точно известно местоположение горного селения, количество домов в деревне и мужчин, способных держать в руках оружие. Он знает даже имя тюнин, распоряжающегося делами общины. Значит, не обошлось без предательства. Изменника следует ликвидировать, но сначала требуется узнать его имя. Придется тайно проникнуть в опочивальню князя, как следует его допросить, и только потом отправить туда же, куда сейчас, без сомнения, направляется храбрый, но бестолковый самурай, оставшийся на лесной поляне далеко позади. Все же неплохо, когда все поступки врага нетрудно понять и заранее просчитать. Девятнадцатилетний гэнин Камахиро из клана Тагамори улыбнулся и продолжил свой бег.

Кодекс воина клана Тогакурэ (XVII век)

* * *

Звезды — мои глаза,
Ветер — мои уши,
Ночь — моя одежда,
Холод — мой разум,
Тень — моя суть.

* * *

Моя сила — в моем упорстве,
Учтивость к учителям — единственное тепло во мне,
Моя власть — это я сам,
Железо — мое тело,
Мое решение — это мой закон!

* * *

Мой дух — мой единственный друг,
Брезгливость — мой враг,
Свобода брать и отдавать жизнь — моя стратегия,
Использование момента — мой главный шанс,
Закон Вселенной — единственное мое сокровище.

* * *

Приспосабливаться к обстоятельствам — мой принцип,
Неуловимость ветра — моя тактика,
Изворотливость ума — мое счастье,
Чувство долга — мой панцирь,
Невозмутимость — моя крепость.

* * *

Понимание сути без размышлений — мой меч!

Часть II

ИСКУССТВО ПРОНИКНОВЕНИЯ

Никто не мог сравниться с ниндзя в искусстве проникновения в неприступные замки и военные лагеря, не говоря уже о тех объектах, которые не охранялись.

Стараясь пробраться во вражескую цитадель, или в расположение неприятельских войск, ниндзя никогда не действовал вслепую. Наоборот, любая акция тщательно планировалась и рассчитывалась, нередко с точностью до одного шага, до одной секунды. Продумывались варианты и последовательность действий, основной и запасные маршруты, пути вынужденного отступления. Впрочем, о бегстве ниндзя думал меньше всего, так как успех предприятия обеспечивала — не в последнюю очередь — абсолютная уверенность в себе.

Обычно ниндзя хорошо знал план той местности, где ему предстояло провести операцию, в том числе расположение жилых и подсобных помещений, места размещения караульных, время и особенности их смены и многое другое в том же роде. Эти сведения чаще всего собирали другие ниндзя, посещавшие арену предстоящих событий задолго до их начала в облике безобидных бродяг. Если же подобная информация отсутствовала, ниндзя-исполнитель сам накапливал ее по кусочкам, складывая из них целостную картину, подобно тому, как это делается в детской головоломке. Он долго наблюдал за поведением хозяев замка, их воинов и прислуги, дотошно изучал особенности архитектуры и планировки строений. Лазутчик не торопил-

ся, терпеливо выжидая подходящий момент, чтобы ударить наверняка. Разве не означает иероглиф «нин» еще и «терпение»?

Разумеется, шпионские операции (выведать тайну, украсть или скопировать документ) существенно отличались от заказных убийств и диверсий. Но в том и заключалось одно из достоинств кланов ниндзя, что у них были специалисты разного профиля. Поэтому для каждого конкретного случая подбирали наиболее подходящих исполнителей. При этом руководители операций (тюнин) учитывали и физические данные воинов, находившихся в их распоряжении, и психологические особенности, и степень владения теми или иными специфическими навыками.

Для проникновения в запретную зону ниндзя пользовались разными тактическими приемами, среди которых важнейшими были следующие три: выбор самого слабого звена в системе охраны (слабого именно в аспекте недоступности), выбор наиболее благоприятного момента, отвлечение внимания стражи. Считалось, например, что лучшее время для прокрадывания — это безлунная, туманная, дождливая или ветреная ночь, особенно весной и летом, когда сон у людей крепче всего. Внимание отвлекали «партнеры по команде», устраивая поджог, взрыв, просто какой-то шум в месте, далеком от того, где должен был идти их товарищ. Если же помощников не было, воину-одиночке самому приходилось заботиться об отвлекающем маневре.

Проскользнув внутрь, ниндзя приступал к решению задачи, поставленной перед ним его «тюнин». Для этого не только требовалось знать путь наверняка, иметь продуманный план, но и бесшумно передвигаться, соблюдая меры крайней предосторожности, чтобы избежать многочисленных ловушек. Так, в коридоре могла внезапно рухнуть с шумом откуда-то сверху дверь, механизм которой сработал от ноги, вставшей на определенное место. В потолках нередко имелись пустые отсеки, где прятались охранники,

скрытно наблюдавшие сверху за тем, что делается внизу, с взведенными арбалетами в руках. Попытка тихонечко открыть дверь могла освободить запор крышки люка в глубокую яму с отвесными стенами и острыми колыями на дне.

О том, что все это не выдумка, свидетельствуют факты. Так, в сохранившемся до наших дней в Киото доме Мотидзуки (бывшем, кстати говоря, ниндзя), преобразованном ныне в музей, исследователи обнаружили колодец, расположенный непосредственно за главным входом в дом. Он был до самого верха набит 80 скелетами непрошенных гостей, валявшихся там с XVI века! А во дворце сёгунов Токугава в том же Киото есть знаменитые «поющие полы», способные сводить на нет все хитрости средневековых лазутчиков. Имеется в виду определенная техника настилки пола с помощью длинных гвоздей, забитых в опорные балки под определенным углом под каждой доской. Любая из них неминуемо издает скрип, стоит лишь наступить. Сами половицы при этом не прогибаются, они просто лежат на гвоздях и передают им сообщаемое усилие. Интересно, что в разных залах дворца полы «поют» по-разному, так что стражники могли на слух точно определить, в каком из помещений находится «гость». На день полы «выключали», на ночь «включали».

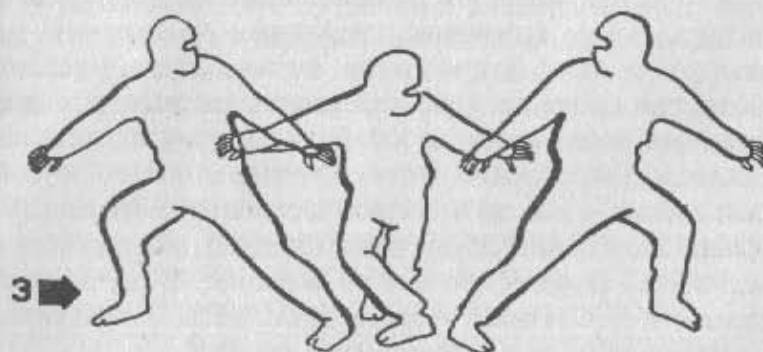
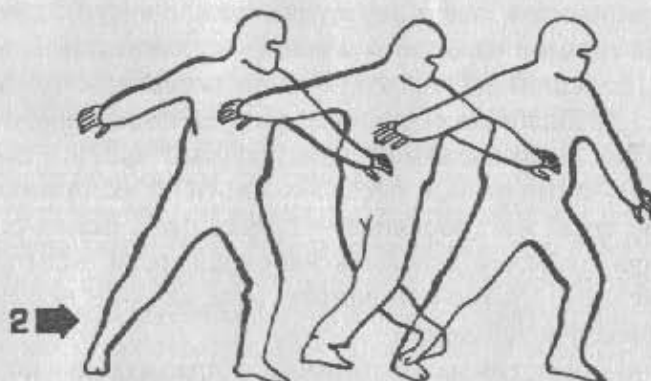
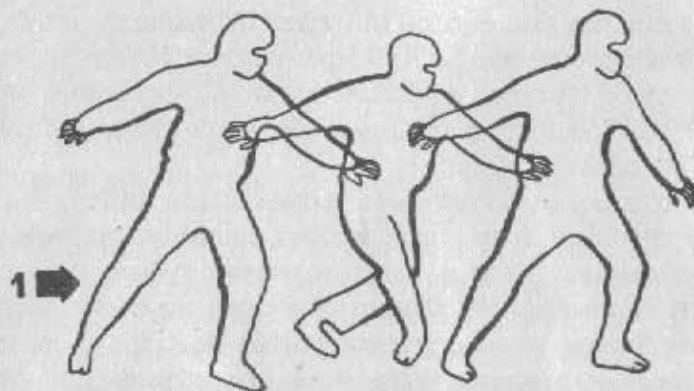
Впрочем, в бедной лесом Японии подобная техника стоила очень дорого, ее могли позволить себе только самые богатые аристократы, удельные князья — «даймё». Те феодалы, что были победнее, вместо музыкальных половиц пользовались нитками с колокольчиками, натянутыми во тьме проходов. Эта система работала не хуже, ведь заметить в темноте черную нитку совершенно невозможно, зато она была несравненно дешевле досок. Надо было только не лениться каждый вечер приводить ее в действие, а каждое утро снимать. Еще существовали собаки, верные друзья хозяев. Одним словом, внутри замка было несравненно опаснее, чем снаружи. И все же ниндзя отважно устремлялся на

приступ вражеских твердынь и безнаказанно уходил оттуда, оставляя позади трупы...

Самым надежным помощником ниндзя была темнота. Он отлично знал ее сильные и слабые стороны. Помнил, например, о том, что в крошечном мраке даже слабый свет резко снижает чувствительность ночного зрения, поэтому стражники, сидящие возле жаровни с раскаленными углями и настороженно всматривающиеся в темноту, видят в ней очень немного. Сам ниндзя по той же причине избегал смотреть на свет или делал это только одним глазом, плотно закрыв второй. Зная, что человеческая кожа имеет свойство выделяться в темноте, ниндзя одевал на руки перчатки, а лицо закрывал маской либо красил в темный цвет. Действуя ночью, он старался двигаться таким образом, чтобы его фигура не выделялась на фоне более светлых участков (например, на фоне освещенной изнутри бумажной перегородки в доме, на поверхности залитого светом луны водоема, в дверном проеме и т.д.).

Чтобы хорошо видеть в темноте, ниндзя последние сутки-двое перед выходом на задание жил в полной темноте где-нибудь в подвале дома у своего сообщника, а то и просто в яме, вырытой им в ближайшем лесу и надежно укрытой как от солнечных лучей, так и от чужих глаз. Свое убежище он покидал, разумеется, только тогда, когда наступала ночь. Не полагаясь на одно зрение, ниндзя при своем продвижении время от времени замирал, пытаясь уловить опасность всеми своими чувствами — обостренным до предела слухом, обонянием, осязанием и мистическим «внутренним зором».

Кое-где ниндзя крался на четвереньках, осторожно ощупывая пальцами пространство перед собой. В других случаях он, напротив, взбирался под самую крышу и там продолжал свой путь, перелезая с одной балки на другую и обходя, таким образом, все устроенные внизу ловушки и засады. Но все же в большинстве случаев он двигался так называемым «боковым шагом» (синоби-ёко-аруки), пото-

Синоби-ёко-аруки

му что именно этот способ позволял перемещаться в более узкой полосе (см. рисунки). Перемещение осуществлялось как плавное, текучее движение хорошо смазанного механизма, работающего в заданном ритме, без всякой спешки и без малейшего шума.

Для отработки легких, бесшумных шагов ниндзя часами ходил зимой по льду в деревянных башмаках на подставках-скамеечках (гэта), а летом в мягких туфлях с толстой подошвой по рисовой бумаге, лежащей на песке. Скрип, раздававшийся в том и другом случае, надо было свести к минимуму и в идеале устранить полностью. Для этого ниндзя внушал себе ощущение легкости во всем теле и концентрировался на энергетическом центре живота (хара). На задание же он шел в «таби» — толстых носках, в которых большой палец отделен от остальных пальцев ступни. При ходьбе по скользкой, мокрой поверхности использовался так называемый притирочный шаг, по сыпучей поверхности (гравий, песок) — плотный «катящийся», в высокой траве и в тростнике — сметающий. Всеми силами ниндзя старался избежать необходимости ходить по сухим листьям, соломе или бамбуку, так как они неизбежно производят шуршание.

Хорошо освещенные места ниндзя преодолевал короткими рывками, застывая в полной неподвижности после каждого из них. Сами эти рывки он старался делать в такие моменты, когда внимание стражников отвлекалось: при вспышке молнии, ударе грома, порыве ветра, усилении дождя, при смене караула, переключке часовых, разговоре обитателей замка между собой. Годи́лся и скрип открываемой двери (естественно, если ее открывал кто-то другой), и лай собаки — все, на что человек склонен непроизвольно обращать внимание. Дверь, кстати, ниндзя не открывал, не убедившись заранее, что она не скрипнет. В случае необходимости он смазывал дверные петли маслом либо увлажнял их водой (а то и собственной мочой).

Как известно, лазутчик мог пролезть даже в небольшие отверстия благодаря своей гибкости, умению доставать кости конечностей из суставов и производить специфические волнообразные движения, напоминающие змеиные. Так что он мог проникнуть в здание, скажем, через крышу, сняв всего две-три черепицы. Если ему препятствовал какой-нибудь засов, замок или защелка, ниндзя пускал в ход свои инструменты, набор которых был у него не хуже, чем у профессионального взломщика. Это сикоро (пила по дереву), ядзири (пила-напильник для резки металла), цубогири (коловорот для сверления отверстий в древесине), касугаи (плотницкие крючки для крепления ставней и дверей в открытом положении), кунаи (небольшой шпатель), тоби-кунаи (инструмент многоцелевого назначения, которым можно было резать, копать, расклинивать, пробивать отверстия, использовать как рычаг), куророкаки (металлический угольник для взламывания окон и бумажных сте́нок), дзюророкаки (инструмент для открывания замков, нечто вроде отмычки), осаку (приспособление для взламывания засовов). Был еще и кикита́мэ — подобие слуховой трубки с раструбом на одном конце, позволявший прослушивать, что происходит за стеной. Иногда, например, в поисках нужного документа, ниндзя нуждался в лучике света. Поэтому среди его снаряжения имелся набор фонарей. Танаго́коро-таи-мацу помещался в ладони, мидзу-таи-мацу горел даже под проливным дождем, в гандо свеча всегда оставалась в вертикальном положении, независимо от того, под каким углом он висел. Дока тоже мог служить для подсветки, хотя являлся в первую очередь маленькой металлической грелкой с несколькими раскаленными углями внутри. Благодаря ей, шпион даже в сильный мороз сохранял подвижность своих пальцев...

В искусстве прокрадывания существовало множество чисто практических уловок и приемов, не устаревших по сей день. Нецелесообразно подробно их описывать. Например, в тех случаях, когда присутствие бодрствующих людей казалось неустранимой помехой, ниндзя усыплял их

снотворным дымом, выделяемым тлевшей бумагой, пропитанной смесью из крови змеи, крота и тритона, либо подмешивал им в еду и питье порошок из семян дурмана. Подобные «рецепты» слишком близки способам действия современных преступников, а потому на этом мы остановимся.

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

Главным условием выживания ниндзя было искусство оставаться невидимым — «онсин-дзюцу». Если его присутствие замечали, немедленно начиналась азартная охота на человека с использованием всех средств, включая дрессированных собак. Тогда уже нельзя было сказать наверняка, чем кончится дело.

Ниндзя знал, что в плену его ждет жестокая казнь после изощренных пыток. Пытки умело дозировали, растягивая мучения жертв на несколько дней. А потом варили их заживо в огромном котле (как Исикава Гоэмона), сдирали кожу лоскуток за лоскутком (такова была участь некоего Тоцука), перепиливали пополам тупой пилой либо сажали на кол...

Впрочем, опытный ниндзя имел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы успешно выполнить порученное ему задание под самым носом врага. В этих средствах не было ничего такого, что выходило бы за пределы человеческих возможностей. Отличное знание законов природы, хорошее понимание психологии людей и животных, точный расчет, хладнокровие, мужество — вот и все, чем он располагал. Однако японская пословица гласит, что «и обезьяна порой падает с дерева». Поэтому ниндзя самым тщательным образом готовился к любой операции, стараясь не упустить из виду ни одной мелочи, проявляя подлинные чудеса изобретательности.

Одетый в костюм черного, серого или синего цвета (а зимой на снегу в белом), с повязкой, прикрывающей лицо, ниндзя стремился слиться с окружающей средой. Подолгу сохраняя неподвижность где-нибудь в укромном уголке, или образуя одно целое со скалой, вырисовывающейся на фоне ночного неба, прильнув к потолочной балке погруженной в сумрак, прячась среди листвы, а то и на открытом со всех сторон рисовом поле, ниндзя мог очень долго оставаться незамеченным, хотя и видимым. Это обстоятельство напоминает кукловодов японского театра Бунраку, которые словно растворяются за спинами своих удивительных кукол. Они есть, и в то же время их не замечают, они как бы в самом деле «невидимы»...

Иногда ниндзя устраивал настоящий спектакль, подтверждавший миф о его невидимости. Известна уловка одного лазутчика, заранее позаботившегося о том, как обеспечить отход. Преследуемый по пятам, он в самый критический момент завернул за угол стены и словно сквозь землю провалился. Перед глазами ошеломленных самураев не было ничего, кроме ровной поверхности земли и стены. Всего какой-то миг, в течение которого они не могли видеть этого дьявола, и оказалось, что ему достаточно мига, чтобы уйти прямо из рук. А все объяснялось просто. Ниндзя заранее вырыл в земле небольшую ямку, которую до краев заполнил пеплом. В нее он и погрузился с головой, сжавшись в комок и дыша через трубку.

Очень часто ниндзя пользовались отвлекающими маневрами. Некоторые из них могут сегодня показаться слишком грубыми и примитивными. Но рассуждая подобным образом, мы забываем о поголовном невежестве людей той далекой эпохи, и силе их веры в колдовство, чудеса, оборотней. Известно немало случаев, когда ниндзя в безвыходной ситуации взрывал свою знаменитую гранату-петарду (нагэ-тэппо), дававшую яркую магниевую вспышку, много дыма и сильный грохот. В тот же момент он ловко надевал деревянную маску злобного демона и возникнув в ней из дыма и пламени, смертельно пугал врагов. А затем исчезал в огне

и дыму нового взрыва. Этот прием назывался «ониби-но-дзюцу» — «искусство огня демона».

Все методы и приемы маскировки ниндзя основывались на даосском принципе соответствия пяти природным стихиям — Дереву, Огню, Земле, Металлу, Воде (гогё-сэцу). Считалось, что человек, в совершенстве овладевший этими пятью методами, постиг главный закон Природы — закон круговорота, извечного и непрерывного превращения одних вещей и явлений в другие. Поэтому такому человеку становится по плечу любое предприятие!

Согласно обычаю японцев не делать прямых указаний на суть явлений, ниндзюцу называет методы маскировки методами «отхода» (надо понимать, чтобы «стать невидимым») — «тонпо». Методы эти таковы:

1. Использование Дерева (моку-тон), т.е. всех видов растений: деревьев, кустарника, травы, листвы, цветов, злаков, лиан, зарослей бамбука. Этот метод подразделяется на два способа:

а) Способ травы (куса-гакурэ). Высокая трава (как правило, выше человеческого роста) и кустарники, которыми изобилуют равнины Японии, всегда служили хорошим естественным укрытием. В такой траве можно ходить даже днем без особого риска оказаться замеченным. При длительном пребывании на одном месте (наблюдение, засада, ожидание условленной встречи) нетрудно было самому превратиться в кочку, поросшую травой либо мхом, или стать зеленым кустом;

б) Способ барсука (тануки-гакурэ). Это значит взобраться на дерево и прижаться к его могучему стволу или толстой ветке, залезть в невидимое снизу дупло, укрыться среди пышной листвы.

2. Использование Огня, т.е. пламени, дыма, газов и взрывчатых веществ (ка-тон). Этот метод включал четыре способа:

а) Способ отвлекающего поджога (хицукэ-гакурэ). Поджигая сухую траву или кустарник, бамбук, строения, можно было спрятаться за стеной бушующего огня и пеле-

Докуэн-гакурэ

ной дыма, отвлечь внимание противника, направить его по маршруту, далекому от пути следования ниндзя. Этот способ применялся очень часто, так как был прост и эффективен;

б) Способ взрыва (хидама-гакурэ) использовался тогда, когда надо было вызвать шок вспышкой и грохотом взрыва. Для этого применяли самодельные ручные гранаты, взрывавшиеся от удара о твердую поверхность. Их убойная сила была невелика, зато вспышка ослепляла, а грохот бил по ушам, благодаря чему преследователи на какое-то время теряли ориентацию в пространстве. Этого времени лазутчику обычно хватало для того, чтобы ускользнуть. Иногда гранаты подкладывали в костер (или очаг). Неплохой результат давали куски бамбука и каштаны, брошенные в огонь. Взрываясь, они имитировали ружейный огонь, что также отвлекало внимание;

в) Способ «адского» пламени (ониби-гакурэ). Имеется в виду упоминавшийся уже трюк с выдуванием огня через трубку или прямо изо рта, в сочетании с уродливой маской черта;

г) Способ ядовитого дыма (докуэн-гакурэ). С помощью специальных «дымовух», а то и простым подбрасыванием в огонь сырого мха, зеленой листвы и некоторых растений (аконит) создавался обильный дым, производивший слезоточивое и удушающее воздействие.

3. Использование Земли (дзи-тон), т.е. рельефа местности, возможностей почвы, камней, скал, песка и сооружений из этих материалов. Работая с «землей», выделяли три основных способа:

а) Способ тритона (имори-гакурэ). Это умение «прилипнуть» к земле, скале, стене, любой другой поверхности и полностью слиться с ней;

б) Способ перепелки (удзура-гакурэ). Подобно перепелке втиснуться в небольшую щель между деревьями, камнями, строениями, заполнив проем своим телом, или залезть в яму, а то и вообще закопаться в землю, дыша через самый кончик носа или через специальную трубку;

в) Способ пугала (какаси-гакурэ). Это имитация в полумраке рассвета и неверном свете лунной ночи контуров привычных предметов: огородного пугала, каменного фонаря или статуи и т.п.

4. Использование Металла (кин-тон), т.е. различных металлических предметов для отвлечения внимания противника и для затруднения движения преследователей. Можно назвать три способа использования металла в указанных целях:

а) Создание ложного шума (кама-гакурэ), от слова «кама», означающего в данном случае металлическую посуду. Прикрепив металлический предмет к концу тонкой веревки или прочной нити и дергая за другой конец, можно было вызвать шум вдали от себя, заставляя стражу устремляться туда. Тот же результат давало забрасывание предметов в дальние углы крепостных укреплений и внутренних покоев;

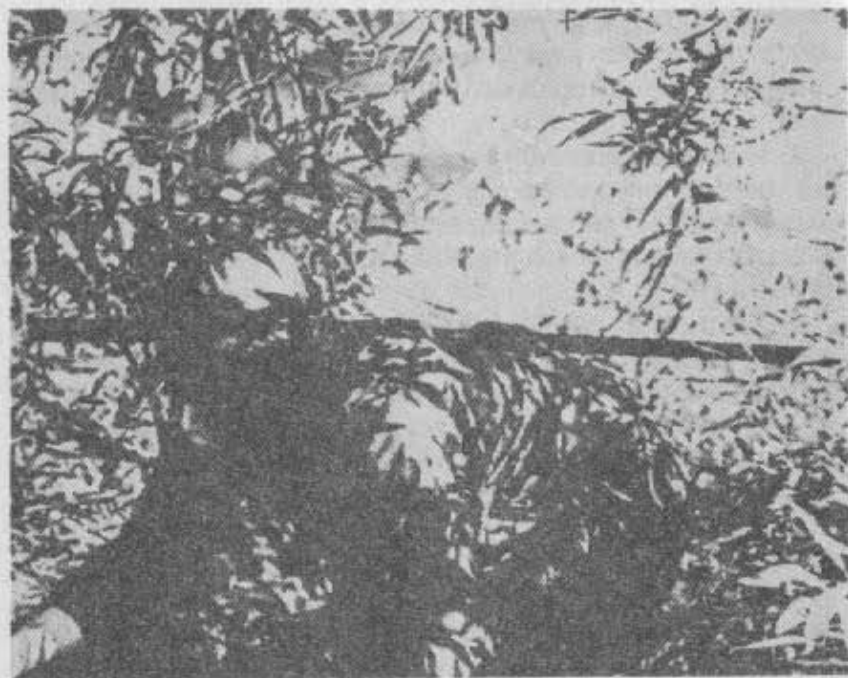
б) Разбрасывание монет (до-гакурэ). Этот способ был хорош днем, на людных улицах, где всегда полно зевак и нищих. Они кидались подбирать медяки, возникала свалка, переходящая в массовую драку, что претраждало путь погоне;

в) Разбрасывание шипов (тэцубиси-гакурэ). Простой, но результативный способ, надежно замедлявший движение преследователей, как пеших, так и конных. Способ настолько хорош, что широко применяется по сей день, в том числе против автомобилей.

5. Использование Воды (суй-тон). Мы уже знаем, что ниндзя чувствовал себя в воде как в родной стихии. Наиболее распространенными способами использования воды в целях маскировки и отрыва от противника являлись следующие два:

а) Способ черепахи (камэ-гакурэ) — длительное пребывание под водой с дыхательной трубкой «мидзу-дзуцу»;

б) Способ водорослей (кицунэ-гакурэ) — имитация клубка водорослей или иного предмета (бревна, трупа), влекомого водой вниз по течению, а в непроточной воде

Куса-гакурэ (вверху) и удзура-гакурэ (внизу)

болтающегося на одном месте (стоит напомнить в этой связи, что в эпоху средневековья очень немногие люди умели плавать, поэтому водоем был самым надежным укрытием, при отсутствии лодок, разумеется)...

Маскировке весьма способствовало творческое использование атмосферных явлений (тэнмон-дзюцу). Так, лунный свет отбрасывает причудливые тени, в которых легко спрятаться от чужих глаз. Снегопад замечает все следы, а дождь их смывает и к тому же надежно сбивает со следа собак. Яркое солнце слепит глаза, туман резко ограничивает видимость, ветер заглушает любой шум, даже стук копыт (особенно, если они обмотаны тряпками) и уносит прочь запахи. Туча, закрывшая солнце или луну, позволяет мгновенно сменить направление движения или прибегнуть к другому способу камуфляжа.

Еще ниндзя широко применяли ослепляющие средства (данный метод назывался «мэцубиси-дзюцу»). Как правило, в качестве таковых употребляли порошки, составленные из толченого красного перца, золы, жгучей извести, крепкого табака, размолотой яичной скорлупы и т.п. наполнителей, помещенных в бумажный пакет, трубку с затычкой, скорлупу ореха, пустое яйцо. Иногда вместо едких порошков в лицо врагу швыряли мелких животных, чаще всего небольших ядовитых змей. Этот технический прием получил название «инубуэ-дзюцу». Само собой понятно, что ниндзя свое тело содержал в чистоте, чтобы не выдать себя запахом пота и грязи, а уходя от собак, не забывал сыпать порошок, отбивающий у них обоняние...

* * *

Переходя от истории к современности, следует подчеркнуть, что в искусстве маскировки нет никаких секретов. Все зависит от собственной сообразительности, выдержки и опыта. Одни добиваются немалых успехов в этом искусстве. Другие подобны страусу, засунувшему голову в песок и воображающему, будто его никто не видит. Регулярные

тренировки на местности с различным рельефом — неотъемлемая часть программы любой школы ниндзюцу. Напомним вкратце некоторые принципы, позволяющие систематизировать процесс. Спрятаться — значит полностью слиться с той средой, в которой приходится действовать. Смысл этого принципа в том, чтобы ничем не выделяться, особенно лицом и взглядом. Ведь лицо и глаза являются самой притягательной, а значит наиболее заметной частью тела. Поэтому лицо надо закрывать маской или раскрашивать, а ведя наблюдение за условным противником, никогда не смотреть прямо на него.

Смотреть и слушать, оставаясь при этом невидимым и неслышимым — вот чему должен учиться лазутчик. Здесь есть над чем поработать. Попробуйте, например, пару часов сохранять полную неподвижность, спрятавшись где-нибудь в зарослях, и при этом не заснуть, не выдать себя дыханием, взглядом, тенью, случайным звуком. Вы сразу же убедитесь, как это трудно! Научитесь также правильно двигаться. Движение привлекает внимание не само по себе, а только тогда, когда оно чем-то выделяется. Если идти в толпе слишком быстро, или наоборот как бы украдкой, вы неизбежно начнете обращать на себя внимание. Точно так же бросается в глаза человек, неизвестно почему согнувшийся в три погибели, перебегающий от дерева к дереву, ползущий в траве, когда все вокруг ходит обычным образом. Если требуется пересекать открытое пространство, то старайтесь делать это самым естественным и непринужденным способом. По крайней мере, противник в таком случае не сообразит, что вы хотели избежать встречи с ним.

Попробуйте незаметно следить за кем-нибудь из случайных прохожих, но так, чтобы он на протяжении нескольких часов и даже целого дня не почувствовал этого. Договоритесь с партнером и по очереди пытайтесь наблюдать и ускользать друг от друга. Можно устраивать нечто вроде командных соревнований такого типа в лесу, в поле и в городских условиях. Научитесь ходить легкой походкой, не шаркая ногами, не цепляясь за окружающие предметы, без

стука и скрипа открывать и закрывать двери, вообще делать все бесшумно. Это должно стать вашей привычкой, ежедневным, ежеминутным тренингом. Научитесь быть незаметным в любой компании, в любом месте, тем, о ком всегда забывают, кого не могут ни вспомнить, ни толком описать. Вам это не нравится? Вы хотите быть всегда и везде в центре внимания? Что ж, это ваше право. Но, в таком случае, ниндзюцу — занятие не для вас.

Короче говоря, осваивать «онсин-дзюцу», это значит учиться двум взаимосвязанным вещам: оставаться незаметным среди природы, а также среди людей. Нигде и ничем не выделяться, не привлекать любопытных взоров и ушей. Быть обыкновенным, скучным и неинтересным для окружающих...

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

Ниндзя действовали преимущественно по ночам, всячески избегая чужих глаз и ушей. Используя пять принципов камуфляжа, они словно растворялись в окружающей тьме. Однако далеко не всегда можно было выполнить задание в течение одной ночи. Нередко приходилось подолгу оставаться на людях, чтобы собрать нужную информацию, подготовить убийство или диверсию.

В таких случаях помогало искусство перевоплощения, схожее с актерским ремеслом. Выдавая себя за другого, ниндзя прятался среди врагов. Только этот спектакль длился не пару часов, а несколько дней, недель, даже месяцев. И рисковал он — в случае провала — собственной головой. Ясно, что человеку, лишенному актерских способностей, трудно было рассчитывать на успех в подобном предприятии. Здесь требовался изрядный талант, поскольку не могло быть и речи о недостаточной достоверности. Что ж, среди ниндзя тоже имела место специализация. Тем не менее, искусство перевоплощения преподавалось всем.

Жадный безобидный человечек — только маска грозного ниндзя

Стандартная подготовка позволяла изображать любой из семи классических персонажей. Ими были:

- Акинто, бродячий торговец всякой мелочью;
- Комусо, бродячий монах, собирающий пожертвования для своего храма (все монахи в старой Японии были приписаны к тем либо иным храмам);
- Саругаки, бродячий циркач, чаще всего фокусник и жонглер, реже акробат;
- Суккэ, буддийский священник, который, разумеется, не мог бродяжничать, но часто выезжал в иные места «по долгу службы»;
- Хокаси, бродячий актер (обычно в составе небольшой труппы), танцор, певец, музыкант, исполнитель шуточных сценок;
- Цунэгата, наемный сельский рабочий, батрак-поденщик;
- Ямабуси, горный отшельник, последователь учения Сюгэндо, которого власти считали юродивым, а простолюдины — предсказателем будущего и целителем.

Разумеется, были и другие роли. Эти семь составляли «обязательный минимум».

В хэнсо-дзюцу можно выделить три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, умение переодеваться. Следует напомнить тем, кто уже забыл школьный курс истории, что в средневековом обществе внешнее убранство являлось отличительным признаком различных социальных слоев. Поэтому покроем и расцветка одежды, фасоны причесок, украшения — все это жестко регламентировалось. Следовательно, меняя наряд, надо было носить его так, словно привык к нему с детства. А это очень и очень непросто. Не случайно бывших советских граждан за километр видно среди толп иностранцев...

Во-вторых, умение убедительно играть роль. Ведь ниндзя, как и профессиональный актер на сцене, изображал не конкретного человека, а типаж. Поэтому надо было свободно владеть подобающей лексикой и манерами, походкой и жестикуляцией. А профессиональные навыки? Разве

мог сойти за буддийского священника человек, не знавший молитв и тонкостей ритуала богослужения? Или выдавать себя за торговца, не разбираясь в товарах и ценах? И кто поверил бы в таланты отшельника, не умея он на самом деле исцелять страждущих и убедительно толковать о грядущих днях?

В-третьих, действуя под чужой личиной, требовалось все время контролировать свое поведение, чтобы не показать ненароком свое истинное лицо. В этом смысле наибольшую опасность представляли бессознательные двигательные реакции тренированного тела. Например, если у хозяина замка возникали какие-то подозрения, он мог приказать установить наблюдение за безобидным монахом и позаботиться, чтобы ему на голову вдруг свалился какой-то предмет. Или чтобы кто-нибудь выскочил на него из-за угла. Слишком ловкое уклонение могло стать основанием для смертного приговора. Самураи были люди суровые и полагали, что лучше казнить десять невинных, чем упустить хотя бы одного виноватого...

Возвращаясь к семи маскам ниндзя, отмечу, что их набор не был случайным. У всех этих жалких оборванцев имелось одно общее качество, поистине бесценное с точки зрения профессионального лазутчика. Им позволялось странствовать в любом направлении, их пропускали заставы на всех границах страны, разодранной на сотни лоскутных княжеств. Да и не очень присматривались самураи к столь презренному сброду. Так что на оживленной дороге и в городской толпе, среди богомольцев или в гуще челяди даже не очень способный к лицедейству ниндзя мог чувствовать себя в безопасности.

Ну, а наиболее одаренные из них доходили до того, что играли самые трудные роли: самураев, оставшихся без скюзерена (их называли ронинами) и женщин. Меняя по мере надобности свою внешность, ниндзя проходил у всех на виду, оставаясь неузнанным и безнаказанным. Он был неуловим именно потому, что никто не знал, в чьем облике он появился на этот раз. А кто мог сказать, где искать

злодея, если неизвестно его имя, происхождение и внешность? Еще труднее было представить, что он даже не думает скрываться — в общепринятом смысле этого слова, что он по-прежнему где-то рядом. Но кто же он?

В соответствии с принципом «мугэй-но-мумэй» (ни приметы, ни имени) ниндзя всегда стремился остаться в тени. В этом он являл полную противоположность самураю, заботившемуся о том, чтобы его подвиги не забылись. Нанести удар так, чтобы все терялось в догадках — как могло произойти то, что произошло, может быть, в самом деле не обошлось без нечистой силы? Таков был идеал ниндзя.

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

Во многих случаях боевые задания ниндзя требовали от него преодоления высоты. Иногда это был простой частокол, иногда стены и крыши домов или многоярусных пагод, но чаще всего глубокие рвы и массивные укрепления, окружавшие средневековые замки. Кроме того, ему приходилось использовать свое умение взбираться вверх и спускаться вниз еще и тогда, когда он прятался в горах от погони или пытался сократить себе путь, двигаясь через них напрямик.

Понятно, что труднее всего было проникнуть в замок, хотя именно с этим были связаны самые важные и ответственные предприятия ниндзя. Трудность заключалась прежде всего в охране, ведь любой замок по всему внешнему периметру караулили часовые. К ним следует добавить целую систему всевозможных капканов и ловушек, не говоря уже о средствах сигнализации, вроде ниток, привязанных к колокольчикам. Привлечь внимание стражи означало провалить задание и погубить себя. Поэтому надо было действовать очень осторожно, совершенно бесшумно, но в то же время достаточно быстро, чтобы успевать совер-

шить очередное передвижение между двумя обходами караула. Главной проблемой всегда оставалось соблюдение тишины, так как ниндзя пробирался в замок главным образом ночью.

В этом смысле серьезное препятствие представлял широкий и глубокий крепостной ров, наполненный водой. Нельзя было вспугнуть диких птиц, гнездившихся в его стенах и по берегам. Следовало также предотвратить внезапное прекращение «концерта» потревоженных лягушек, в изобилии обитавших в этом искусственном водоеме. Приходилось учитывать даже такую мелочь, как стрекотание цикад, сидевших в расселинах между камнями крепостной кладки. Испугавшись приближения человека, они умолкали, а это могли заметить бдительные охранники. С подобными трудностями ниндзя обычно справлялся при помощи средств бытовой химии. Через духовую трубку он распылял специальные порошки, под воздействием которых птицы засыпали мертвым сном (нередко в прямом смысле этого слова), а лягушки продолжали свою бесконечную переключку. Что же касается цикад, то несколько особей он нес с собой в коробочке и выпускал их возле стены, предварительно тоже посыпав специальным раздражающим веществом. Возбужденные цикады начинали немолчное пение, увлекая своим примером местных насекомых...

Из-за необходимости действовать в полной тишине ниндзя далеко не всегда мог воспользоваться специальными приспособлениями для лазания. Крюки, кошки, веревки, когти на руках и ногах значительно упрощали форсирование преград, но все они издавали звуки при соприкосновении с камнем, деревом и черепицей. Звяканье, скрежет, парпанье, шорохи, лязг и стук громким эхом отдавались в напряженных нервах часовых. Обертывание тряпками не помогало. Поэтому ниндзя предпочитали взбираться по стенам не прибегая ни к каким иным инструментам, кроме собственных рук и ног. Мысленно устремляясь «вглубь» стены, они словно прилипали к ней всем

телом, напоминая со стороны огромных черных пауков. Весь секрет заключался в концентрации жизненной энергии «ки» в кончиках пальцев верхних и нижних конечностей. Благодаря этому, малейший буторок, выступ или щель становились достаточно надежной опорой. А поскольку стены замков были сложены из бутового (необработанного) камня без всякого цемента, постольку они не представляли особого препятствия для хорошо тренированного скалолаза.

Искусство взбираться на естественные и рукотворные возвышения и спускаться оттуда вниз составляло одно из основных направлений в подготовке ниндзя. Оно известно под разными названиями: «сака-но-бори», «сётэн-но-дзюцу», «тохэ-ки-дзюцу». Не следует забывать, что кланы ниндзя базировались в труднодоступных горных районах страны. Сами условия повседневной жизни были связаны для них с необходимостью карабкаться по скалам и каменистым осыпям, лазать по деревьям, спускаться в ущелья, переправляться через горные реки и глубокие пропасти. Поэтому обучение скалолазанию начиналось очень рано, лет с пяти, как только ребенок уже мог хорошо ходить, бегать и прыгать.

Современные специалисты считают, что мастерство скалолаза зиждется на гармоничном сочетании ряда очень важных условий: сильной мускулатуры, особенно плечевого пояса и кистей рук; гибкости, позволяющей наилучшим образом использовать точки опоры, имеющиеся на скале, и чувства равновесия, которое развивается только благодаря непрерывным, практически ежедневным тренировкам. А что важнее всего, так это уравновешенность психики, ясность мысли, умение правильно оценивать соотношение конкретной ситуации и своих физических возможностей. Ведь только оказавшись лицом к лицу с отвесной скалой и ощущая спиной зияющую пустоту, человек начинает понимать, что никаких путей для отступления у него уже нет. Если он переоценил свои силы, если ему не хватает всего лишь нескольких сантиметров, чтобы зацепиться за

выступ, на котором можно передохнуть, то падение неминуемо!

Ниндзя еще тысячу лет назад опытным путем пришли к таким же выводам. Поэтому они с детства развивали силу и силовую выносливость функциональных мышц, чувство равновесия, гибкость, умение превращать падения в акробатические прыжки, бесстрашие перед высотой, самообладание и другие необходимые качества. Обычно начинали с того, что малыша учили ходить, поворачиваться и переворачиваться на бревне, укрепленном над самой землей в горизонтальном положении. Постепенно бревно поднимали все выше, а само оно становилось все тоньше. В конце концов, бревно заменяли жердью, потом туго натянутой веревкой, еще позже — провисшей. После такой тренировки не составляло особого труда перебраться по веревке через ущелье шириной в несколько десятков метров, не говоря уже о крепостном рве или бастионе. Другим распространенным упражнением являлось «подвешивание» на ветке дерева. Держась за нее только руками, ребенок должен был провисеть несколько минут, а потом спрыгнуть вниз, или самостоятельно добраться до ствола и по нему спуститься, цепляясь за сучья и кору. Постепенно высота и продолжительность «виса» возрастали, а ствол дерева становился все более гладким.

Видное место в тренировке юных ниндзя занимали всевозможные прыжки. Они учились прыгать с разбега с шестом в руках через заборы, на крыши построек и на небольшие естественные площадки в скалах. Или с разбега, но уже без шеста, через глубокие ямы с приземлением на руки на самом краю и последующим подтягиванием. Еще они учились взбегать вверх по слегка наклонной стене или скале на высоту до трех метров и, сделав в воздухе сальто, приземляться на ноги. Осваивали также «многоступенчатые» прыжки с места вверх, с одной небольшой площадки на другую. Хорошо тренированный ниндзя мог таким способом в мгновение ока забраться на высоту метров в пять — лишь бы было от чего отталкиваться ногами на

этом пути! Но главное было научиться амортизировать удар о поверхность земли при прыжках вниз с большой высоты за счет акробатических трюков, энергии «ки» и т.д. Известно, что на мягкую поверхность (мох, песок, густой мелкий кустарник) ниндзя могли прыгать без всяких веревок с высоты до десяти метров!

Сравнивая скалолазание ниндзя с современным альпинизмом, надо отметить, что между ними мало общего. Альпинисты всегда действуют в составе связки из двух-трех человек, тогда как ниндзя чаще всего работал на скале один. Альпинисты уделяют огромное внимание взаимной страховке, равно как и само страховке, забывая с этой целью в камни специальные клинья, крючья и скобы, используя тонкие нейлоновые канаты. Благодаря им, альпинисту не надо «прилипать» к поверхности скалы, он может позволить себе отклоняться назад и даже висеть в воздухе, чтобы изучать выступы и трещины для дальнейшего продвижения вверх. Спуск по канату с помощью тормозного устройства не составляет никакого труда, тогда как для скалолаза, не привязанного веревкой к страховочному крюку, спуск представляет еще большую проблему, чем подъем. Стоит заметить, кстати, что альпинисты никогда не совершают свои восхождения по ночам или в плохую погоду. Напротив, для ниндзя ночь в сочетании с проливным дождем, бурей или сильным туманом служила почти идеальным прикрытием.

Впрочем, если условия позволяли (что случалось намного реже, чем это кажется создателям нынешних кинобоевиков), ниндзя охотно использовали инструменты и приспособления, облегчавшие и резко ускорявшие вторжение на вражескую территорию. Набор снаряжения для форсирования вертикальных преград назывался «кайки». В него входили: веревочные лестницы различных типов (басиго); веревки, сплетенные из конского или из женского волоса, с завязанными на них через равные промежутки узлами и снабженные на одном конце металлическим якорем (мусуби-басиго). Такая веревка выдерживала вес троих человек,

а на узлы можно было опираться ногами в ожидании очередного рывка вверх или вниз. Комплект дополняли копы с короткими поперечинами-ступеньками на древке и с крюком возле основания наконечника (яри-басиго), а также занятное приспособление, называвшееся синоби-кумадэ. Оно состояло из набора бамбуковых трубок, вставлявшихся друг в друга и дополнительно закреплявшихся веревкой, туго натянутой внутри. Конец последней бамбуковой секции снабжался кошкой с несколькими крючьями. Синоби-кумадэ легко было прятать и переносить в разобранном виде. Раздвинув его на всю длину и зацепив кошкой за преграду, удавалось быстро взбираться наверх. В бою этот инструмент мгновенно превращался в короткое копы или многозвенный цеп...

* * *

В период феодальных войн, заливавших Японию кровью несколько веков подряд, было немало случаев, когда с помощью ниндзя удавалось овладеть замками, считавшимися «неприступными». Феодальные усабицы повсюду ушли в прошлое. Но и сегодня нередко случается так, что надо во что бы то ни стало тайно проникнуть в какое-то здание, лагерь, на базу или просто перейти государственную границу. Сделать это сейчас еще труднее, чем пять или шесть веков назад. Особенности конструкции современных построек, электронная сигнализация, приборы ночного видения, скрытые телекамеры, сторожевые собаки, вертолеты — все это, казалось бы, заранее обрекает любые попытки такого рода на провал. Но ведь искусство ниндзя как раз и заключается в умении делать то, что кажется абсолютно невозможным. В том числе незаметно пробираться в такие места, куда, по мнению противника, человек проникнуть никак не может. Этот принцип — совершать невозможное для обычных людей — в наши дни взят за основу при подготовке и планировании операций коммандос.

Начинающим «ниндзя» я советую записаться в секцию скалолазания или тренироваться самостоятельно на деревьях, стенах и крышах домов, крутых откосах карьеров, в полуразрушенных промышленных сооружениях и т. д. Важно при этом соблюдать несколько условий. Прежде всего, стараться всегда проводить занятия только с партнером, уделяя при этом максимум внимания взаимной страховке. Начинать надо с простого и малого, никаких ночных восхождений! Ведь цель — научиться действовать наверняка, а не глупый риск, никому ничего не доказывающий. Следует также учитывать реакцию окружающих на ваши действия. Идеальный вариант — две или три хороших тренировки в месяц, подальше от любопытных глаз, со всеми мерами предосторожности.

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

Общеизвестно, что тактика ниндзя основывалась в первую очередь на использовании фактора «невидимости». Появиться глубокой ночью там, где этого абсолютно никто не ждет, и остаться незамеченным от начала и до конца операции — таков был их идеал. Ну, а если противник успевал все же поднять тревогу, то следовало как можно эффективнее исчезнуть долой с его глаз, заставив теряться в догадках, как могло произойти то, что произошло. «Делать невозможное» — вот слова, которые вполне могли бы служить девизом для ниндзя...

Глубоко постигнув умом и сердцем взаимосвязь пяти стихий (дерева, огня, земли, металла и воды), ниндзя умел превращать в союзника любую природную среду. В полной мере это относится к воде. В условиях Японии, расположенной на островах с изрезанной береговой линией и с множеством рек, озер, прудов и каналов, такое умение значило очень многое. Оно называлось «суйрэн-дзюцу» — искусство использования воды в военных целях.

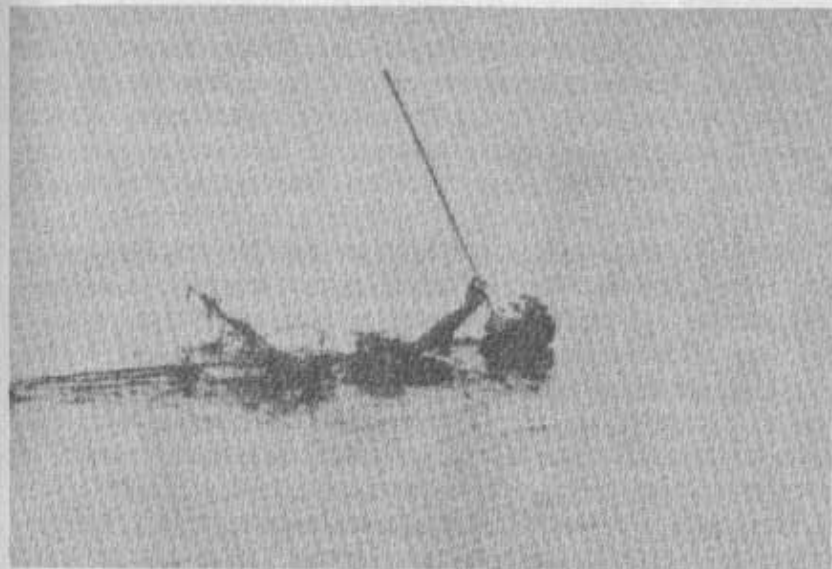
К боевым действиям на воде и под водой «ночные войны» начинали готовиться еще в раннем детстве. Достоверно установлено, что в некоторых школах ниндзюцу детей начинали учить плаванию с шестимесячного возраста (!), вполне в духе современного лозунга «плавать раньше, чем ходить». Искусство боевого плавания включало в себя умение плавать и нырять в одежде и обуви, с оружием и снаряжением, а также со связанными руками и ногами. Ниндзя умели прыгать в воду с крепостных стен и с мостов через горные ущелья, плавали против течения и в полосе прибоя, не боялись водоворотов, ловко освобождались от водорослей. Они могли опускаться на большую глубину, словно профессиональные ловцы жемчуга, и не хуже их находили на дне любые мелкие предметы. Ниндзя плавали в вертикальном положении, не уступая своей техникой нынешним мастерам синхронного плавания. Но, в отличие от последних, им это надо было не ради красоты, а для того, чтобы стрелять из лука и арбалета, внезапно появляясь из-под водной поверхности. Еще они умели рывком выскакивать с глубины прямо в лодку противника и, схватив назначенную жертву, увлекать ее под воду и там топить. Само собой разумеется, что ниндзя немало времени уделяли отработке приемов борьбы в воде.

Те способы, которые применяли ниндзя для форсирования водных преград, породили множество фантастических слухов об их умении ходить по воде, о дружбе с нечистой силой и других сверхъестественных вещах. В действительности, все обстояло гораздо проще. Например, спасаясь от преследования, ниндзя иной раз пересекал реку или небольшое озеро таким образом, что со стороны казалось, будто бы он «бежит» по водной поверхности, вздымая ногами брызги. Такое зрелище производило сильное впечатление даже на самураев, не говоря уже о представителях других социальных слоев. Однако ниндзя бежал не по воде, а по плоским камням, которые он же заранее разложил или вкопал на отмели или там, где нашел брод. Сверху камни прикрывала вода, они находились на определенном рассто-

янии друг от друга и никогда не ставились по прямой линии, а только зигзагом. Тому, кто не знал схемы размещения этих камней, бесполезно было пытаться следовать за убегающим тем же путем. Если ниндзя хотел пользоваться своим тайным «мостом» еще какое-то время, то он обычно менял порядок расстановки искусственных опор, чтобы исключить возможность каких-то неожиданностей...

Относительно неширокие водоемы ниндзя преодолевал в кратчайшие сроки с помощью простейшей системы, называвшейся «канся». Он заранее закреплял между двумя берегами веревку таким образом, чтобы она полностью находилась в воде. Преследуемый ниндзя нырял в воду в известном ему месте, хватался под водой за веревку и, перебирая по ней руками, очень быстро вытягивал себя на другой берег. Можете сами испытать летом такое устройство и убедиться, какой выигрыш времени и какую экономию сил оно дает! Даже если преследователи догадывались перерезать веревку со своей стороны, ниндзя все равно ускользал от них, ведь она оставалась привязанной с другой стороны. Аналогичное приспособление позволяло ему эффективно соскальзывать со стены замка прямо в глубокий ров с водой и больше не показываться на поверхности. Пока самураи гадали, утонул этот дьявол или нет, он с помощью веревки, закрепленной на дне рва, вылезал где-нибудь в укромном местечке и бывал таков...

Иногда ситуация требовала чем-нибудь поразить местную публику, дабы отвлечь ее внимание и внушить веру в свои колдовские способности. С этой целью ниндзя использовали роль монаха-чародея (ямабито), выделявая различные фокусы и трюки. Однако во все времена одним из наиболее убедительных свидетельств обладания Божьим даром считалось упомянутое уже умение ходить по воде. Итак, ниндзя заранее готовил охапку соломы, тростника или бамбука, перевязанную веревкой. Он мог нести ее на спине, не вызывая ни малейших подозрений, мог временно спрятать в прибрежных зарослях либо притопить и закрепить возле мостков. Такой примитивный плот на-

Мидзу-дзучу (вверху) и мидзу-гумо (внизу)

зывался «кама-икада». Иногда для увеличения плавучести к нему дополнительно крепили закупоренные глиняные кувшины или надувные бычьи пузыри. Естественно, что под весом человека этот плот погружался вглубь, но там начинала действовать выталкивающая сила (закон Архимеда) и возникало состояние шаткого равновесия, требовавшее от стоящего на плоту великолепного чувства баланса. Со стороны казалось, что человек стоит по колени в воде, ведь плот совершенно не было видно. Осторожно подгребая веслом либо отталкиваясь от дна шестом, можно было кое-как перемещаться в желаемом направлении.

Чтобы оценить в полной мере степень тренированности чувства равновесия у ниндзя, достаточно самому изготовить и попытаться использовать подобный плот. Это настолько сложно, что многие люди отказываются верить в истинность этих (впрочем, также и многих других) приспособлений ниндзя. Скептикам следует напомнить, что ниндзя никогда не претендовали на то, чтобы с помощью «кама-икада» переправиться через озеро или хотя бы через реку средней величины. Задача сводилась к тому, чтобы поразить зрителей, в том числе случайных. Несколько метров, пусть с неустойчивым равновесием, и ниндзя растворялся во мраке ночи или... заворачивал за угол рва с водой, после чего продолжал путь более удобным способом.

Подлинных чудес эквилибристики требовало использование двух поплавков (по одному на каждую ногу), называвшихся «тару-икада». Они представляли деревянные бочонки или глиняные горшки диаметром в 25—30 см, высотой доходившие до колен. Чтобы внутрь не попадала вода, вокруг ног обматывали пук соломы, закупоривавший горловину. Принцип использования оставался прежним. Нацепив эти поплавки, ниндзя мог некоторое время передвигаться по воде с помощью длинного шеста, создавая иллюзию ходьбы...

Более совершенным и надежным устройством являлось средство, называемое «мидзу-гумо», нечто среднее между спасательным кругом и маленькой надувной лодкой. Его

изготавливали из соединенных друг с другом пузырей из кроличьей кожи, наполненных воздухом. В центральной части «мидзу-гумо» иногда делали небольшую деревянную площадку на две ступни, прикрепленную ремнями к пузырям. Некоторые ловкачи ухитрялись на ней стоять, то есть действовали по аналогии с «кама-икада», но гораздо чаще ноги висели в воде, а на поверхности оставались только плечи и голова. С помощью «мидзу-гумо» можно было уверенно переправляться через широкие водные пространства, прятаться в прибрежных зарослях, транспортировать грузы, подводить под мосты и укрепления пороховые мины.

Еще раз напомним, что ниндзя далеко не всегда действовал в своем классическом черном одеянии, с целым набором специальных инструментов и оружия. Гораздо чаще он обходился самыми примитивными средствами, которые после использования либо уничтожал, либо прятал, чтобы забрать позже. Яркий пример такого средства — «укигуса» (или «укидару»), фонарь цилиндрической формы, состоящий из легкого каркаса (костяного, бамбукового) обтянутого промасленной бумагой. С одной стороны в цилиндре было сделано отверстие, наглухо закрывавшееся подвижной заслонкой. Через него внутрь вставляли свечу. Человек с укигусой в руках ничем не привлекал внимания: обычный прохожий, освещающий себе путь во тьме.

Но в случае необходимости достаточно было погасить свечу, закрыть заслонку и положить цилиндр в воду, чтобы получить непотопляемый поплавок. Прижимая его к груди руками, либо зажав между ног, ниндзя приобретал опору, резко повышавшую его плавучесть и грузоподъемность. Обвязав укигусу веревкой, этот «фонарь» превращали в транспортный буй, причем груз оставался висеть на веревке под водой. Легкий груз (например, документы) можно было положить внутрь поплавка. Использовали укигусу и по прямому назначению, как фонарь, например, в качестве своего рода маяка, закрепленного в нужном месте на якорю... (Все упоминаемые здесь предметы можно увидеть своими глазами в музее ниндзя в Ига-Уэно. Там есть даже

примитивные ласты, напоминающие лягушачьи лапки, использовавшиеся ниндзя для того, чтобы плавать под водой, не вздымая бурунов на ее поверхности...)

Если водоемы оказывались слишком широкими, бурными или коварными для того, чтобы преодолевать их вплавь, а также в случае групповых операций, ниндзя использовали лодки двух основных типов, «цуги-бунэ» и «кагата-хасами-бунэ». Первая из них была разборной, причем каждую из ее составных частей легко поднимал один человек. Вторая лодка являлась складной. Ее делали из легкой, но прочной древесины (типа бальсового дерева) на простейших шарнирах, или из кожи, натянутой на бамбуковый каркас. Быстро приводимые в рабочее состояние, эти лодки были все же слишком велики для того, чтобы таскать их с собой. Поэтому чаще всего их заранее скрытно доставляли и прятали неподалеку от места назначения, чтобы в нужный момент обеспечить высадку либо отход целого отряда. Несколько таких лодок сохранилось до наших дней и прошли испытания в современных условиях. Их качество оказалось превосходным!

И все же чаще всего ниндзя просто прятался в воде от погони, от вражеских стрел или пуль, от чужих глаз... В этих случаях ему нельзя было обойтись без дыхательной трубки — «мидзу-дзуцу» (или «такэ-дзуцу»). Ничего особенного в ней не было, просто достаточно длинный побег бамбука, пустой внутри. Ниндзя ложился на дно спиной, один конец трубки вставлял себе в рот, другой чуть-чуть высовывал над водой и выжидал. С помощью мидзу-дзуцу также ходили по дну (употребляя в качестве балласта самые обыкновенные камни) и плавали, опередив современных ныряльщиков с маской и дыхательной трубкой на несколько веков! Со временем это «дыхало» усовершенствовали, а именно заменили обыкновенной курительной трубкой с длинным прямым чубуком. Иногда вместо трубки употребляли длинную дудку. И трубка, и дудка казались абсолютно безобидными и ничем не указывали на какие-то тайные замыслы их владельцев. А теперь представьте себе стран-

ную фигуру, неспешно удаляющуюся от замка, в котором только что нашли мертвым его хозяина. Как ни в чем не бывало, наигрывая на дудке либо попыхивая дымком из трубки, неизвестный приближается к озеру (реке, крепостному рву) и уходит под воду все глубже и глубже, пока его тень не растворится в струях и ряби... Иногда заменой трубки служили ножны от меча с отвинченным наконечником или просто срезанная в воде камышина. Наконец, на роль дыхательной трубки вполне подходил полый внутри бамбуковый посох ниндзя «синоби-кай». Независимо от того, что именно применялось в том или ином случае — такой посох, трубка или дудка — с их помощью можно было погрузиться в воду и исчезнуть в ней «навсегда» на глазах у целой толпы пораженных зевак. Нам остается только догадываться, сколько легенд рождало каждое такое исчезновение!

Способ прятаться в воде с дыхательной трубкой назывался «камэ-гакурэ», что означает «способ черепахи». Другим способом маскировки было использование сплетения водорослей, плывущих по течению либо болтающихся без движения на одном из участков водной акватории. При этом ниндзя обеспечивал свою плавучесть по способу воздушного пузыря — «укигуса-гакурэ», превращая в таковой собственный костюм, пропитанный водонепроницаемым составом и наполненный воздухом. Точно так же ниндзя мог изображать раздутый труп, влекомый водой вниз по течению. Впрочем, иной раз лазутчик держался на воде благодаря упомянутому уже бумажному фонарю, «мидзу-гумо» и даже плоту «кама-икада», на котором он в таком случае располагался в положении лежа.

Иногда застигнутому врасплох ниндзя приходилось бросаться в воду без всякой предварительной подготовки и без дыхательной трубки. Тогда на помощь ему приходил капюшон собственного костюма, любой мешок из плотной ткани с пропиткой или из кожи, например, дорожная сумка. За счет набранного в них воздуха можно было оставаться на дне при помощи балласта из камней до трех

минут, время вполне достаточное, чтобы придумать какую-нибудь другую хитрость... Поистине, вода предоставляла много великолепных возможностей для осуществления замыслов ниндзя!

ГАШЕНИЕ ОБЛИКОВ

Искусство гашения обликов (катакэси-дзюцу) — это методика устранения лиц, мешающих «естественному ходу событий». Так ниндзя называли ликвидацию людей, вольно или невольно оказавшихся на их пути. Главное отличие катакэси-дзюцу от обычных убийств заключалось в таинственности смерти, либо в незаметности террористического акта для окружающих. Непостижимое отсутствие убийцы, а тем более — непонятная причина гибели должны были наталкивать на мысль, что дело не обошлось без участия дьявольских сил.

Техника устранения жертв в катакэси-дзюцу была достаточно разнообразной. Например, убивали с помощью отравленных игл, выстреливавшихся из духовой трубки (фукия), замаскированной под флейту или трость (техника фукибари-дзюцу). На дистанциях до 10—12 шагов это оружие действовало очень точно. К его разновидности можно отнести крошечные иголки (фукуми-бари), которые держали во рту и выплевывали в лицо противнику. Небольшие размеры иголок делали их незаметными, особенно в сумраке, а бесшумность и быстрота действия яда вызывали панику. В качестве яда нервно-паралитического действия обычно использовали желчь рыбы фугу (иглобрюха), либо выделения из глазных желез одного из видов японских жаб.

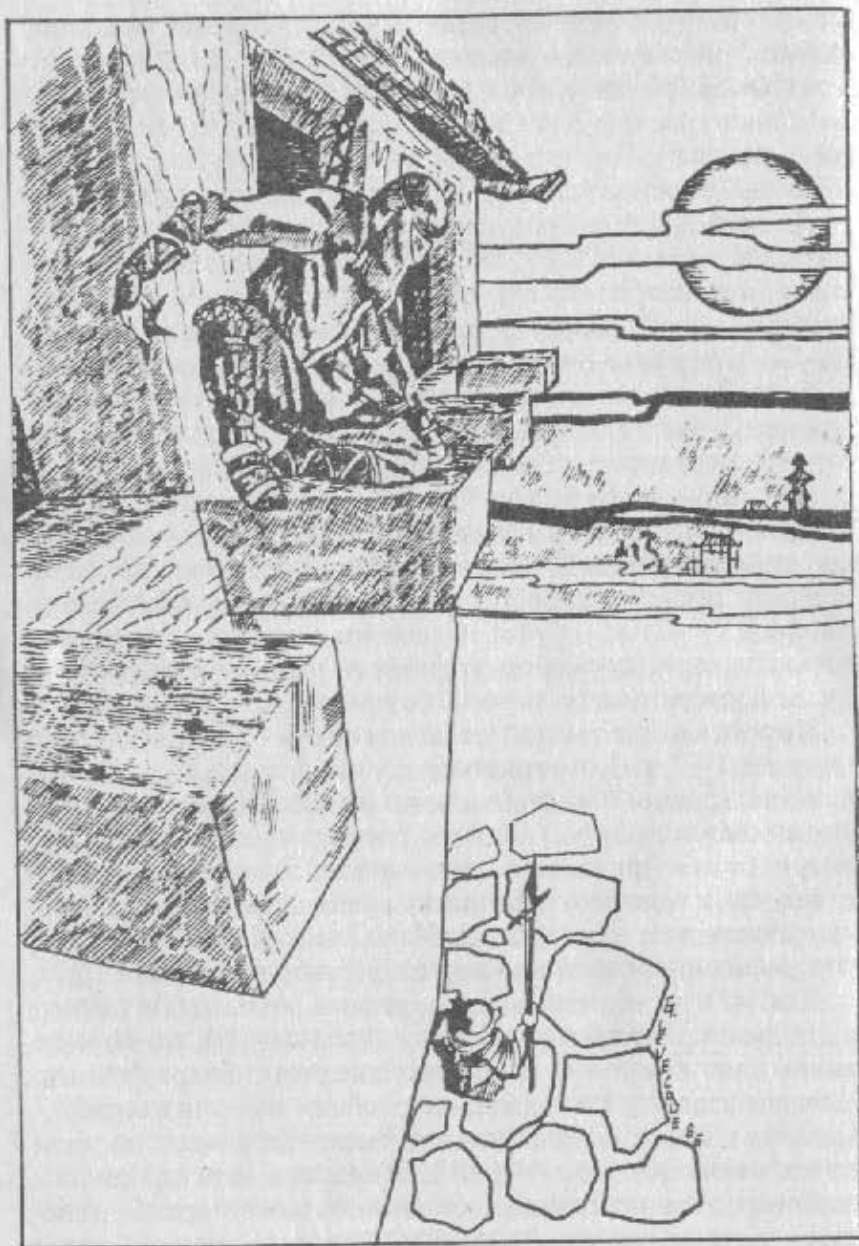
Различные яды вообще принадлежали к числу излюбленных средств ниндзя. Для «гашения» можно было, скажем, крошить в пищу листья томата, вызывая этим аритмию. Для людей с больным сердцем такое нарушение сердечного ритма чаще всего оказывалось роковым. Или

же накормить жертву бледной поганкой, от которой до сих пор не существует противоядия, но чей вкус довольно приятен. Очень эффективным способом отравления считалось натирание посуды для пищи куском сырого мяса все той же рыбы фугу. Тот, кто потом ел из этой посуды, незамедлительно терял сознание и умирал от остановки дыхания.

Яд применяли по-разному. Например, Исикава Гозмон пытался умертвить Ода Нобунага, свесив через дырку в потолке над его постелью тонкую нитку таким образом, чтобы ее конец находился напротив губ спящего полковника. По этой нитке он отправлял вниз капля за каплей жидкий яд. Применялось также отравление ядовитым дымом, для чего в пламя очага, в табак для курения подмешивали отраву растительного или животного происхождения. В случае ликвидации большой группы лиц отравляли блюда праздничной трапезы. В подобных целях лучшим считался яд, приготовленный из размолотых косточек миндаля, вишен и слив. Если требовалось, чтобы жертва скончалась не сразу, а только спустя несколько месяцев, ей в питье добавляли крепкую заварку зеленого чая, выдержанную в земле полтора месяца по особому рецепту.

Иногда в питье сыпали мелкие волоски бамбука (длиной не более 1—2 мм), томившиеся долгое время в растворе из конской крови и навоза. Эти волоски всасывались в стенки кишечника и желудка, вызывая в итоге заражение крови и смерть от столбняка. Еще один вариант отравления — внесение яда в организм через кожу специально подготовленным предметом или пальцем. Чаще всего в данном случае употребляли концентрированный раствор никотина.

Для тайных убийств ниндзя широко применяли удары, поражающие внутренние органы (коси-дзюцу), но не вызывающие при этом видимых внешних повреждений. Целью являлись так называемые точки смерти (сикэцу), которых известно несколько десятков. Например, удар по точке я-мэн, расположенной в основании черепа, ломает шейные позвонки, повреждает спинной мозг и проходящие здесь артерии, что влечет за собой быструю смерть. Смер-

тельное кровоизлияние в мозг вызывает также удар по точке ван-ку, расположенной позади уха, не говоря уже об ударе в висок (точка ка-суми). В последнем случае ломается внутренняя костяная пластинка, острые края которой пронзают продолговатый мозг и разрезают артерию внутри черепа.

Удар в гортань (точка рэн-сэн) ведет к рефлекторной остановке сердца, перелому щитовидного хряща и разрыву каротидной артерии. Удар в межключичную ямку (хи-тю) травмирует дыхательное горло и сонную артерию, что заканчивается мгновенной потерей сознания и смертью от удушья. Рефлекторную остановку сердца вызывает также направленный вверх удар в подложечную ямку (точка сян-тюн). Еще одно место для смертельного поражения — тыл поясницы по бокам от одиннадцатого грудного позвонка (точки усиро дэнко). Направленные сюда удары, проведенные точно и с достаточной силой, разрушают пучки нервных волокон и кровеносные сосуды, что заканчивается летальным исходом.

В качестве оружия для смертельных ударов «косидзюцу» ниндзя использовали кончики и суставы пальцев рук, подготовленные соответствующим образом, или «малое оружие» (ко-буки), вроде кастетов, спиц, коротких палочек «явара». Женщины-ниндзя (куноити), маскировавшиеся обычно под проституток, гейш, танцовщиц, убивали своих незадачливых любовников удлинненной заколкой для волос (кансаси), нередко смазанной ядом.

Интересным способом устранения врага была техника смертельного касания (сан-нэн-гороси), которую еще называют касанием отсроченной смерти (дзю-нэн-гороси). Этот способ принципиально отличается от ударного воздействия на точки смерти, хотя в обоих случаях человек погибал без каких-либо внешних повреждений. При смертельном касании воздействие осуществлялось на энергетическом уровне. С помощью своей внутренней энергии «ки» ниндзя стремился вызвать нарушение процесса циркуляции энергии внутри организма противника.

Сложность данного способа состоит в том, что необходимо учитывать телосложение и психические особенности жертвы, ее возраст и пол, время года и суток. Например, у людей типа «ё» (коренастых, мускулистых, активных, волевых), родившихся в июле-августе, энергетическое напряжение меридиана сердца достигает своего максимума жарким летом, в период новолуния, в час дракона (с 11 до 13 часов дня). Если такого человека ткнуть в это время пальцем в точку ко-кэцу (подложечная ямка) на своем выдохе (т.е. на выбросе энергии) и его вдохе (на втягивании энергии), то результат окажется для него роковым. При сильном тычке наступит мгновенная смерть, при слабом — через несколько дней.

В толпе, особенно для убийства людей незнатных, широко применяли обычный кинжал (танто). Его прятали в рукаве опущенной вниз руки. Поравнявшись с идущей впереди (либо навстречу) жертвой, кинжал коротким движением без замаха вонзали в сердце, в солнечное сплетение, в печень, почку или другое уязвимое место. И спокойно, не меняя ни направления движения, ни походки, растворялись в людской суете. Иногда вместо кинжала использовали заостренную палочку, смазанную ядом. После акции ее немедленно выбрасывали.

Известны случаи, когда в качестве смертоносного оружия применяли ядовитых змей и насекомых, или хищных животных, специально натренированных перекусывать горло спящим людям (например, разновидность куниц — ласок).

Наконец, ниндзя просто душили своих врагов, причем не только веревочной или кожаной петлей, но и палкой, приставленной сзади к горлу, и даже рукавами их собственной одежды. Хороший прием такого рода — набрасывание с ветви дерева петли на шею скачущего по лесной тропинке всадника, с немедленным вздергиванием его вверх, когда он всего на секунду скрылся за поворотом из глаз своих спутников. Точно так же петлю могли набросить с крыши здания, либо с потолочной балки...

РУКОПАШНЫЙ БОЙ НИНДЗЯ

Побеждать ситуацию, а не противника. Прямой поединок с врагом отнюдь не входил в намерения умелого агента. Противника устраняли, если этого требовали интересы дела, а также тогда, когда он явно мешал планам ниндзя. Грамотно проведенная операция не должна была оставлять после себя никаких компрометирующих следов, за исключением тех случаев, когда внимание на таких следах специально акцентировалось, чтобы посеять в умах врагов желаемые мысли и настроения. Соперник воспринимался чаще всего лишь как одушевленное препятствие, но не как объект действия. Победить — это выполнить порученное дело, а не прикончить возникшую на пути живую помеху.

Рациональность. Все действия лазутчика подчинялись одной цели и должны были быть строго рациональны. Зачем тратить силы на схватку с противником, когда его можно просто ослепить и ускользнуть? Для чего подкрадываться к часовому по шуршащей траве, ежесекундно рискуя, если в него можно бесшумно выстрелить ядовитой иглой из духовой трубки? К чему ввязываться в групповой бой, когда легче направить преследователей по ложному следу? Весьма целесообразным считалось использование специального оружия и приспособлений, которые позволяли нейтрализовать противника еще до того, как он вошел в прямой контакт с лазутчиком.

Кроме специальных средств и приспособлений ниндзя широко использовали любые подвернувшиеся под руку предметы. Умение пользоваться подручными средствами значительно облегчает проведение многих приемов: так, удушение палкой намного быстрее и эффективнее удушения руками, а удар камнем мощнее удара пустым кулаком.

В боевых условиях реализовывались все возможности хорошо натренированного тела — от нанесения ударов до ухода из сковывающего захвата через акробатический трюк. Каждое предпринимаемое действие должно мгно-

венно вытекать из предыдущего. Абсолютно недопустим захват, если еще не решил, как поступишь в дальнейшем. Приемы выполняются лишь в той мере, насколько это соответствует желаемому результату. Ни больше, ни меньше. Если таковой достигнут в самом начале приема, продолжать бессмысленно.

Сюрпризность. Поскольку ниндзя обычно сталкивался с профессионалами, отлично владеющими оружием (мечом, копьем и т.д.), победу приходилось добывать нешаблонными тактиками, замешанными на сюрпризности и ставящими врага в непривычную для него боевую ситуацию. Наиболее распространенными ошарашивающими действиями являлись неожиданность и внезапность нападения, тесно связанные с невидимостью или усыплением бдительности противника своим внешним видом и поведением; непредсказуемые изменения («ломка») дистанции; мгновенные отключения (ослепление, оглушение) или обман (ложный шум) органов чувств; использование стандартного оружия в необычной манере и применение незнакомого врагу оружия (например, шипастых перчаток).

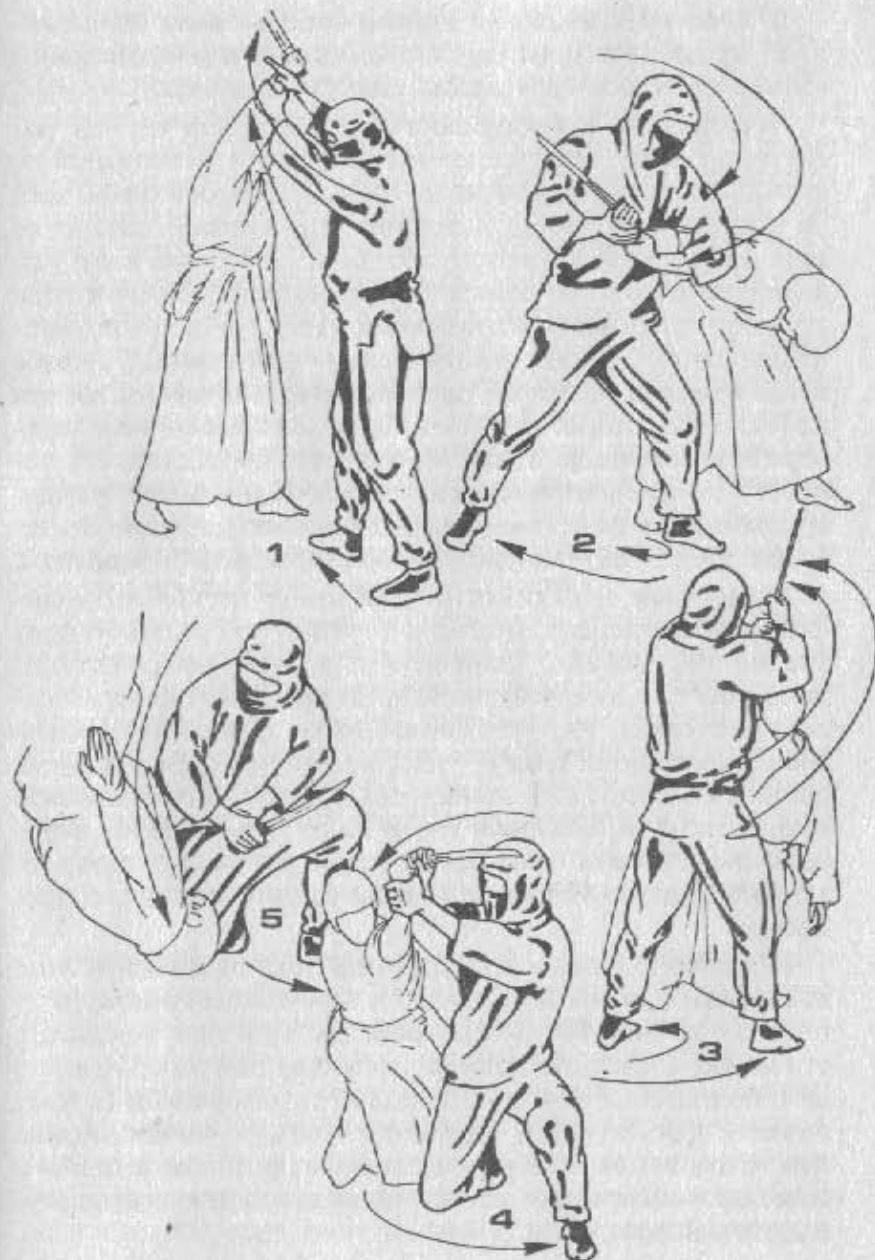
Использование обстановки. Благодаря вживанию в теорию пяти стихий, о которой мы вели речь ранее, лазутчик становился естественной частью окружающей среды, а потому мог использовать ее как свое собственное тело. Сюда входили, например, и периодические исчезновения в ходе боя на местности, и извлечение выгоды из особенностей боевой площадки (перепад высот, тип поверхности), и употребление деталей обстановки в качестве оружия или барьера между собой и неприятелем. Делая ставку на метеоусловия, можно было подставить противника лицом к слепящему солнцу, подогнать решающую технику к моменту захода луны за тучу, выманить врага в дождь на скользкую поверхность.

Привязка манеры боя к особенностям противника. В случае прямого столкновения лазутчику противостояли самые разнообразные противники, каждый из которых имел собственный уровень мастерства, личные жизненные установ-

ки, свои сильные и слабые стороны. Оценить возможности и уязвимые места врага можно было по многим факторам. По внешнему виду, произвольным движениям и лицу определялось, какие точки тела бойца наиболее уязвимы, по телосложению предполагалось, в каких боевых приемах противник несомненно опасен, а по манере двигаться распознавалось его место в системе первоэлементов (стихий), исходя из которого и выбирался свой вариант поединка. Переход на тот или иной вид «боя стихий» должен был происходить рефлекторно, как реакция на подсознательную оценку противника и внешних условий (так, схватка в узком пространстве мало подходила для стиля ветра, а встреча с робким бойцом явно соответствовала стилю огня). Созданию нужных рефлексов способствовала жесткая дисциплина тренировочной схватки, закрепляемая в сонном состоянии с последующим сознательным отказом от каких-либо сковывающих правил.

Анонимность. В любых своих действиях ниндзя обязан был оставаться неузнанным. Идентификация его могла поставить под удар контактеров и расшифровать прошлые и будущие акции клана. В боевых условиях такая анонимность обеспечивалась работой в невидимости и специфичной маской-капюшоном, оставляющей открытыми лишь глаза. Импровизируя, для этого можно использовать шарф или какую-либо растягивающуюся тканевую трубку (чулок, кусок свитера). Затрудняя идентификацию маска, кроме того, устраняет демаскирующее отсвечивание кожи лица и приглушает шум дыхания.

Сегодня определенную неузнаваемость могут обеспечить и вполне легальные черные очки, которые, плюс к тому, спасают от махинаций с порошковым или жидкостным ослепителем, не позволяют противнику засечь направление взгляда бойца, мешают прочесть выраженную в его глазах мысль либо, по сужению зрачков, предугадать начало решительной атаки.

В эпоху средневековья ниндзя использовали специальные маски и огневые трюки, выступая в роли демонов (ониби-но-дзюцу), пугающих суеверных врагов.

Невидимость и бесшумность. Характерной чертой боя лазутчика было его стремление оставаться невидимым во время нападения или защиты. Трудно вести бой с тем, кого не видишь; более того, ощущение, что в любой момент на тебя могут напасть непонятно каким образом и откуда, давит на психику и выводит из равновесия. Большинство трюков невидимости основывалось на двух основополагающих направлениях: физическом и ментальном. Первое подразумевало, что боец располагается вне сферы зрения противника; второе — что ниндзя физически находится перед глазами неприятеля, но сознание последнего его попросту не воспринимает. Ко второму виду относится камуфляжная и имитационная невидимость, а также ее усложненные — внушаемый и завораживающий — варианты.

Физическая невидимость тоже имеет несколько модификаций. Во-первых, можно постоянно ускользать из поля зрения противника, используя для этого опережающие движения или соседствующие предметы. Во-вторых, действовать в среде, где чувствительность зрения неприятеля значительно понижена (ночью, в предутреннем тумане, в дымовой завесе). И, наконец, можно попросту отключить зрение недруга, швырнув ему в лицо разъедающий порошок, ослепив в ночное время яркой огневой вспышкой, ткнув пальцами в глаза или щелкнув по кончику его носа сверху.

Характерной тактикой лазутчика, оказавшегося в зоне видимости противника, является стремление исчезнуть из поля его зрения. Используя особенности среды и рельефа, это можно сделать, например, неожиданным уходом (иногда с припадением) к земле, резкой группировкой (сокращением фронтальной плоскости позы) с последующим перекатом в сторону или мгновенным проходом за спину в сочетании с коротким отвлечением внимания неприятеля в другом направлении.

В некоторых случаях вместо того, чтобы заходить за спину противника, его самого разворачивают спиной к себе, используя, например, такие широко известные приемы, как скручивание руками головы или разворот торса с захватом плеч. Уход от зрительного контроля врага делает ваши дальнейшие действия для него опасными и непредсказуемыми. Теперь можно легко провести удушающий прием, отключающий удар в почку или позвоночник, либо, делая сковывающий захват, использовать врага как подручный предмет при защите от нескольких нападающих.

Неотъемлемой частью невидимости является бесшумность. Бесшумные движения обеспечивают неожиданность нападения, а значит, и быстроту нейтрализации противника. В бою с ограничением зрения (ночью, при ослеплении) неприятель в основном ориентируется по слуху, и полная бесшумность происходящего (или дезориентирующие обманчивые шумы) вызывает психическое напряжение и делает его игрушкой в руках нападающего.

Бесшумность движений достигается путем постоянных, ставших жизненной обыденностью тренировок. Прежде всего надо выявить и исключить «собственные» шумы, шум нетренированного дыхания, шарканье ног при ходьбе, стук тела при падении и т.д. Выполняя боевые движения, следует проанализировать и осознать, почему они производят шум, после чего попытаться нейтрализовать эти причины.

Другой источник шума — плохо пригнанная униформа, обувь, позвякивание в одежде металлических предметов и т.д.

Маневрируя в боевом пространстве, не следует наступать на шуршащие или ломкие предметы, задевать неустойчивые конструкции, ударяться о стационарные объекты. От таких неприятностей спасают ловкость и осмотрительность, тренированная память на обстановку, маскировка возможной неуклюжести посторонним шумом.

Очень опасный источник шума для ниндзя — человек, обнаруживший его и пытающийся поднять тревогу. Чтобы не допустить этого, сомнительному врагу обычно резко от-

гибают назад голову и наносят удар ребром ладони по горлу.

Подготовка к рукопашному бою. Существуют два основных способа подготовки к рукопашному бою, принципиально различающиеся между собой. Первый из них основан на подборе определенной совокупности технических приемов, наилучшим образом соответствующих возможностям данного человека. Затем владение этими приемами доводят до уровня мастерства. Ситуации, возникающие в бою, подгоняют в таком случае под избранные приемы. Это способ формализации техники, сведения ее к тем или иным шаблонам. Его концентрированным выражением являются комплексы стандартных технических действий, известные под названиями «ката», «таолу».

И есть второй способ, основанный на спонтанных движениях тела, автоматически реагирующего на любую возникающую ситуацию. Это способ импровизации. В его основе лежит идея о том, что любые заранее отработанные приемы (шаблоны) лишают человека свободы действий, столь необходимой в реальном, а не игровом поединке. Ниндзя делали ставку на второй из указанных способов, который они называли «боем стихий». Они имели в виду то, что специфика импровизаций в каждом конкретном случае определяется взаимопереходами, взаимосвязью пяти природных стихий — земли, воды, огня, ветра и пустоты.

Первый из данных способов наиболее распространен. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что даже в школах современного ниндзюу под боем стихий чаще всего подразумевают все те же наборы конкретных приемов, только выполняемых в определенной манере. Однако это профанация, не имеющая ничего общего с истинным боем стихий. В его основе лежат особые психические состояния, диктующие технические действия без всякого участия сознания. Надо не играть в стихию, а быть стихией. Причем перевоплощение должно становиться настолько убедитель-

ным, чтобы даже противник невольно верил в навязываемый ему образ.

Подготовка к импровизационному способу рукопашного боя ниндзя включает в себя четыре основных аспекта:

Во-первых, необходимо досконально изучить все места человеческого тела, уязвимые для болевого и травмирующего воздействия;

Во-вторых, требуется овладеть эффективной техникой воздействия на эти места точечными ударами, давлением пальцев, рычагами на суставы;

В-третьих, надо добиться совершенного владения своим телом. Речь идет об отработке уклонов и поворотов, падений и прыжков, перекатов и кувырков, колес и фляков, освобождений от сковывающих захватов, мешающей одежды, веревок и оков;

В-четвертых, следует научиться использовать все пять природных стихий таким образом, чтобы они в самом деле определяли необходимую программу действий, запускали ее в ход и беспечивали организм достаточным количеством энергии.

Первые три аспекта имеют традиционный характер. Тут нечего разяснять, разве что надо сказать о том, какую боевую технику употребляли ниндзя. Это была техника японского дзю-дзюцу, более известного у нас под искаженным названием джиу-джитсу. Четвертый из упомянутых аспектов невозможно понять без объяснения боевой магии ниндзя (см. часть 3).

Методы тренинга в тайдзюцу отличаются от принятых в китайском кэмпо или японском дзю-дзюцу. Там нет места отработке ударов по воздуху или бою с тенью. Удары с самого начала направлены в реальную цель — мешок с тряпьем или с песком, деревья обвязанные соломой, мощные валуны, вращающиеся и подвесные манекены, изображающие самурая в полный рост при оружии. Плюс к этому работа с партнером по разучиванию бросков, болевых заломов, контратак и т.п.

Как уже сказано выше, в тайдзюцу нет ката, по крайней мере в том смысле, который вкладывают в это слово последователи каратэ (т.е. в виде комплекса определенных технических действий, скомпонованных по определенной схеме создателем данной ката). Систематически практикуя такие комплексы, ученик рано или поздно оказывается запрограммированным ими, его сознание уже не выходит за их рамки. Комплекс начинает навязывать человеку работу в том стиле, который зафиксирован в нем. С точки зрения ниндзя это хорошо для динамической медитации, но совсем не подходит для реального рукопашного боя.

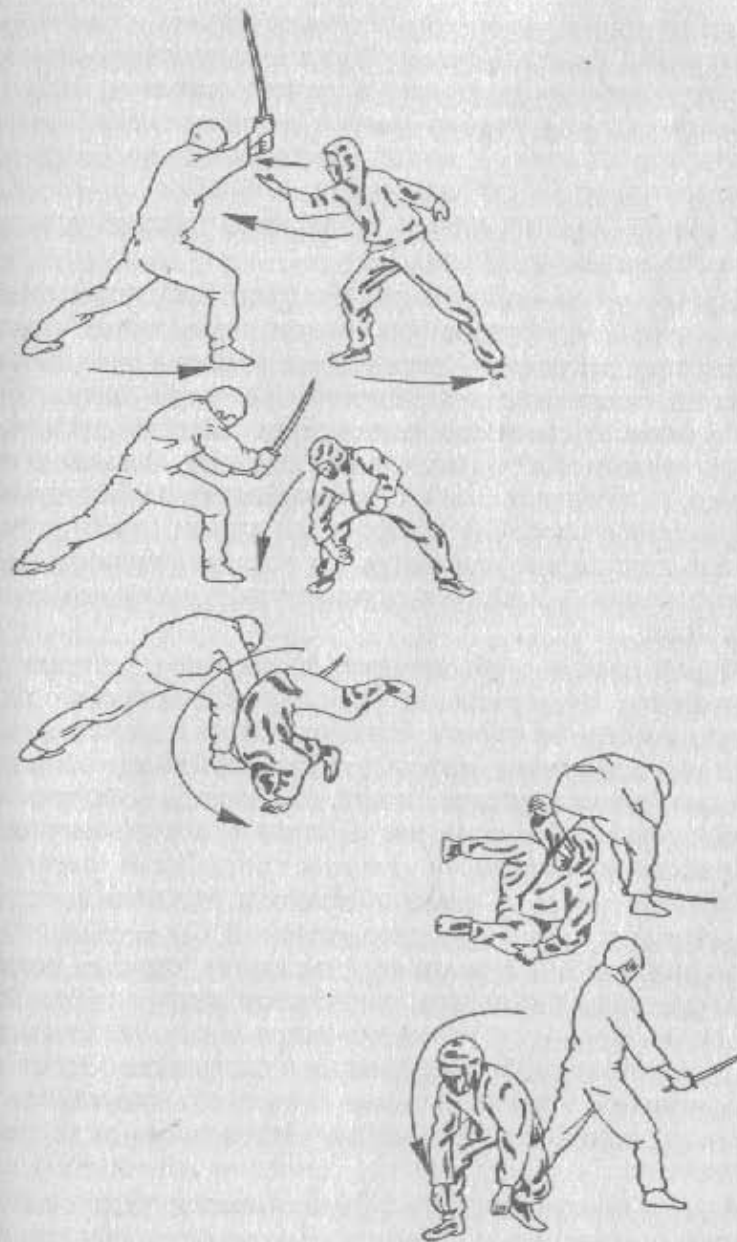
Те ката, которые используются в тайдзюцу, делятся на две группы. Во-первых, это чисто учебные комплексы, объединяющие сходные приемы. Например, комплекс прыжков и кувырков с перекатами (кайтэн-но камаэ), комплекс основных ударов руками (дакэнтай-но камаэ). Они предназначены лишь для облегчения процесса отработки изучаемых движений до автоматизма. Такие учебные комплексы допустимы исключительно на ранних стадиях обучения. Они подобны гаммам в музыке, создавая подобно им прочный фундамент для последующих импровизаций.

Во-вторых, это ката психологических состояний, не имеющие определенной технической расшифровки (куда поворачиваться, где приседать, чем и когда наносить удары). Психологические состояния обуславливают ту или иную манеру ведения боя, его стратегию и тактику, из которых естественно вытекает техника. В нинпо тайдзюцу известно пять основных состояний сознания, соответствующих пяти первоэлементам — земле, воде, огню, воздуху и пустоте. Платформами для запуска определенных программ действий в бою являются надлежащие исходные позиции. Например, сидзэн-но камаэ — позиция земли, итимондэн-но камаэ — позиция воды, дзюмондэн-но камаэ — позиция огня и т.д. «Ключом» же запуска конкретных программ (т.е. конкретных тактик) служат мысленные образы, символизирующие эти первоэлементы.

Один из возможных образов боя Земли — могучая снежная лавина (ниндзя), вызванная случайным маленьким камешком (враг). Лазутчик в этом случае демонстрирует абсолютную уверенность в себе, в своих силах. Неприятель будет раздавлен, смят, снесен мощнейшей контратакой, как бы он ни пытался сопротивляться своей неизбежной гибели. Бой Огня обеспечивал успех в схватке с недостаточно опытным либо трусливым противником. Его подавляли напором, каскадом прямолинейных атак «в лоб». Бой Воды, напротив, противопоставляли врагу, действовавшему в аналогичной манере. Он характеризовался уходами назад и в стороны, с последующими контратаками, напоминавшими волны, раз за разом накатывающимися на утесы неприступного берега. Бой Ветра подходил для поединков с умелым и сильным противником. В нем преобладали финты, внезапные исчезновения из поля зрения (например, резким оседанием вниз, прыжком, кувырком) и круговые движения с ударами, бросками, болевым воздействием на суставы. Бою Ветра хорошо подходит образ тайфуна, затягивающего в себя и ломающего все на своем пути...

Для совершенного овладения всеми аспектами боя стихий нужен определенная предрасположенность. Кроме того, очень важным условием является способность к образному мышлению. Если есть трудности в представлении картин природы, насыщенных цветов, различных фигур, то вряд ли стоит терять время на энергетику стихий. Является препятствием и отсутствие способности чувствовать движение энергии внутри себя по каналам и меридианам. Кроме того, глупо заниматься отработкой боя стихий, если «зажато» тело, если человек не вполне здоров, если у него нет выработанной привычки ежедневно практиковать сидячую медитацию.

Надо прямо сказать, что овладеть импровизационными боем стихий, как и любой другой мистической техникой ниндзя (например, кудзи-госин-хо) сегодня под силу очень и очень немногим. Слишком велика пропасть между совре-

меным западным человеком и членом тайного клана в средневековой Японии. Поэтому большинству современников и соотечественников лучше не тратить время и силы на попытки овладеть боевой магией воинов-теней. Следует понять, что их удел — менее экзотические, но более доступные и простые системы рукопашного боя.

Изучение любого приема в тайдзюцу можно условно разделить на четыре этапа.

Первый — это «привыкание к оружию». Подобно тому, как самурай, вооружившись мечом, вытягивает его из ножен, пробует остроту клинка, взвешивает в руке, делает несколько махов в воздухе, а потом начинает рубить лозу и соломенные мишени, так и ниндзя должен привыкнуть к любой изучаемой технике, сделать ее своей. Осваивая, например, удар кулаком, он сначала выбирает наиболее удобный для себя способ формирования кулака, пробует различные траектории нанесения им ударов. Основная цель данного этапа — добиться естественности, раскованности движений.

Второй этап — «объединение движений». Речь идет о совмещении конкретных ударов, захватов, бросков с движениями ног и всего тела. Надо научиться правильно распределять вес и применять силу, перемещаясь при этом под разными углами вперед, назад, в сторону, двигаясь по кругу, вращаясь на одном месте. Главное здесь — слитность выполнения приемов.

Третий этап — «практического использования приема». Ниндзя учится выполнять удары, броски, сбивающие движения, уклоны в различных позициях, отражая разнообразные виды нападения, разыгрывая какие-то ситуации в лесу, на крыше, в узком коридоре и т.д. Здесь можно чему-то научиться только вместе с партнером. Основная цель — понять истинный смысл изучаемого приема, довести его исполнение до автоматизма независимо от условий применения.

Наконец, последний этап. Он называется этапом «абсолютной действенности приема». В ходе его требуется до-

вести владение приемом до такой степени совершенства, чтобы он срабатывал интуитивно, без участия сознания, на «автопилоте». Подключение энергетики организма, сверхъестественных качеств психики (если таковые имеются) происходит на данном этапе.

Бой с оружием в руках строился (и отрабатывался) по таким же схемам. Но, в отличие от своих противников-самураев, ниндзя и в таком бою избегал каких-либо ограничений. Он использовал все, что только могло принести победу. Так, параллельно с оружием в ход шли ноги, отвлекающие трюки, дополнительное вооружение (например, посох плюс нож для метания) и даже гипноз. В любом случае характер боя определялся особенностями ситуации и противника. Никаких догм, никаких застывших шаблонов ниндзя не признавали.

Чисто технически рукопашный бой ниндзя (тайдзюцу) включал в себя концентрированные удары конечностями по наиболее уязвимым местам человеческого тела (дакэн-тайдзюцу), и костоломные захваты, броски, болевые воздействия (дзю-тайдзюцу). В технику рукопашного боя входили также разнообразные уклоны (каваси), падения (укэми), кувьрки с перекатами (кайтэн), колеса (дайсярин) и прыжки (тоби). Уклоны провоцировали врагов атаковать мимо и раскрываться, падения и прыжки ломали привычный для фехтовальщика ритм боя, перебаты и кувьрки позволяли неожиданно исчезать из поля зрения врага, изменять дистанцию, уходить от атаки.

Рукопашный бой ниндзя всегда представлял собой импровизацию, возникавшую на основе определенного состояния сознания. Тем не менее, он подчинялся нескольким важнейшим принципам. ПЕРВЫЙ из них гласит: «Достижение максимальных результатов минимальными средствами» (Ин-син тонкэй). Именно он определял все стратегические, тактические и технические особенности действий воинов-теней.

Применительно к рукопашному бою этот принцип выражался в следующей идее: победить во что бы то ни стало,

избрав наиболее рациональные средства достижения победы. Это означает, что необходимо максимально использовать различные хитрости и уловки, атаковать противника по возможности неожиданно, сзади или сбоку, не давая ему возможности нанести полноценный удар. Например, отвлечь на мгновение его внимание своим воплем, или бросить ему в лицо горсть ослепляющего порошка, ком земли, какой-то оказавшийся под рукой предмет. Бой лучше всего вести в условиях плохой видимости — ночью, в дыму, тумане, темном помещении, максимально используя свое умение сражаться именно в такой обстановке.

Наилучшие приемы поражения те, которые срабатывают вне зависимости от массы и физической мощи противника. Например, удары в горло, глаза, висок, пах, по ключицам и позвоночнику, болевые воздействия на пальцы, кисти рук, нос, половые органы и т.д. Бойцу, использующему какой-то один вид технических действий (например, только удары мечом или захваты с бросками и болевыми удержаниями) следует противопоставлять непривычную для него тактику — резкие уходы с линии атаки, удары ногами в нижнем уровне, кувырки, метание игл, звездочек, ножей, камней...

Все перечисленное, вместе взятое, приводило к тому, что самураям, этим постоянным врагам ниндзя, трудно было предугадывать их манеру ведения боя. В свою очередь, неопределенность ситуации лишала «буси» уверенности в себе, замедляла реакцию, снижала скорость и точность проведения приемов. Однако принцип «ин-син тонкэй» удается автоматически воплощать во всех случаях без исключения лишь тогда, когда он становится принципом всей жизни: в труде, в отношениях с другими людьми, в практике боевых искусств.

ВТОРОЙ важнейший принцип — это предпочтение метода (вадза) в противоположность форме (ката). Если в «ката» упор делается на соответствие отработываемых движений каким-то заданным образцам, то в «вадза» все определяется эффективностью тех или иных движений в каж-

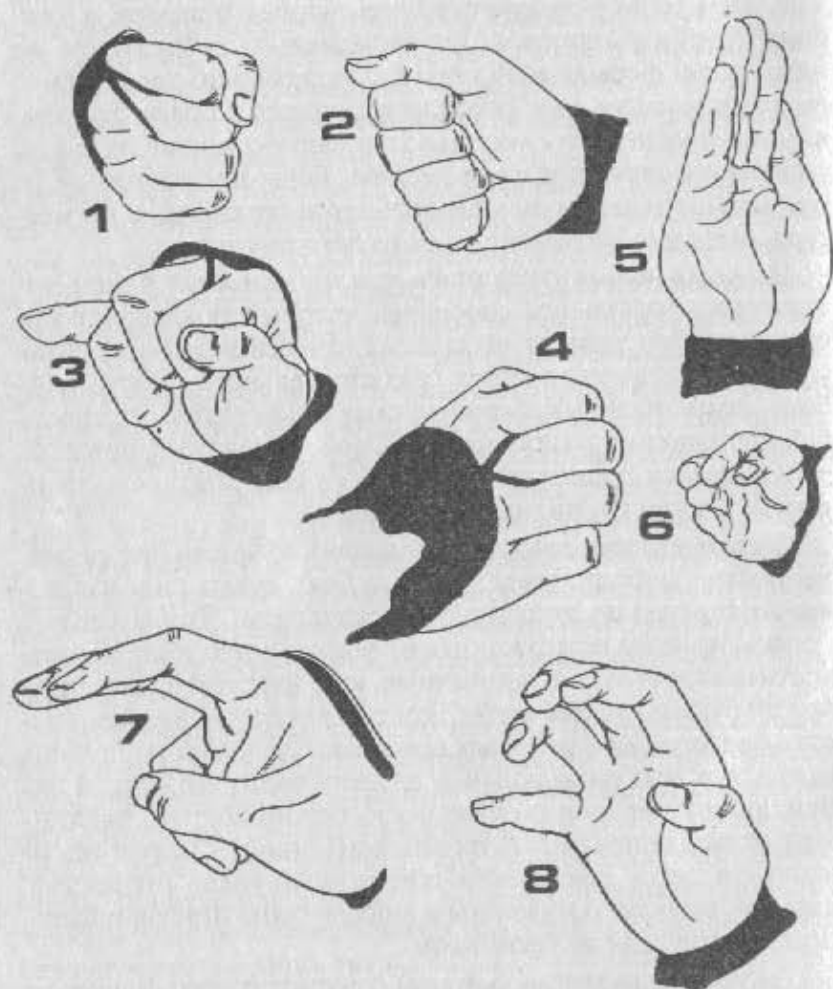
дом конкретном случае. В процессе обучения ученику показывают только общую схему различных приемов, а наиболее удобные способы их исполнения, работающие на него, не на формальный образец («правильно только так») он должен найти сам. Такой метод является более трудоемким по сравнению с «ката», зато выработанные однажды навыки не теряются со временем. Ведь они основаны на биомеханических возможностях этого человека, а не мастера, жившего пятьдесят или сто лет тому назад.

Поэтому нельзя утверждать, что тот или иной прием выполняется только тем способом, который показывает инструктор. Все зависит от личных качеств и возможностей ученика. Тайдзюцу требует самостоятельного поиска наиболее рациональных, экономичных и эффективных способов выполнения различных приемов. Указанный принцип раскрывается в следующих четырех постулатах: естественности, текучести, ритма, дистанции.

Естественность движений (сидзэн) обеспечивает раскованность, свободу, уверенность в бою, отсутствие излишнего напряжения психики и мускулатуры. Чтобы сделать боевые приемы естественными, человеку необходимо превратить их в столь же привычные, как, например, движение ко рту руки с куском хлеба. Это требует огромного количества повторений изучаемых приемов. Следовательно, лишь превратив всю свою жизнь в непрерывный тренинг, а окружающий мир — в свою «додзё», можно достичь подлинной естественности собственных действий. Следует напомнить в этой связи, что жизнь мальчика, подростка, юноши, взрослого мужчины в любом клане ниндзя и была, по существу, таким тренингом.

Текучесть движений (ногарэ) означает плавный переход одних приемов в другие, что образует непрерывную цепь атакующих и защитных действий без малейших пауз между ними.

Например, блокирующее движение переходит в захват, захват — в бросок, бросок сменяется ударом, удар — удушением или переломом шейных позвонков и т.д. Не сле-

«Естественное оружие» ниндзя: кулак, пальцы, ладонь

дует стараться обязательно доводить до конца каждый прием, независимо от изменений в ситуации боя. Вот противник захватил вашу руку. Для освобождения от захвата вы используете рычаг на его кисть наружу. Однако прежде, чем вы успели провести этот прием, противник отпустил вас. А ведь именно это и было вашей целью. Имеет смысл немедленно нанести удар освободившейся рукой, и дальше действовать по обстановке. Обеспечение текучести в бою возможно за счет разнообразия освоенной техники, в сочетании с психической и физической раскованностью.

Понятие ритма (рицудо) сводится к тому, что любой поединок представляет чередование определенных движений (тех элементов, из которых складываются приемы, передвижений, уклонов) с какой-то частотой. Чувство ритма позволяет выитрывать инициативу, так как начав действовать в том или ином темпе, человек сохраняет его некоторое время, хотя бы секунду или две. Подстраиваясь под ритм противника, а затем внезапно ускоряя либо замедляя свои движения, можно «вклиниваться» в его действия. Или же просто навязывать врагу свой собственный ритм. Можно также сказать, что чувство ритма определяет своевременность использования различных приемов. Например, незачем уклоняться от еще не начавшегося удара или ставить блок тогда, когда удар уже проведен.

Требование «соблюдать дистанцию» (ма-ай) вызвано необходимостью находиться в любой момент боя там, где противник вас не достанет, или достанет с минимальным ущербом. Вы же должны иметь возможность атаковать его наверняка. Еще это требование означает, что не стоит тратить силы напрасно, атакуя с неверно избранного расстояния, так как атака неизбежно «провалится» в пустоту или, что еще хуже, подставит вас под встречный удар. Выбор правильной дистанции невозможен без хорошего глазомера, так называемого «чувства противника» и умения перемешаться. Все указанные компоненты вырабатываются только практикой. Тут не помогут никакие медитации.

ТРЕТИЙ принцип тайдзюцу формулируется следующим образом: «Тело и оружие едины» (кентай-итиё).

Это высказывание имеет несколько иной смысл, нежели другой известный тезис — «оружие является продолжением тела». В ниндзюцу акцент делается на то, что тело само по себе представляет оружие, тогда как любое механическое приспособление (оружие) служит лишь вспомогательным средством для усиления поражающего воздействия движений тела. Бьет ниндзя кулаком или кастетом, метает звездочку или нож, работает с кёкэцу-сёгэ или с посохом, от этого ничего не меняется. Состояние сознания, базовые принципы, характер передвижений и уклонов, векторы приложения силы, расход энергии — все остается неизменным.

Отношение к телу как к оружию связано с соблюдением нескольких требований. Первое из них звучит так: «удар из любого положения». Кисть руки, стопа ноги, локоть, колено, палец начинают свой путь оттуда и тогда, где и когда это требуется. Никаких лишних движений типа замаха, приведения кулака к бедру, предварительного выноса ноги, скручивания корпуса и т.п.

Второе требование: в реальном смертельном бою нет места внешне впечатляющим, но фактически безвредным движениям. Любой удар должен идти в конкретную точку поражения, а не в абстрактный «средний» или «верхний» уровень. Кроме того, каждый удар необходимо наносить минимальной ударной поверхностью (пальцем, одной из граней сжатого кулака, локтем, ребром стопы), что обеспечивает мощную разрушительную волну внутри тела.

Следующее требование сводится к отказу от жесткой фиксации стоп, бедер и плеч. Например, удар кулаком (или основанием ладони) должен происходить на долю секунды раньше, прежде чем стопа, движущаяся в этот момент, твердо станет на землю. В результате происходит соединение кинетической энергии корпуса, ног и бьющей руки в едином векторе силы, устремленном вперед еще несколько мгновений после контакта с целью. Если резко убрать бью-

щую руку (или ногу), вы создадите мощную ударную волну, которая вызовет серьезные внутренние повреждения.

Еще одно требование получило название «блок и удар — одно целое» (укэ-кимэ-итиё). Оно подразумевает, что парирование и контрудар должны сливаться в одно действие. Никаких изолированных жестких блоков типа каратистских «агэ-укэ» и «гэдан-барай». Блок в тай-дзюцу — это фактически стопорящий удар по точке, расположенной на атакующей конечности противника. А во многих случаях еще и продолжение своего встречного движения до соприкосновения с корпусом или с головой оппонента...

ПОСОХ, ДУБИНКА И НОЖ

Как уже ясно из предыдущего изложения, в качестве оружия ниндзя чаще всего использовали сельскохозяйственные орудия и предметы повседневного обихода. Такой принцип позволял им не вызывать ненужных подозрений, не иметь при себе лишних вещей, не усложнять себе жизнь проблемами изготовления клинков, рукоятей и других технически сложных изделий. Вот почему одним из главных видов их вооружения (если не самым главным) была деревянная или бамбуковая палка.

Существует изрядная путаница в отношении размеров этих палок. Чтобы избежать ее, возьмем за основу тот факт, что средний рост японского мужчины в Средние Века составлял примерно 150 см (это сегодня японцы стали выше благодаря пище, богатой животными белками). Длина посоха не превышала человеческого роста (плюс высоту деревянных сандалий — «гэта»), но чаще всего равнялась расстоянию от земли до плеча. Иными словами, она колебалась в пределах 140-160 см. Дубинка — это палка длиной от середины ладони до подмышки, т.е. у тогдашних японцев составляла всего-навсего 45-55 см, примерно одну треть от длины посоха, в отдельных случаях половину

длины. И, наконец, существовали еще короткие (ладонные) палочки «конго», длиной от 15 до 25 см. Чаще всего ими были палочки для еды (напомним, что японцы, китайцы и корейцы до сих пор едят не вилками, а палочками).

Посох в бою держали, как правило, двумя руками. Техника работы с ним представляла нечто среднее между использованием копья (яри) и алебарды (нагината). Она включала в себя тычковые и маховые удары, подсекание ног, блокирование вражеского оружия, удушения, комбинированные сковывания («связывание»). Использовали посох для опоры в прыжковых ударах ног, для загребания и бросания в лицо врагу песка или грязи. Поскольку посох часто был полым внутри и скрывал в себе клинок, он сплошь и рядом действительно превращался в укороченное копье либо рогатину.

Техника работы дубинкой больше всего напоминала работу мечом, во всяком случае той ее разновидностью, что была длиннее. Такую дубинку держали одной рукой ближе к концу. Дубинку же покороче держали за середину, что позволяло работать как бы прямым и обратным хватом одновременно. Это очень удобно в схватке с несколькими противниками. В умелых руках дубинка — оружие универсальное и поистине страшное. Сомневающимся скажу, что самый знаменитый из всех японских фехтовальщиков, Миямото Мусаси (1584–1645) около 60 дуэлей провел не стальным, а деревянным мечом (боккеном). Попросту говоря, он дубинкой убил шесть десятков противников, вооруженных стальным мечом! Так что дубинка — это действительно сила!

В лицо, горло, в сердце и солнечное сплетение, в пах дубинкой проводят тычковые удары. По суставам рук и ног — секущие. Как и посох, дубинку широко применяют для сковывающих захватов и удушений, а также для парирования атак вооруженного противника. Понятно, что в последнем случае ее не подставляют под лезвие катаны или нагинаты, а бьют по рукам, держащим оружие. При гладкой поверхности дубинки часто используют удары со

скользящим хватом, что позволяет действовать непредсказуемо для противника.

Палочка «конго» особенно удобна своей портативностью и непривычностью использования в качестве оружия. Известно не менее десяти вариантов ее удержания в руке. При ударах сю по болевым точкам предпочитают тычки, в других случаях — ущемление мышц для их парализации и болевые нажатия, облегчающие броски. Палочка — прекрасное средство, позволяющее неожиданно поражать горло, шею, глаза, сердце. Направленная сильной и твердой рукой, она пронзает мягкие части тела не хуже ножа, особенно если с ударной стороны немного заточена на конус. Чаще всего палочки использовали как парное оружие, по одной в каждой руке.

Что касается настоящего ножа (танто), то по законам феодальной Японии лица, не относящиеся к сословию самураев, могли иметь в своем распоряжении только такие ножи, длина которых вместе с рукояткой не превышала одного «сяку» (30,3 см). Ниндзя обычно имели при себе ножи, клинок которых равнялся 15-20 см, с самой простой деревянной ручкой. Как и все остальные предметы, носившиеся с собой, нож служил им не только оружием, но в первую очередь хозяйственно-бытовым инструментом.

Как известно, нож отличается от кинжала тем, что у него не двусторонняя, а односторонняя заточка, и клинок более тонкий. Тем не менее, опытный мастер ножа одним «длинным» (т.е. непрерывным) движением перерезает противнику сухожилия на конечностях и горло, легко и плавно скользя вокруг него. Нож он держит в основном обратным хватом, что характерно именно для японской техники, будь то самурай или ниндзя.

Часто ниндзя использовали нож в паре с дубинкой, как бы подражая знаменитым «рёто-дзукай», самураям, сражавшимся сразу двумя мечами — катаной и вакидзаси (упомянутый здесь Миямото Мусаси был именно таким обоеручным бойцом). Но поскольку нож все же не короткий меч, а дубинка — не большой, постольку техника

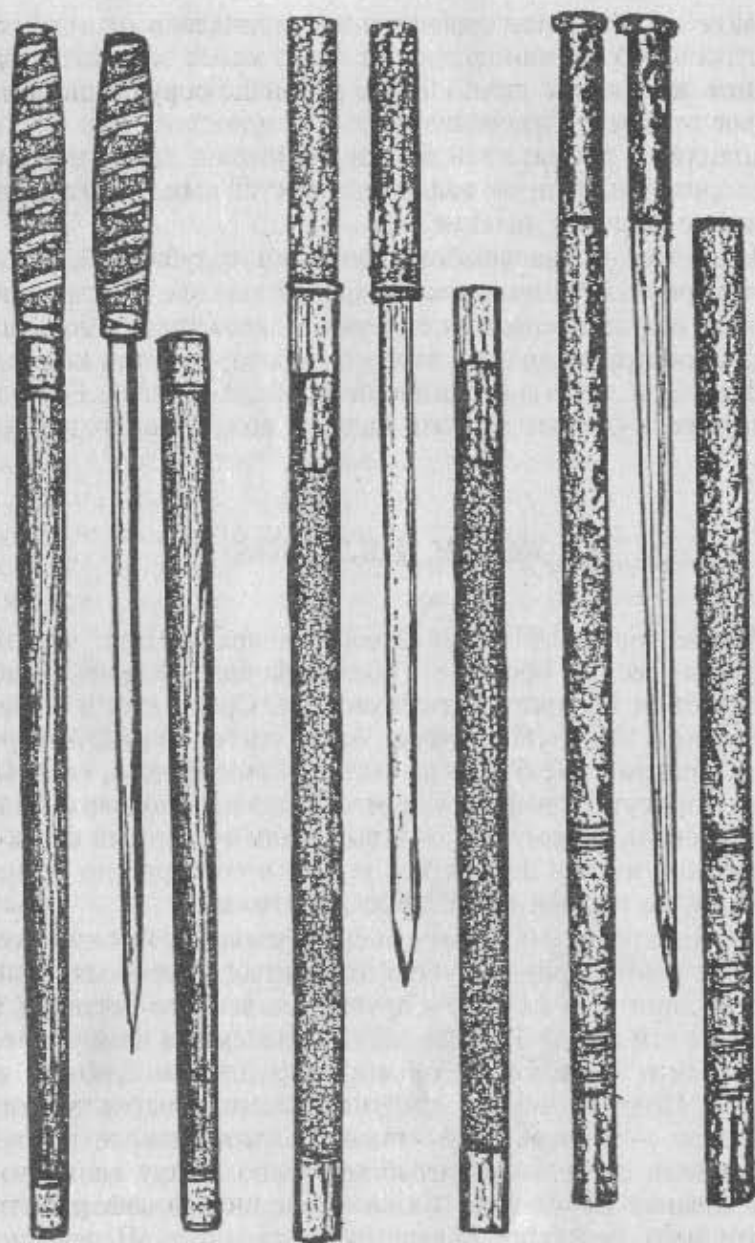
ниндзя на две руки существенно отличалась от техники самураев. Но не становилась от этого менее эффективной. Менее популярно среди воинов-теней было фехтование двумя ножами. Прагматики до мозга костей, они всегда исходили из реальностей жизни. Человек с двумя ножами подозрителен, если он только не торгует ими. Палка плюс нож, это обычное явление.

Известны также комбинации ножа с дубинкой, когда этот короткий клинок жестко фиксировался на одном из концов палки, превращая ее в мини-алебарду. Но большого распространения этот вариант не получил, так как был эффективен лишь в ограниченном числе случаев. Гораздо надежнее и удобнее держать палку и нож в разных руках...

КОГТИ И КЛИНОК

Какие только имена не давала молва ниндзя: черные дьяволы, лесные оборотни, посланцы ада... Какие только достижения не приписывала она им. Среди них и такие, как умение ходить по потолку, отражать голой рукой удары меча и разрывать ею тело на части... Сами ниндзя, которые всегда присутствовали в гуще масс, всячески поддерживали эти легенды, потому что они вызывали суеверный страх и позволяли иногда добиваться успеха в совершенно безнадежных, на первый взгляд, предприятиях...

Стены крепостей и самурайских замков в Японии возводили из больших, грубо обтесанных каменных глыб, плотно пригоняя их одну к другой без всякого раствора. К тому же эти стены были не вертикальными, а немного наклонными. Нередко небольшие укрепления строили из бревен. Поэтому ниндзя придумали очень простое приспособление — «сюко» (или «тэкаги»), позволявшее им использовать щели между глыбами (либо между бревнами) для лазанья по стенам. Сюко представляет собой нечто вроде металлического обруча, закрепленного на руке по-

Посохи ниндзя, внутри которых спрятаны клинки мечей или кинжалов

средством кожаных ремешков. Нижняя (ладонная) часть этого обруча снабжена несколькими шипами, слегка загнутыми наподобие когтей. Иногда такой же обруч с шипами надевали и на ноги, он назывался «асико».

Следует учитывать, что в старой Японии балки и стропила в жилищах были открыты снизу и проходили на небольшом расстоянии друг от друга. С помощью «сюко» и «асико» можно довольно легко цепляться за них, висеть под потолком и незаметно передвигаться там. Тем более, что электрического освещения тогда не существовало, по ночам в помещениях царил полумрак, пока люди бодрствовали, и полная темнота, когда они ложились спать.

Кроме того, шипастые «перчатки» повышали эффективность ударов открытой ладонью или стопой. Шипы пробиwali легкие доспехи из кожи (или лакированных дощечек), распространенные благодаря своей дешевизне, так что оружием они были достаточно грозным. Еще легче рукой с «когтями» можно наносить рваные раны на открытых участках тела. Но вот что касается отражения ею ударов меча, тут явное преувеличение. Самурайский меч (ката-на) — оружие поистине страшное, которое с размаха разрубает все, что угодно. Захватить лезвие меча между шипами и поворотом руки вырвать его у неприятеля, или хотя бы отвести в сторону, удавалось лишь в том случае, когда ниндзя действовал с опережением, в начальной фазе атаки противника, как это и показано на рисунках.

Вопреки мнению, широко распространившемуся сейчас благодаря кинофильмам, ниндзя редко когда был мастером фехтования. В открытом бою с самураями он, по сути дела, не имел никаких шансов на победу. Но это лишь в том случае, когда такой бой проходил в соответствии с правилами Бусидо. Известно, что классическая техника владения катаной сводится преимущественно к ударам сверху вниз по голове, плечам и рукам. Увертки и всякого рода хитрости во время поединка самураи считали делом, позорящим настоящего воина. Практически они никогда не рубили мечом ноги, не атаковали в спину и ниже пояса. Перед тем,

как вступить в бой, противники обязаны были представиться друг другу. Короче говоря, самураи были опутаны, словно веревками, своими представлениями о чести, о благородстве, другими сословными предрассудками.

В отличие от них, ниндзя не связывали никакие условности. Мечу он не поклонялся (тогда как самураи создали подлинный культ меча), и видел в нем лишь один из инструментов, предназначенных для выполнения поставленных задач. Если не было больше никакой возможности уклониться от схватки, ниндзя стремился атаковать внезапно, действовать нестандартно, непредсказуемым образом. Как сказал бы любой самурай, ниндзя использовали «подлые приемы» и воевали «не по правилам». Они считали, что на войне нет места никаким правилам, кроме правила побеждать несмотря ни на что и, по возможности, самой малой ценой. Внезапность, непривычность, непонятность действий являлись их решающим козырем. Поэтому техника выхватывания меча из любого исходного положения играла существенную роль в их подготовке. Эта техника (батто-дзюцу) существенно отличалась от техники самураев (иаи-дзюцу). Она позволяла выигрывать те драгоценные доли секунды, которые приносили победу.

Впрочем, ниндзя использовали меч не так уж часто. И дело не только в том, что среди них трудно было встретить мастеров меча. Главная причина в другом. Ниндзя действовали тайно, а потому старались ничем не выделяться среди окружающих, всячески избегали столкновений с ними. Чтобы иметь возможность выполнять задания своих начальников, они специально овладевали искусством перевоплощений. Достаточно напомнить в этой связи классический репертуар персонажей, за чьей личиной они скрывались: странствующий монах, уличный торговец, нищий, отшельник-юродивый, крестьянин, бродячий актер (фокусник или жонглер), подмастерье. Все эти категории людей принадлежали к низшим классам, которым категорически запрещалось иметь оружие. Тем более — меч, святыню святынь самураев. Стоило нарушить этот запрет, и

следовала немедленная казнь, совершить которую имел право любой самурай, не спрашивая на то разрешения у властей. Между тем, меч — оружие довольно громоздкое, спрятать его на себе трудно, зато легко обнаружить. На всех дорогах в средневековой Японии, у всех городских и деревенских ворот стояли заставы. Подозрительных путников подвергали тщательному обыску. Поэтому ниндзя имел при себе минимум снаряжения.

Кусок веревки или цепь, полотенце, посох, нож, может быть — серп, немного еды и лекарств, кремь для высекания огня, вот и все. С таким грузом он мог свободно передвигаться, не опасаясь проверок. Достигнув места назначения, ниндзя из подручных средств изготавливал приспособления, в которых нуждался, а оружие (если в том была необходимость) отбирал у противника. Выполнив задание, он уничтожал или прятал свои инструменты и снова принимал облик безобидного путника.

Необходимость скрытно передвигаться по вражеской территории, выдавая себя за кого угодно, только не за того, кто он был на самом деле, и стремление иметь при себе как можно меньше вещей обусловили многофункциональность вооружения и снаряжения ниндзя. Это в полной мере относится к мечу «ниндзя-кэн» (или «ниндзя-то»). В отличие от катаны, он был прямым по всей длине и короче. Длина лезвия не превышала 50-60 см (у катаны до 90-96 см). Достаточно длинная рукоятка (30-40 см), обтянутая кожей, позволяла работать как одной, так и двумя руками. Гарда была квадратной (со стороной квадрата до 8 см), довольно толстой и очень прочной. Впрочем, существовал еще меч без гарды, с более длинным лезвием (до 70 см), замаскированный под посох. Одно движение, и вместо согбенного старого монаха с посохом перед ошеломленным противником возникал воин со сверкающим клинком в руках. Однако такой меч применялся еще реже.

Ножны (сая) были длиннее лезвия, что позволяло использовать свободное место для хранения различных мелких предметов: сюрикэнов, футляра с секретными доку-

ментами, шипов-колючек и т.д. Наконечник ножен снимался и служил буравом, а также дротиком. Ножны без наконечника превращались в духовое ружье для метания отравленных игл (фукия) или в трубку для дыхания под водой. Ножны старались делать как можно более прочными, это давало возможность применять их в качестве дубинки (дзё) и даже вместо алебарды (нагината), если меч вставляли в них рукояткой и надежно закрепляли ремешком из сыромятной кожи. Квадратную гарду использовали как опорную площадку для ног при лазании по стенам замков и по деревьям. Ремешок, на котором носили ножны, цепляли за выступ в стене или за прочную ветку, и тогда получался своего рода насест, на котором можно было передохнуть, не слезая для этого вниз. Полую рукоятку меча в случае необходимости заполняли едким порошком для ослепления противника, ядом или порошком, в нее также вставляли длинную отравленную иглу.

Еще один миф, распространившийся благодаря кинофильмам, это то, что ниндзя всегда носили свой меч за спиной. В действительности, они вешали его туда только в тех случаях, когда надо было куда-то лезть либо ползти. Во всех остальных ситуациях место меча было сбоку, потому что из этого положения его выхватывали чуть-чуть быстрее, чем из-за спины. Как уже отмечалось, такое «чуть-чуть» могло оказаться решающим обстоятельством, следовательно, им не стоило пренебрегать.

Следует отметить, что «когти» на руках (сюко) не мешали сжимать рукоятку меча. Поэтому ниндзя нередко использовали в бою и то, и другое одновременно. Например, левой рукой отклоняли в сторону вражеское оружие, а правой выхватывали свое и наносили удар. Или с помощью когтей отбирали меч у самурая и закалывали его собственной катаной. Примеры использования когтей и меча, а также приемов внезапного выхватывания последнего, показаны на приводимых здесь рисунках. Их могло бы быть намного больше, но и имеющихся достаточно, чтобы составить представление о том, как использовали меч ниндзя.

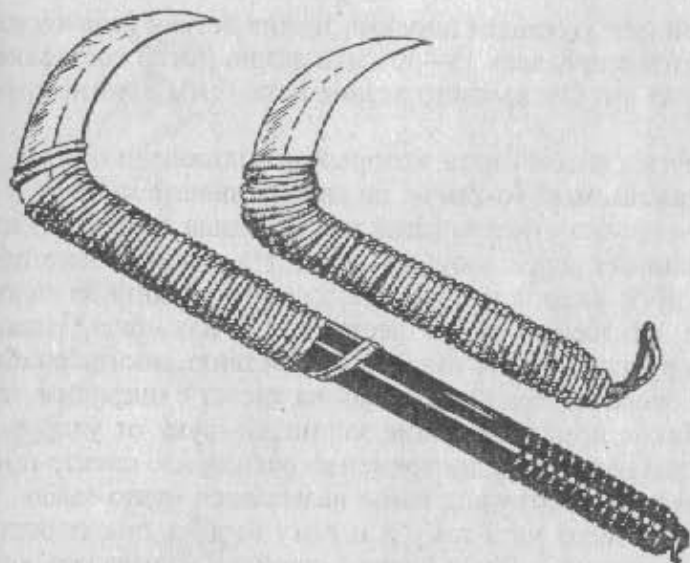

ПРИЗРАКИ С КОСАМИ

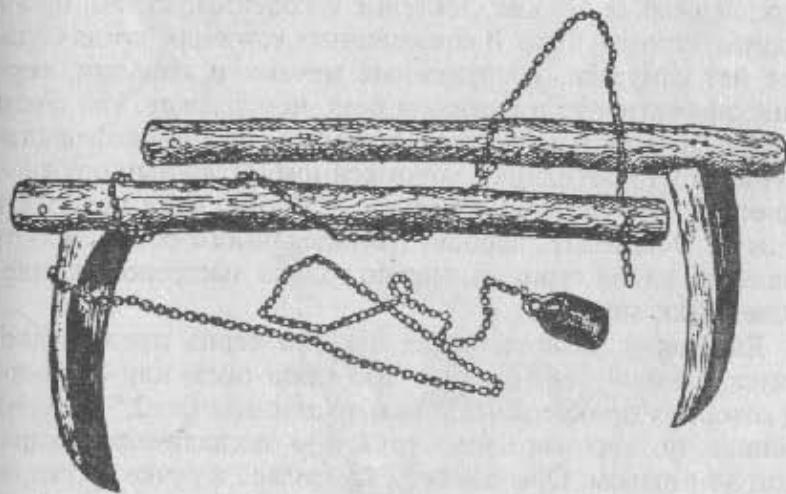
Коса и серп (по-японски «кама», или «гама») — это классическое оружие крестьян, участвовавших в феодальных войнах и мятежах. И хотя они, в общем-то, являются сельскохозяйственными инструментами, практика показала их высокую эффективность в ближнем бою. Это связано с тем, что серпом и косой можно производить движения разного типа: подсекать и рубить, резать и колоть, захватывать и вспарывать, блокировать и атаковать. Разворачивая косу или серп с длинной ручкой лезвием к себе, это оружие можно превращать также в дубинку. Поэтому в умелых руках кама по своим боевым возможностям превосходит меч, копьё и алебарду — главное вооружение самураев, вечных противников ниндзя.

Существует много разновидностей серпов и кос, отличающихся друг от друга длиной деревянной рукоятки, длиной и степенью кривизны лезвия, способами его прикрепления к древку. В принципе, чем длиннее ручка и лезвие, и чем они прямее, тем выше эффективность камы как оружия, но тем труднее прятать это оружие под одеждой. Между тем, для ниндзя последнее обстоятельство было чрезвычайно важным. Клань ниндзя обосновалась в горах. Не удивительно, что основным видом использовавшегося ими серпа стал небольшой серп жителей горных селений центральных районов острова Хонсю, который называется «ната-гама». Крестьяне применяли его не для уборки урожая зерновых (их занятиями были охота, огородничество и заготовка леса), а для того, чтобы прорубать дорогу в зарослях.

Ната-гама представляет собой слегка изогнутое, довольно широкое стальное лезвие, заточенное только с той стороны, которая обращена внутрь, и вбитое под небольшим углом в короткую рукоять из твердых пород древесины. Место соединения лезвия с ручкой является наиболее слабым звеном данного «инструмента», поэтому его дополнительно укрепляют, плотно обматывая тонкой, прочной вс-

Боевая «двойка» (ничо-гама).
Слева «о-гама», справа «ната-гама»

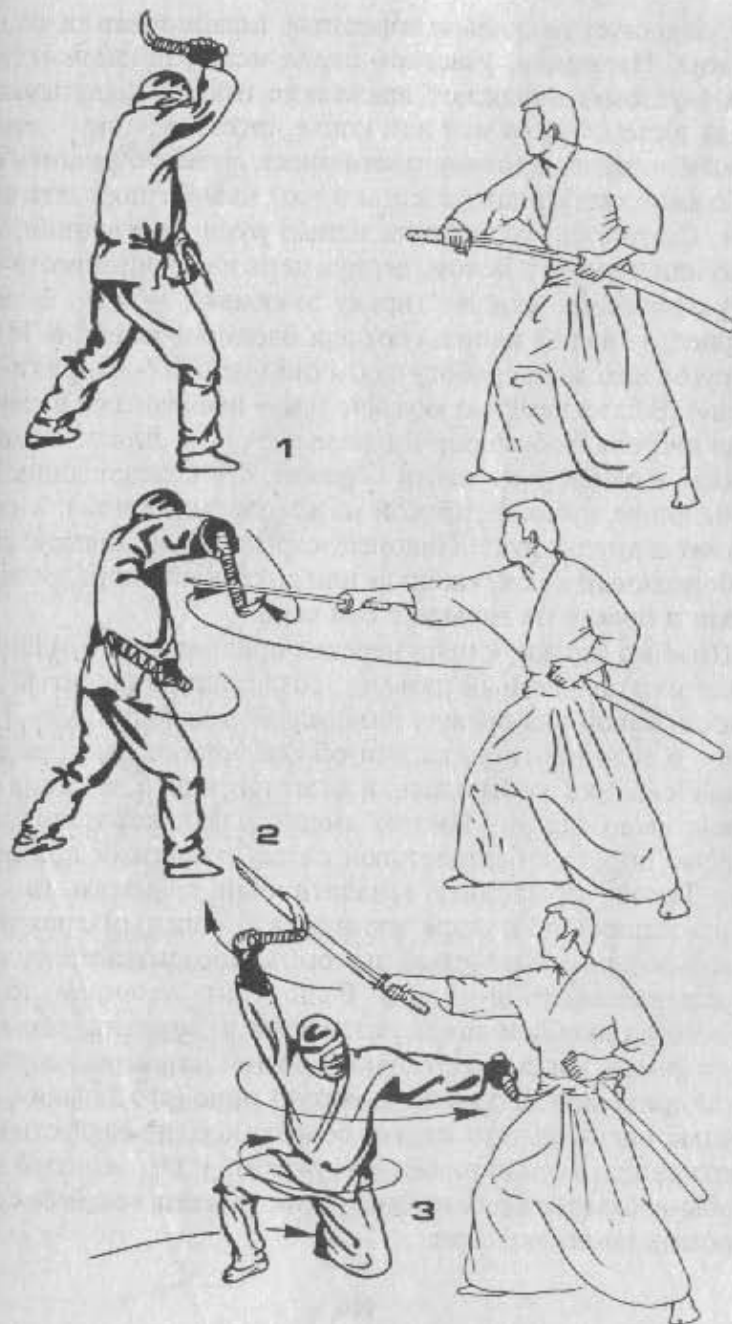
Деревянные тренировочные серпы

режкой или кожаным шнуром. Длина лезвия ната-гамы колеблется в пределах 15—30 см, а длина ручки составляет от 20 до 45 см. Очень часто лезвие ната-гамы длиннее рукояти.

Другим видом серпа, который использовали ниндзя, был так называемый «о-гама», по своему внешнему виду и размерам (длина рукояти иной раз доходила до 120 см) напоминавший скорее косу, чем серп. Им было удобно подсекать ноги людям и лошадям, срезать всадников прямо в седле, отклонять удары шеста, копья или меча. Нижнюю часть рукояти, противоположную лезвию, иногда снабжала своеобразной гардой, похожей на кастет с широким лезвием. Такое приспособление защищало руку от ударов вражеского оружия и одновременно расширяло спектр применения в бою. Этот вид камы называется «о-но-гама».

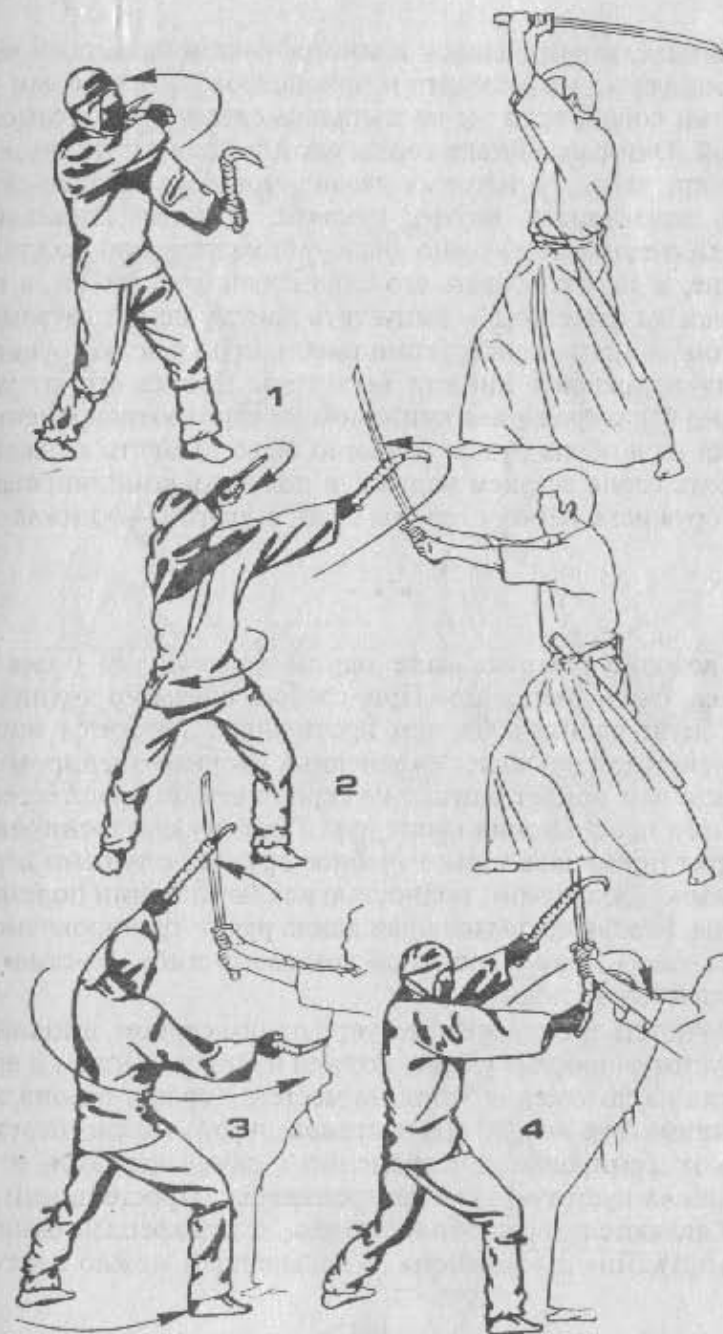
Чаще всего ната-гаму и о-гаму ниндзя применяли как парное оружие. Такая боевая «двойка» называлась «ничо-гама». Серпом на длинной ручке парировали и отклоняли вражеские атаки, а малым серпом поражали противника. Основными мишенями при атаке серпом являются кисти рук, держащие оружие, локтевые и коленные сгибы, шея и голова, спина и бока. В современных условиях, когда больше нет самураев, вооруженных мечами и копьями, серп еще эффективнее в ближнем бою, чем прежде. Им очень удобно перехватывать удары ногами, успешно противостоять любому противнику, вооруженному холодным оружием (шестом, цепью, дубинкой и т.д.). Можно даже метать его в цель. Остановить хорошо тренированного бойца, вооруженного двумя серпами, можно только выстрелом из пистолета или автомата.

Еще одну разновидность боевого серпа представляет «кусари-гама», серп с цепью. Это «ната-гама» или «о-гама», к которому прикреплена довольно длинная (до 2,5 метров), тонкая, но прочная цепь с грузом — металлической гирькой или шаром. Обычно цепь крепилась к ручке со стороны, противоположной лезвию, хотя известны образцы серпов, у которых цепь была с той же стороны, что и лезвие.

Существует несколько вариантов использования такого оружия. Например, участком серпа между лезвием и ручкой («углом») отражают вражеские атаки, захватывая и уводя в сторону его меч или копье, шест, дубинку. Гирьку бросают прямо в голову противника, чтобы оглушить его либо заставить отшатнуться, и в этот момент поразить серпом. Стараются захлестнуть цепью руки противника, его шею или корпус, а потом, дернув цепь на себя, вывести его из равновесия. Или же гирьку зажимают в руке, а цепь (вернее, ее часть) используют для блоков и захватов. И то, и другое похоже на работу с обычной цепью («манрики-гусари»). В ближнем бою «кусари-гаму» превращают в своего рода кистень, работающий в паре с серпом. Для этого цепь держат в одной руке таким образом, что свисает лишь небольшой ее кусок с гирькой на конце («кистень»), а серп держат в другой руке. Наконец, серп с цепью превращают в абордажный крюк, «кошку» или анкерный якорь, раскручивая и бросая не гирьку, а сам серп.

Помимо гирьки, к цепи нередко прикрепляли бумажный пакет или стеклянный пузырек, содержащий ядовитый порошок. Такой вид оружия назывался «бакахачу-гама». При ударе о тело противника или об его оружие пакет разрывался (склянка разбивалась) и яд мгновенного действия поражал свою жертву. Иногда вместо яда пакет наполняли смесью пороха с бертолетовой солью и другими примесями. Такой взрывпакет (аналогичный гранатам ниндзя «нагэ-тэппо») при ударе взрывался с сильным грохотом, яркой вспышкой и густым дымом, деморализуя противника и отвлекая его внимание. Если верить легендам, то существовал якобы и такой экзотический вариант, как «мамуки-гама», когда вместо пакета с ядом или взрывчаткой к цепи прикрепляли живую ядовитую змею (это делали с помощью специального клея и бечевки). Цепь захлестывала противника, змея пыталась его ужалить и он, занятый тем, чтобы избавиться от этой твари, не успевал вовремя среагировать на лезвие серпа...

Ниндзя, стремившиеся к многофункциональности всех используемых ими средств и приспособлений, не были бы самими собой, если бы не пытались сделать то же самое с камой. Они разработали серпы сложной конструкции. Например, такие, у которых лезвие могло складываться, а цепь втягивалась внутрь рукояти. Резким движением («вскидыванием») можно было автоматически раскрыть лезвие, и зафиксировать его специальной защелкой, а нажатием на фиксатор — выпустить наружу цепь с грузом. В другом варианте конструкции вместо цепи в полую рукоять серпа вставлялся кинжал («танто»). Достав его оттуда, можно было сражаться кинжалом и серпом одновременно, держа их в обеих руках. А можно было вставить кинжал в рукоять серпа лезвием наружу, и получить комбинированное оружие: с одной стороны серп, с другой — кинжал.

* * *

Свободно работать даже одним серпом, тем более — двумя, очень непросто. При слабом владении техникой ими легче ранить себя, чем противника. Требуется много времени (несколько лет ежедневных упорных тренировок), прежде чем придет ощущение серпов чем-то вроде естественного продолжения своих рук. Поэтому для тренировок следует применять только учебное оружие, с тупыми деревянными «лезвиями», полностью исключая порезы и уколы. Наиболее подходящая длина ручки тренировочного «ната-гама» — от запястья до локтевого сгиба, «о-гама» — от запястья до подмышки.

Начинать тренировку следует с одним серпом, выполняя «в пустоту» простые удары, захваты и блоки, выпады и вращения из положения «стоя на месте». Хорошо освоив эти движения как левой, так и правой рукой, можно переходить к тренировке одновременно с двумя серпами, и не только «в пустоту», но и на тренажерах. Простейшими из них являются деревянные столбы, с прикрепленными к ним «руками» и «оружием». В дальнейшем можно перехо-

доть к работе с партнером, вооруженным шестом или дубинкой. И только добившись полной свободы и непринужденности в работе с одним и с двумя серпами, можно попытаться перейти к тренировкам с боевым оружием. Но спарринг с партнером посредством боевого оружия категорически запрещается, ибо тяжелейшие травмы в этом случае неизбежны. Что касается тренинга с «кусари-гамой», то его принципы и последовательность аналогичны.

ВЕРЕВКА, ЦЕПЬ И РОГАТИНА

«Мусубинава», длинная и тонкая веревка, сплетенная из конского волоса, с грузилом на одном конце, была неотъемлемой частью снаряжения ниндзя. С ее помощью преодолевали водные преграды, переправлялись через ущелья, взбирались на стены замков, соскальзывали вниз с большой высоты, устраивали ловушки, связывали лошадей и пленников, транспортировали грузы — всего не перечесать. Вербка в случае необходимости служила и оружием. Привязанное к ней грузило давало ускорение при броске, не позволяя сматываться в клубок на лету. Но в то же время, при достаточно метком и сильном броске, им можно было оглушить или даже убить противника. Вербка с отягощением использовалась также для того, чтобы слутать руки противника и благодаря этому обезоружить его, чтобы подсесть ноги, захлестнуть шею и задушить.

Однако веревку довольно легко перерезать, перепилить или перерубить. Поэтому для боевого применения ее лучше заменить цепью, которая сохраняет такое важное качество веревки, как гибкость, но существенно выигрывает в прочности. Цепь, или вернее цепи, состоявшие на вооружении ниндзя, были двух типов. Первый — это «кусари» (или «гусари»), тонкая крепкая цепь длиной от трех до четырех метров, с грузилами конической формы (иногда в виде металлических колец либо шаров) на обоих концах. Грузила

у такой цепи (весом 0,3 кг каждое) являлись ударными элементами. Одновременно они позволяли применять не только броски и захлесты, но и сложную технику движений типа восьмерок или кругов со сменой уровней, когда цепь вращали наподобие мельничных крыльев, перехватывая ее обеими руками. Сложность здесь в том, что цепь все время должна оставаться натянутой, иначе она становится опасной для владельца.

Эту технику ниндзя заимствовали от своих китайских собратьев «линь гуй» (лесных дьяволов). Иногда неподалеку от грузил (в 10—20 см от них) к цепи прикрепляли острые звездочки (или шипы). Они впивались в руку при захлестывании и заставляли выпустить оружие. Иногда грузила обматывали ватой, пропитанной горючим составом, и поджигали. Работая ночью с подобным оружием, ниндзя как бы окружал себя огненным кольцом, что в определенных случаях производило сильное впечатление на врагов. Понятно, что длинная цепь могла заменить веревку, по крайней мере тогда, когда производимый ею шум не играл никакой роли (напомню, что цепь, в отличие от веревки, звенит).

Более короткая цепь имела длину около метра, а весила всего полкилограмма. Согласно легенде, ее изобрел самурай по имени Масааки Тосимицу, служивший начальником охраны главных ворот Эдо (нынешний Токио). Он исходил из мысли о том, что в узком проеме ворот, в тесной комнате или на висячем бамбуковом мостике с длинной цепью не развернуться, а короткая, да еще с увесистыми отягощениями, гораздо эффективнее, чем меч, шест или алебарда. Он назвал ее «манрики-кусари», что дословно переводится как «цепь силой в десять тысяч», а литературно — «всесильная цепь». Обычно ее носят на поясе, оборачивая вокруг талии таким образом, чтобы грузила (которые у этой цепи имеют цилиндрическую форму или делаются в виде ручек) соприкасались спереди, либо сбоку. Это позволяет, зажав одно грузило в руке и отпустив другое, внезап-

ным движением с разворотом корпуса оглушить либо обезоружить противника.

Существуют четыре варианта работы короткой цепью. Первый, это те же круги и восьмерки, что и длинной. Только из-за меньшей длины цепи такая техника становится еще более сложной и опасной. Второй вариант употребления короткой цепи в бою сводится к ударам ею с размаха (как нунтякой или дубинкой). Третий — к блокированию вражеских атак цепью, натянутой за счет разведения рук в стороны, с немедленным переходом на захват и обезоруживание, либо контратаку. Четвертый — это бросок в голову грузила. Понятно, что все четыре типа действий можно комбинировать в любом сочетании, что делает цепь оружием очень высокой эффективности.

Нередко в связи с ниндзя упоминают еще одну цепь — «кусари-фундо», длиной всего 50—60 см. Однако в данном случае имеет место путаница. «Кусари-фундо», хотя и похожа внешне на «манрики-кусари», однако оружие не японское, а окинавского происхождения.

Длинная цепь с тяжелым кольцом (либо шаром) на одном конце, на другом могла иметь весьма оригинальное приспособление — «кёкэцу-сёгэ». По форме это наконечник рогатины, с прямым обоюдоострым лезвием длиной от 20 до 40 см, от основания которого отходит в сторону второе лезвие, загнутое как крюк или серп. Еще его можно сравнить с расплюснутым багром. «Кёкэцу-сёгэ» использовали двояко, как подсобный инструмент и в качестве оружия. Его возможности были столь обширны, что «кёкэцу-сёгэ» являлся излюбленным средством представителей большинства кланов ниндзя.

Такую рогатину удобно применять вместо абордажного крюка, альпенштока, якоря, «кошки» и т.д. Иными словами, в комплекте с цепью она давала возможность лазать вверх и вниз, форсировать всевозможные препятствия, взламывать замки, передвигать тяжелые грузы. Кольцо на другом конце цепи нередко служило в качестве карабина

3

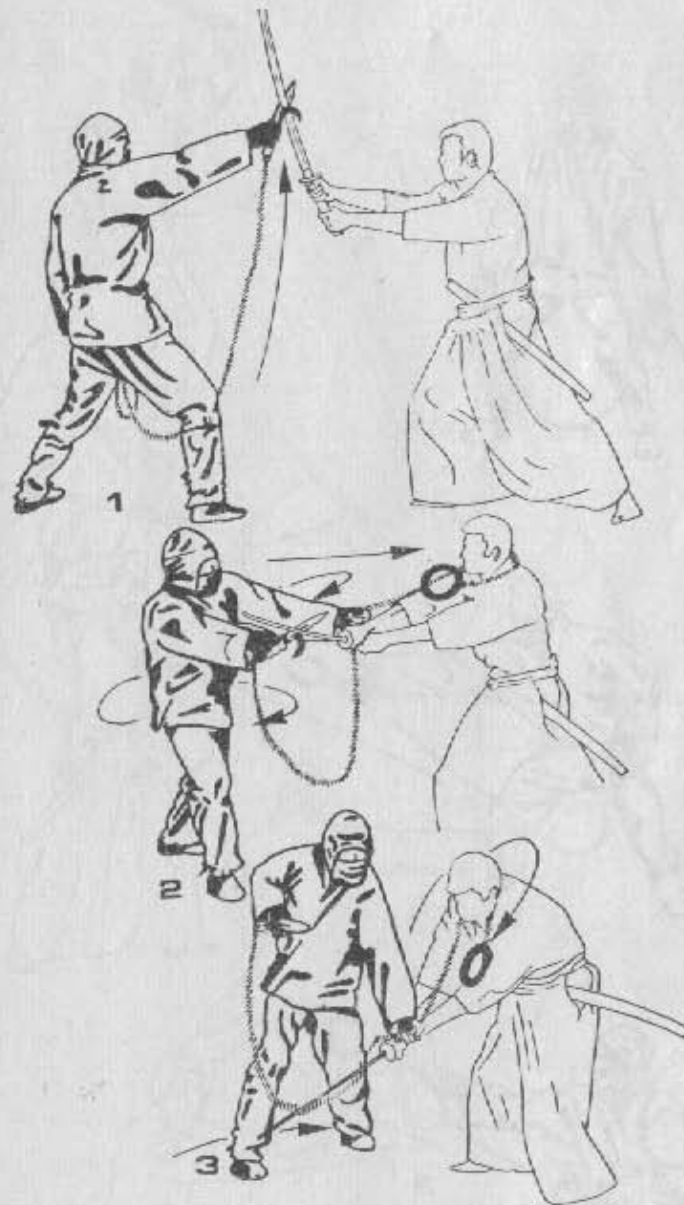
для скольжения по веревке. Втыкая рогатину в расщелины скалы или стены, ее превращали в упор для ноги.

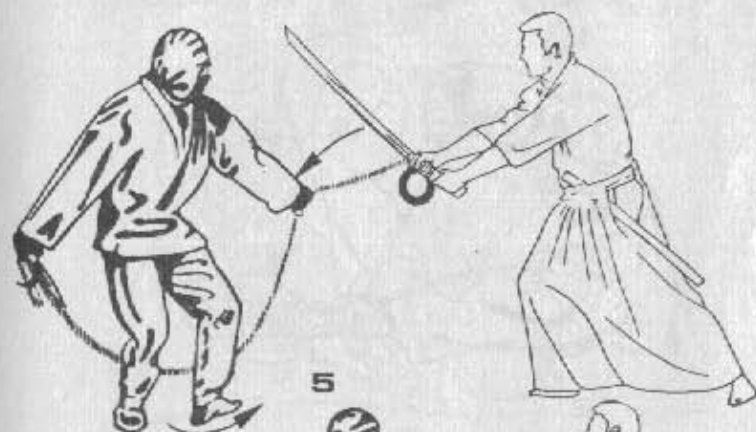
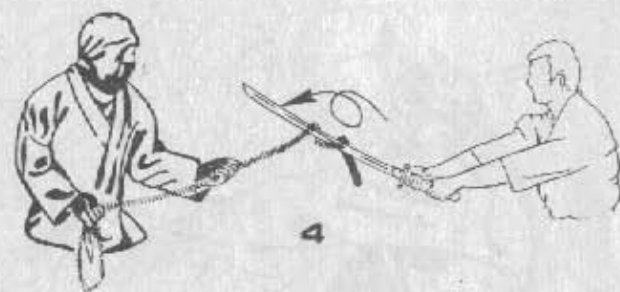
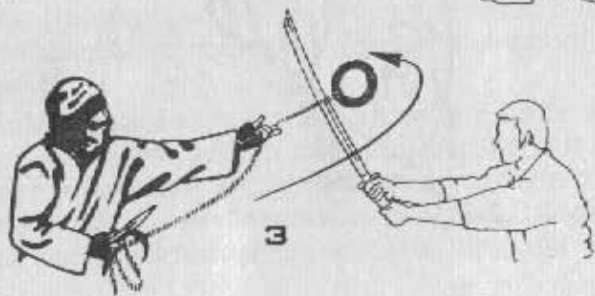
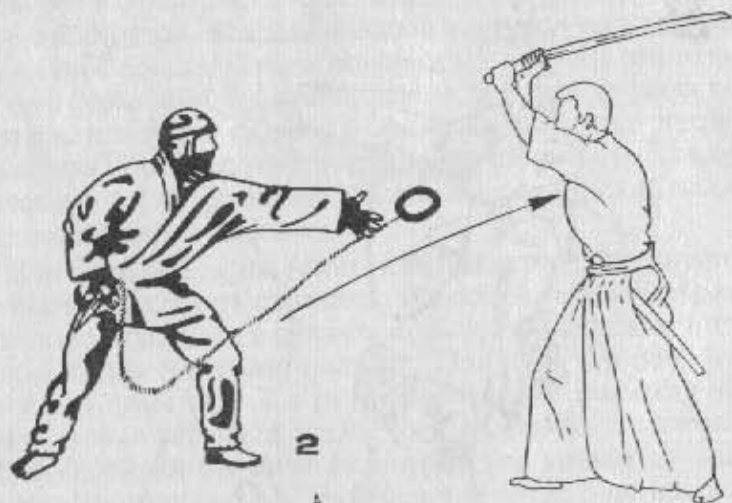
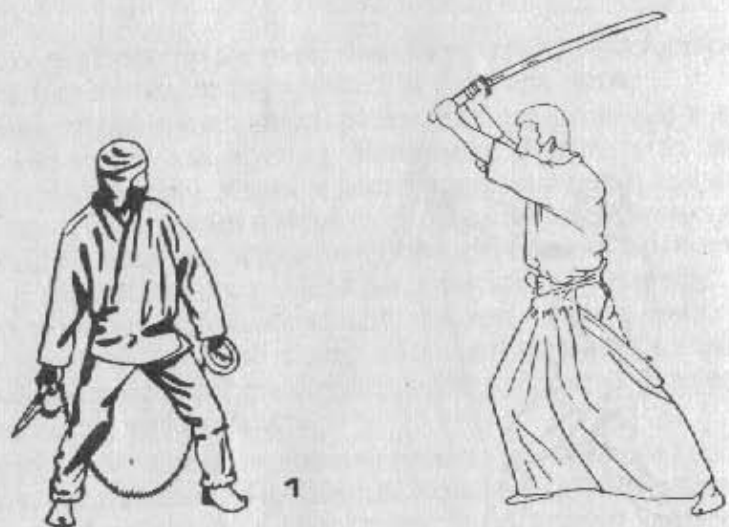
Многофункциональность рогатины проявлялась и в использовании ее как оружия. Например, можно было держать в руке кольцо, а лезвие раскручивать на цепи, превращая его в своего рода алебарду. Можно было также метать рогатину в цель как копье (или, скорее, как тяжелый дротик). Если противник успевал отклониться, то его нетрудно было порезать крюкообразным лезвием, дернув цепь на себя. Вообще, двойное лезвие позволяет выполнять самые разнообразные действия: колоть, рубить, подсекать, резать, вспарывать, выворачивать.

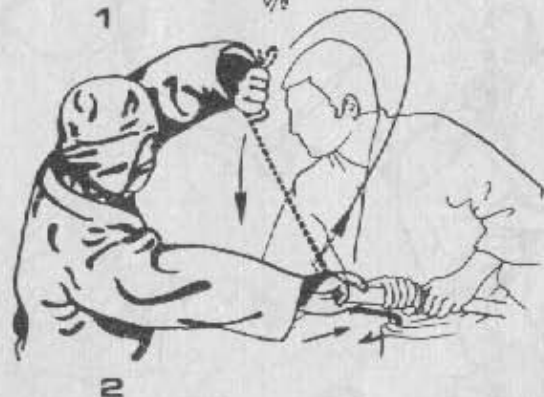
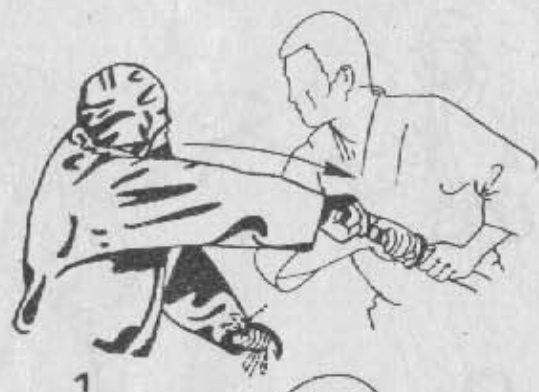
Наиболее типичные приемы работы кёкэцу-сёгэ сводились к следующим двум. Первый: броском грузила захлестнуть руки противника с оружием, а рогатиной провести удар либо тычок. Второй: поймать в «вилку» между лезвиями клинок врага и резким поворотом в сторону вырвать его из рук (либо хотя бы отклонить), а броском грузила оглушить или опутать цепью. Кольцо, кстати, тоже иной раз обматывали промасленной тряпкой и поджигали. Так сравнительно легко удавалось ослепить противника, поджечь на нем волосы и одежду.

Как и боевые серпы (кама, или гама), эту рогатину ниндзя пытались сделать складной. Известны такие ее образцы, где лезвия прячутся в рукоять и выстреливаются на пружинах простым нажатием защелки. Понятно, что цепь никак не могла поместиться в ручку, поэтому ее заменяли четырехметровой веревкой все из того же конского волоса. Но где начинается сложная механика, там кончается надежность. Поэтому распространения подобные образцы не получили, хотя существовали далеко не в единичном экземпляре.

Ясно, что кёкэцу-сёгэ, соединяющее в себе возможности таких разных устройств как рогатина, цепь и отягощение, является оружием мастеров. На то, чтобы в совершенстве овладеть всеми его возможностями, надо потратить многие годы систематических тренировок. Вряд ли это подходит

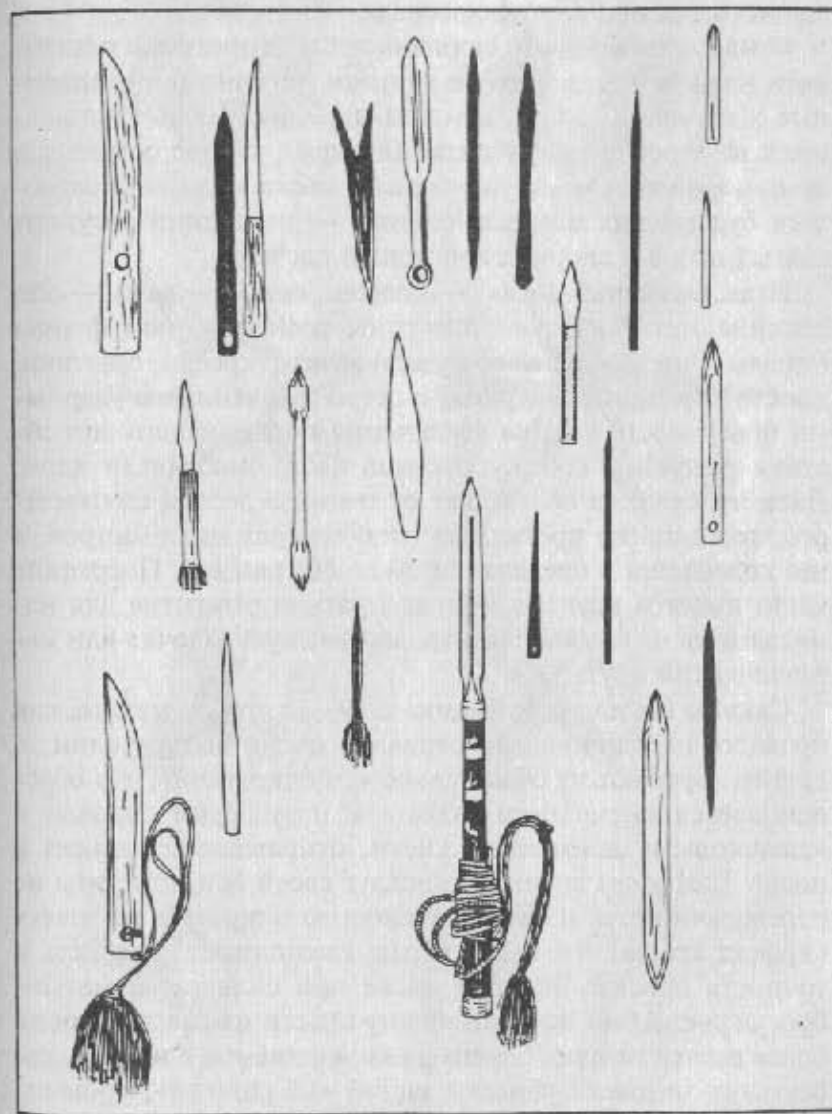
тем, кто любит создавать видимость вместо того чтобы постигать суть. Ну, а немногочисленным приверженцам истинного Пути хочу сказать: если вы овладеете кёкэцу-сёгэ, в ваших руках появится абсолютное оружие (не считая, разумеется, огнестрельного).

ЗВЕЗДЫ И ШИПЫ

Все виды метательного оружия ниндзя, вместе взятые, называют общим термином «тонки» и подразделяют на три основные группы: ножи для метания и метательные стрелки (бо-сюрикэн), метательные пластинки (хира-сюрикэн, или сакэн) и различные шипы (тэцу-биси). Благодаря кинофильмам, наибольшую известность среди них получили пластинки «сакэн», которые из-за их формы нередко называют «звездами (или картами) смерти». Впервые подобные снаряды упоминаются в исторической хронике XII века «Хэйкэ-моногатари» как «сирикэн».

Разумеется, самураи тоже использовали метательное оружие. В случае необходимости, любой из них мог поразить врага метнув в него дротик или кинжал. Но столь «неблагородным» методам ведения боя они предпочитали поединок на мечах и стрельбу из лука. Видимо поэтому в большинстве школ дзю-дзицу техника использования метательного оружия не изучалась. В тех школах, где ей уделяли некоторое внимание она являлась вспомогательной дисциплиной.

Для ниндзя, этих изгоев феодального общества, воевавших партизанскими методами, такое оружие имело гораздо большее значение. Хотя бы уже потому, что все свое вооружение и снаряжение они делали сами, в кустарных условиях, а не в мастерских профессиональных ремесленников. Не удивительно, что дешевые и простые в изготовлении сюрикэны, которые, к тому же, можно было легко прятать и применять, получили довольно широкое распростране-

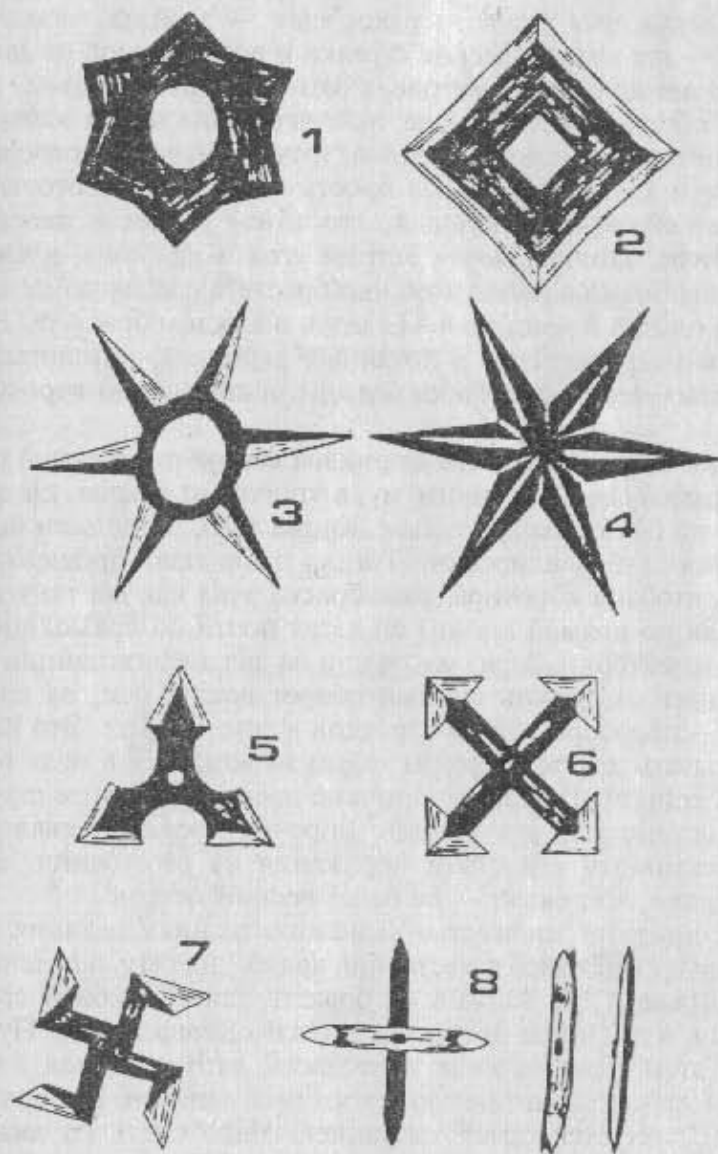
Различные типы сюрикэнов

ние среди «воинов тьмы». Но даже у них это оружие, эффективное в основном на коротких дистанциях, составляло только часть обширного арсенала.

Предшественниками сюрикэнов были предметы различного назначения: короткие дротики, обычно прикрепленные к веревке (ко-яри, или учи-нэ), заостренные напильники на деревянной рукоятке (ядзири), ручное острие для прищипоривания коня (ума-бари), а также молитвенные колеса буддийских монахов (хорин) — последний аргумент святых отцов в спорах с заблудшей паствой.

Итак, «сякэны» («ся» — колесо, «кэн» — меч) — это плоские металлические пластины разнообразной формы (звезды с числом лучей от трех до девяти, кресты, свастики, просто круги или квадраты) с остро заточенными ударными поверхностями. Для увеличения поражающего воздействия режущую кромку сякэнов часто покрывали ядом. Диаметр сякэнов составляет от пяти до десяти сантиметров, толщина не превышает трех-четырех миллиметров, а вес колеблется в пределах от 30 до 60 граммов. Посредине часто имеется круглое либо квадратное отверстие для нанизывания на кожаный шнур, деревянную палочку или металлический прут.

Сякэны носили «обоймами» по 9—15 штук и метали, как правило, не одиночно, а сериями, очень быстро один за другим. Бросают их обязательно «с подкруткой», что обеспечивается смещением захвата к периферии снаряда и «щелчковым» движением кисти, отправляющей сякэн в полет. Благодаря вращению вокруг своей оси, пластина не переворачивается и своей плоскостью опирается на воздух (эффект крыла), что значительно увеличивает дальность и точность броска. Впрочем, даже при сильном и метком броске сякэн был по-настоящему опасен на расстоянии не более десяти метров. Сцены из кинофильмов о ниндзя, где бегущего человека убивают одной «звездочкой», брошенной с дальней дистанции, являются фантазией сценаристов и режиссеров.

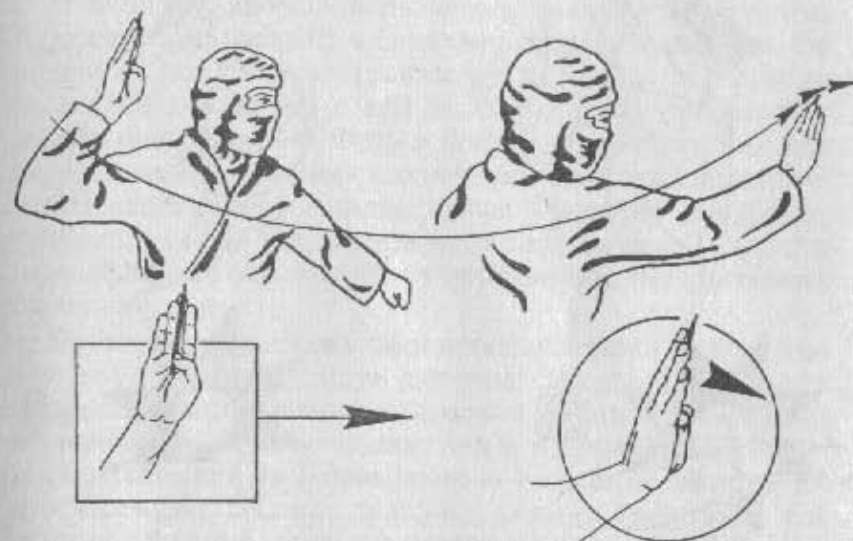

Различные типы сякэнов: року-хоси-сюкаси (1,3), сангаку-сюкаси (2); року-хоси (4), сангаку-хо (5), сикаку-хо (6), мандзи (7), си-хо (8)

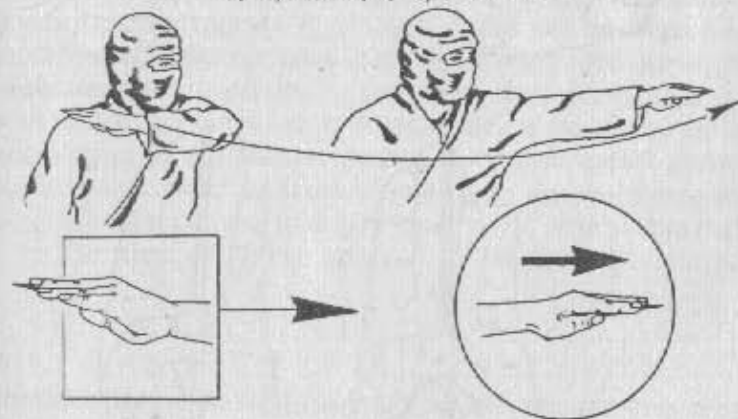
«Сюрикэны» («сю» — рука, «ри» — держать, «кэн» — меч) — это металлические стрелки и ножи длиной от десяти до двадцати сантиметров, с заточкой как на одном, так и на обоих концах. Острие тоже часто смазывали ядом. В сечении они бывают плоскими, треугольными, многогранными и круглыми. Самые простые сюрикэны, которыми может обзавестись каждый, это 15-см гвозди и плоские надфили, заточенные на острый угол. Сюрикэны носили вставленными в гнезда кожаных браслетов, одевавшихся на руки или на голени по 4—12 штук в каждом браслете. Нередко их размещали в потайных карманах, пришитых в удобных местах с изнанки одежды, например, за воротником.

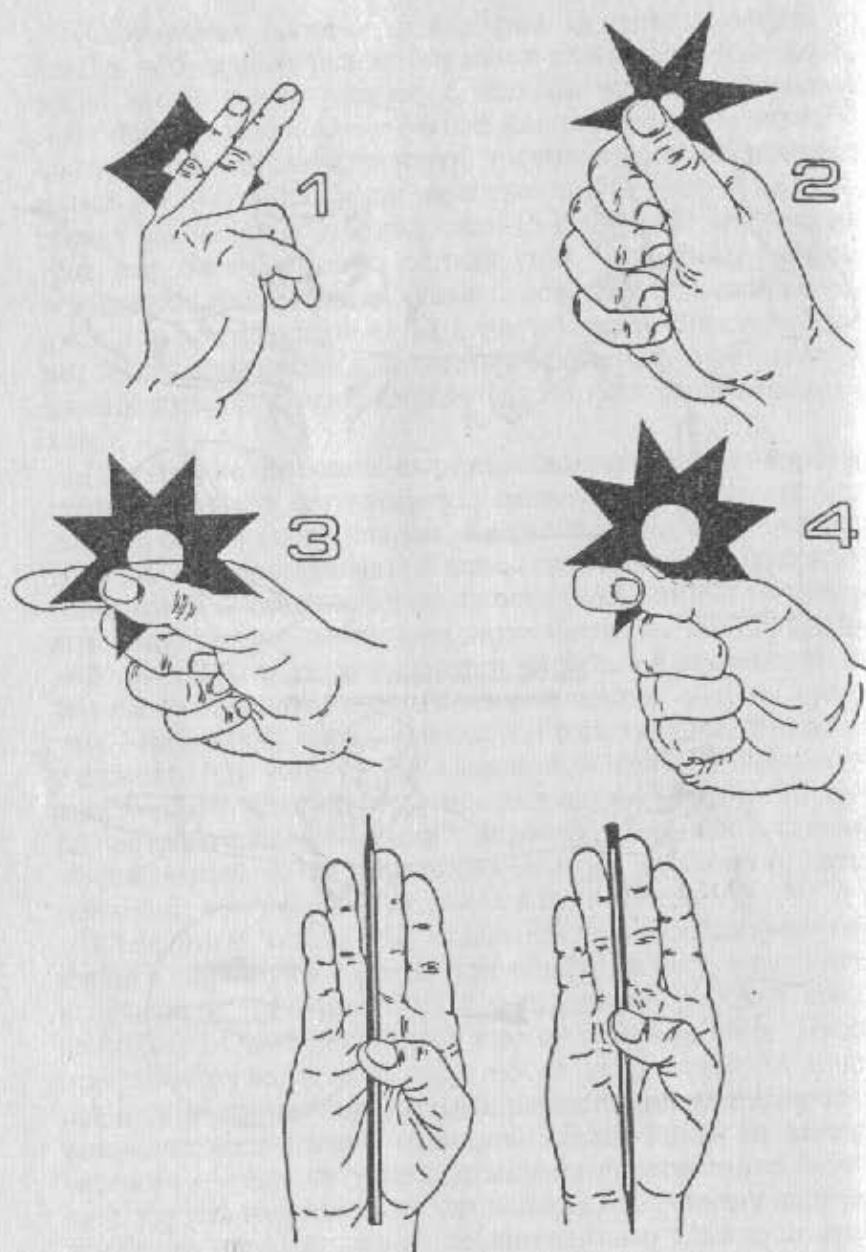
При броске вращение сюрикэна вокруг поперечной оси стараются свести к минимуму, в отличие от сякэна, где оно должно быть максимальным. Кроме того, он должен быть хорошо отбалансирован. Тогда, правильно брошенный (так, чтобы в конечной фазе броска рука как бы тянулась к цели по прямой линии) он летит почти по прямолинейной траектории. За время полета на дальней дистанции он успевает совершить полный оборот вокруг оси, на средней — полоборота, а на короткой и того меньше. Это надо учитывать для того, чтобы сюрикэн вонзился в цель острым концом. По той же причине предпочтительнее стрелки, острые с обоих концов. Впрочем, сюрикэн является эффективным средством поражения на расстоянии, еще меньшем, чем сякэн — не более восьми метров.

Существует множество вариантов техники метания сякэнов и сюрикэнов с места, при ходьбе, на бегу, в падении, в прыжке и т.д. Можно их бросать одной рукой и сразу двумя, в том числе несколько «звезд» одновременно. Пусть при этом теряется сила и точность, зато подобная «очередь» приостановит целую группу противников. Выбор техники диктуется самой ситуацией. Надо снять из засады часового — одна ситуация, прикрыть собственное бегство — другая, направить преследование по ложному направлению — третья и так до бесконечности. Отмечу в этой

Как правильно метать сюрикэн:
а) вертикально, б) горизонтально.

Как правильно держать сюрикэн и сякэн

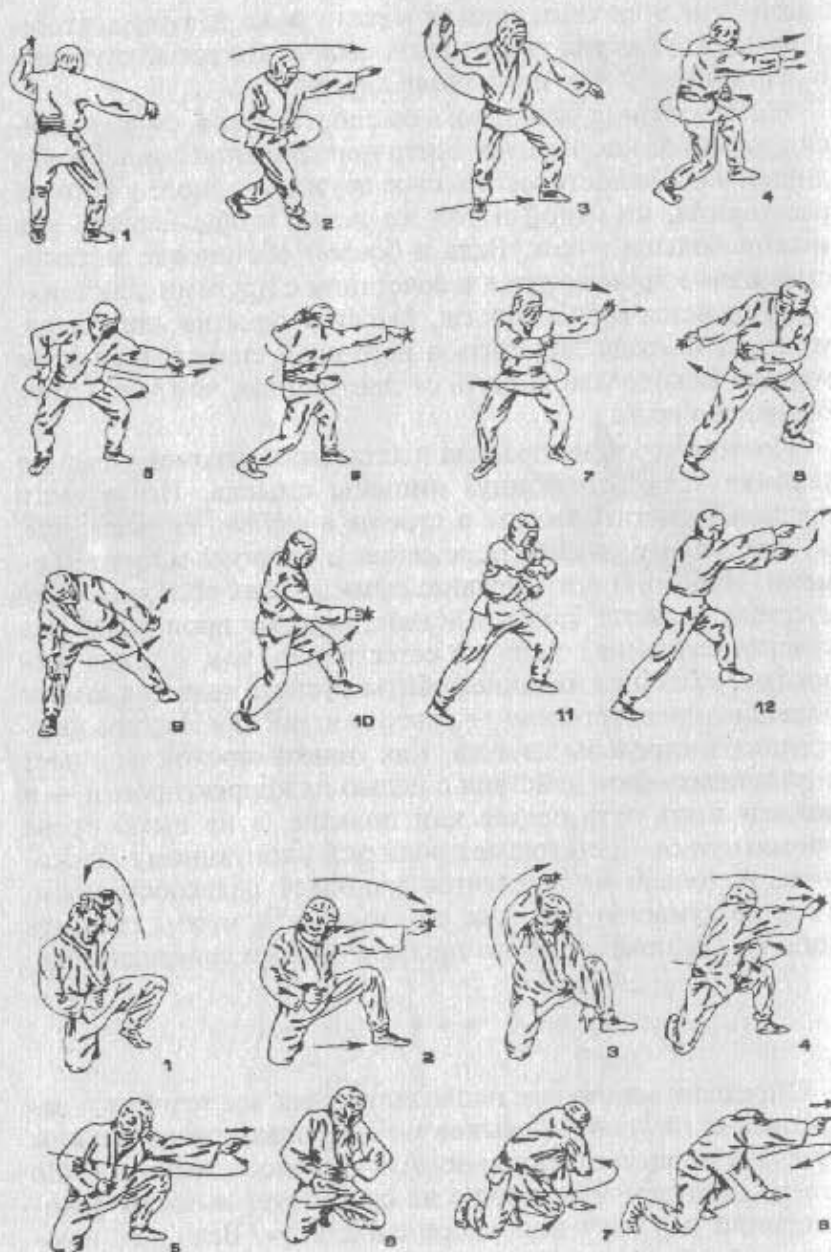
связи, что сюрикэны иногда метали даже для того, чтобы заранее из укрытия подготовить себе нечто вроде ступеней в деревянной стене или стволе дерева!

Ниндзя нельзя сравнивать со спортсменом, стремящимся каждый раз попадать в центр неподвижной мишени. Он лишен возможности метать свое оружие с одного и того же расстояния, из одной и той же позы, чтобы набрать как можно больше очков. Ведь в боевой обстановке метание сюрикэнов производится в сочетании с другими действиями. Появился враг и ниндзя, ныряя в укрытие или убегая, успевает на ходу запустить в него свой снаряд. При этом гораздо важнее ускользнуть от противника, чем убить хотя бы одного врага.

Поэтому жесткие правила и детальные рекомендации по технике «сюрикэн-дзицу» лишены смысла. Надо уметь правильно метать звезды и стрелы в любом направлении, из любого возможного положения и в любой момент времени. Напомню, что «правильным» во всех восточных искусствах является такое действие, которое происходит без участия сознания, столь же естественно, как у диких животных. «Сильное желание добиться успеха является самым большим препятствием» — говорят японские мастера фехтования и стрельбы из лука. Как только стрелок начинает осмысливать свои действия с целью их корректировки — я должен взять чуть правее или повыше, я не имею права промахнуться — он мешает родиться спонтанному движению. А только оно является наиболее целесообразным. Тигр не думает о том, как ему прыгнуть, чтобы схватить добычу. Он прыгает, и его прыжок — само совершенство!

* * *

Определить наиболее подходящую для вас технику и закрепить ее на уровне навыков можно только практическим путем, в процессе длительного и усердного тренинга. Но это не означает, что вообще не существует никаких рекомендаций для изучения «сюрикэн-дзицу». Ведь начинаю-

щий не знает об этом искусстве ничего. Поэтому на самом первом этапе, когда он будет иметь дело как раз с неподвижной мишенью и отрабатывать элементарную технику, кое-какие советы не помешают.

1. Исходное положение для метания правой рукой следующее: левая нога выдвинута вперед, вес тела на слегка согнутой правой ноге, корпус развернут левым боком к цели, левая рука вытянута в том же направлении, правая производит замах.

2. Прицеливание и метание производится с упреждением выше точки, намеченной для попадания, и вдоль воображаемой вертикальной плоскости, проходящей через центральную линию тела стрелка и через середину мишени.

3. В момент броска левую руку отдергивают назад, а вес тела переносят с правой ноги на левую, которая при этом немного сгибается в колене. Правая нога выпрямляется, корпус разворачивается фронтальной плоскостью по отношению к цели (это положение похоже на стойку «дзэнкуцу-дачи» в каратэ).

4. Сам бросок осуществляют на выдохе, резким движением кисти руки. Движение тела как бы обрывают в момент вылета снаряда из пальцев, чтобы передать ему весь импульс движения (это подобно тому, что в каратэ называют «кимэ» и «киай»).

5. В конечной точке траектории, описываемой рукой с оружием, пальцы должны раскрываться движением, напоминающим щелчок. Но никаких судорог!

6. Движение ног и обеих рук, вращение корпуса, завершающее движение кисти, все это должно быть слитным, подобно всплеску волны. Гармоничная последовательность всех элементов приема, их нерасчлененность — самое важное.

7. Наиболее распространенная ошибка у начинающих заключается в стремлении вложить в свой бросок побольше силы вместо того, чтобы все внимание сосредоточить на координации движений.

И в заключение несколько слов о правилах безопасности:

1. Помните, что сакэн и сюрикэн — это опасное оружие. Подтверждением тому служит их запрет во многих странах.

2. Начинайте тренинг с бросков на расстояние в три метра. Не увеличивайте дистанцию и не переходите к сложным приемам до тех пор, пока не освоите базовую технику в совершенстве.

3. Будьте серьезны и сосредоточены на тренировках. Помните, что работа с оружием — это не игра.

4. Прицеливайтесь и бросайте звезды и стрелы только в мишени и никогда — в людей или животных. Подобные шутки характерны для идиотов.

5. Мишени следует делать из мягкого дерева, соломы, дерна, ткани или поролона, т.е. из материалов, исключаящих рикошет.

6. Держите оружие крепко, чтобы не выронить, но не сжимайте его изо всех сил, иначе не избежать порезов и проколов кожи.

7. Прежде, чем метать оружие в цель, убедитесь, что позади вас, а также между вами и мишенью никого нет и не будет.

8. Если вы тренируетесь в составе группы, то не подходите к мишени до тех пор, пока все не закончат свои броски. Располагайтесь в линию фронта по отношению к мишеням, с интервалом в несколько метров между соседями.

9. Заканчивайте тренировку при появлении первых признаков усталости. Помните, что ниндзя — человек смелый, но благоразумный и предусмотрительный.

10. Никогда не носите стрелы и звезды на себе, за исключением боевых операций. Дома и в пути храните их в прочных футлярах. Иначе в давке, при внезапном падении или сильном толчке можно пораниться самому либо травмировать окружающих.

Магические жесты играют важную роль в классическом ниндзюцу

Часть III

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ — НИНПО МИККЁ

В некоторых книгах о ниндзюцу авторы пытаются излагать религиозно-философские учения, лежащие в основе теоретических воззрений воинов-теней. Однако не являясь специалистами ни в области религии, ни в сфере философии, они способны лишь исказить эти сложные доктрины. Да и вообще вряд ли требуется знакомить с ними массового читателя. Поэтому мы не будем рассматривать здесь такие понятия, как «тайки-оку» (всеохватывающее единство), «ин-ё-до» (полярные принципы бытия), «ку-ки» (пространство и движение), «конгокай» и «тайдзокай» (сферы «неразрушимого» и «чрева хранилища»), а также многие другие. Вполне достаточно, если мы уясним хотя бы общий смысл тех концепций, которые обосновывают духовно-телесную практику ниндзя. Это «хакудо» (путь огня и воды), «кокю-хо» (работа с внутренней энергией), «го-дай» (пять великих элементов бытия) и «дзэн-по» (девятиступенчатая медитация).

* * *

Как уже сказано в кратком историческом очерке, в основе теоретических взглядов наставников ниндзюцу лежит учение «сюгэндо» (путь обретения могущества), созданное горными отшельниками «ямабуси» и бродячими буддийскими монахами «сюгёдзя». В свою очередь, сюгэндо представляет собой синтез анимистической религии японцев «синто» и тантрического буддизма «сингон», занесенного в

страну Ямато из Китая. Синто (что означает «путь богов») является довольно примитивным культом богов природы и духов предков. В варианте, практиковавшемся ямабуси, речь идет о культе духов гор («ками»).

Цель этого культа, как и всех подобных ему, известных в большом количестве в разных регионах планеты, так же стара, как стар этот мир — поставить силы природы себе на службу через магические действия. Ведь отшельники утверждали свое духовное и социальное превосходство над простыми крестьянами, рыбаками, лесными жителями путем врачевания людей и домашних животных, предсказания судьбы, долгосрочных прогнозов погоды. Не надо доказывать, что личная судьба и здоровье, здоровье и судьбы близких людей, равно как и все, что связано с хлебом насущным всегда относились к числу самых важных вещей на свете. Чтобы убеждать себя и других в способности быть посредниками между миром людей и миром духов, отшельникам требовалось демонстрировать чудеса, то есть совершать какие-то действия, недоступные обычным людям.

Отсюда берет начало «путь огня и воды» (хакудо). Он заключался в следующем: посещать те места в горах, где якобы живут «ками», и там поклоняться им, совершая особые ритуалы. Если поклонение происходит «правильно», то довольные духи обязательно поделятся со служителями культа (ямабуси) частью своей силы и своих планов. Вот и вся идея. Разумеется, местами обитания «ками» оказывались такие уголки, где бросалась в глаза прорывающаяся наружу энергия земли: вулканы, гейзеры, водопады, ключи и озера, питающиеся донными источниками, чудовищные нагромождения скал и т.п.

Поклонение с помощью огня сводилось к эффектному хождению босиком (хиватари) по раскаленным углям священных костров «гома». Костры эти, если их разжигали в подходящих местах, из подходящих пород древесины, под аккомпанемент соответствующих заклинаний, привлекали через пламя силу духов гор, известную под названием «икёй». Оставалось лишь настроиться должным образом и, продолжая произносить заклинания, походить какое-то

время по дышащему жаром кострищу, «впитывая» данную силу в себя. Для большего впечатления зрителей ямабуси иной раз прибегали к дополнительным трюкам. Простейший из них — выдувание огня изо рта. С этой целью тлеющий уголек помещали в полую скорлупу ореха, просверленного с двух сторон. В нужный момент (в темноте ночи) достаточно было дунуть в одно отверстие, как с другой стороны ореха вылетал целый сноп искр. (Трюк этот очень древний, им успешно пользовался когда-то сириец Эвн, вождь грандиозного восстания рабов на острове Сицилия в 138—132 гг. до н.э.).

Поклонение с помощью воды заключалось, прежде всего, в стоянии под водопадом, низвергавшимся с высоты прямо на голову отшельника, непрерывно бормочущего заклинания. Такая процедура называется «такисутё». Другой вариант водных «богослужений» ямабуси представлял самое настоящее «моржевание» — купание зимой в ледяной воде («мисоги»). И первое и второе мероприятие не ограничивалось двумя-тремя минутами, а занимало иной раз до часа! Во избежание окоченения требовалось отождествлять себя с огнем, вызывая такой жар в теле, чтобы вокруг отшельника, погруженного в воду немного выше пояса, клубился пар! (Этот метод очень похож на «туммо» — первый из шести способов достижения просветления, практикуемых йогами тибетской секты «кагьюдпа»).

Что касается стояния под водопадом, то оно вело к просветлению психики (либо к ее помрачению, что тоже случалось) самым коротким путем. Слишком сильное воздействие оказывает на головной мозг человека поток ледяной воды, непрерывно долбящий макушку. Кто сомневается — пусть попробует постоять хоть пять минут в душе под максимальным напором холодной воды из трубы со снятым раскателем. Как установлено современной наукой, успешное хождение по раскаленным углям, длительное пребывание в холодном водоеме или под холодным водопадом без вредных последствий возможно только за счет измененных состояний сознания, вовлекающих в действие «скрытые» (или «резервные») возможности человеческого

организма. Именно благодаря им отшельники и зрители наглядно убеждались в успешности магического ритуала. Путь огня и воды и сегодня рекомендуется тем, кто практикует ниндзюцу в соответствии с древними традициями.

* * *

КОКИО-ХО. Упомянувшийся ранее Энно Одзуну, познакомившись с китайскими методами достижения измененных состояний сознания, не мог не оценить их достоинств. Ведь они позволяли входить в транс (который мистики всех времен и народов однозначно трактуют как прямой контакт с высшими силами) без поиска сухих дров и водопадов с оптимальным напором воды. Оказалось, что тех же результатов можно добиваться не выходя из своей хижины. Тем не менее, достижение трансоподобных состояний дыхательно-энергетическими упражнениями значительно повышает способность организма переносить любые экстремальные воздействия без ущерба для себя. Например, ходить босиком по огненным углям или мокнуть зимой в холодном водоеме. Такие методы в настоящее время широко известны как цигун. Но в Средние Века они хранились в тайне от непосвященных, ибо считались средством приобщения к богам, поэтапного обретения их совершенства и могущества, находившего внешнее выражение в различных «чудесах». Да и самого термина «цигун» тогда не было.

Главное в дыхательно-энергетических упражнениях не дыхание (хотя все они тесно связаны с управлением газообменом), а самовнушение, превращающееся в самогипноз. Ведь что такое «работа с энергией»? Это мысленное (точнее, образное) представление процесса циркуляции энергии между человеком и окружающим миром, а также внутри человеческого тела. Как можно ощутить поглощение энергии «ки» из земли и воды, воздуха и огня, кристаллов и драгоценных металлов, деревьев и живых существ? Только внушив это себе (разумеется, связывая мысленные образы с физиологическими ощущениями тока крови и

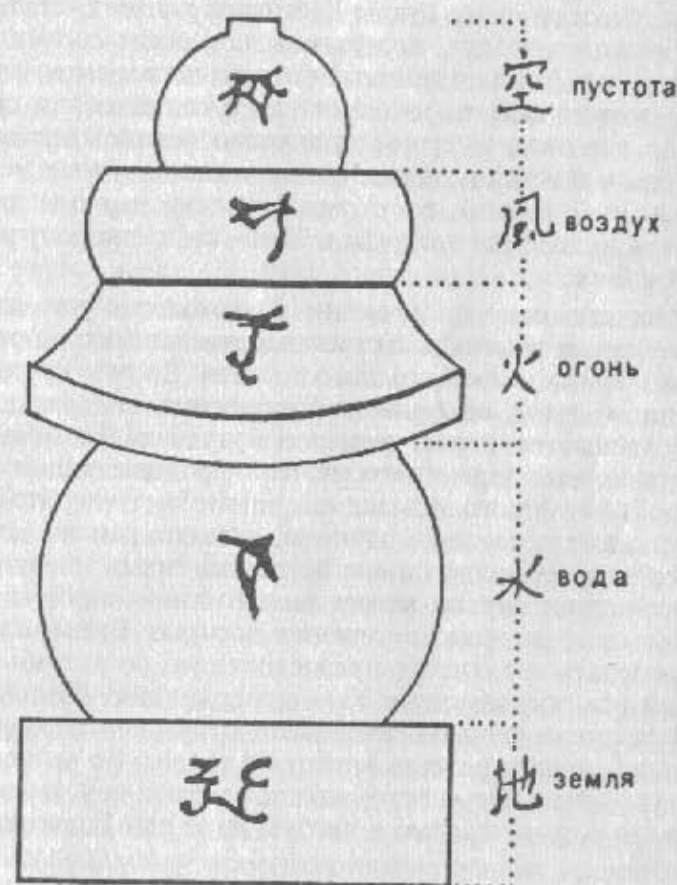
лимфы, напряжения и расслабления мышц). А в результате человек, практикуя то, что сейчас называют цигуном, «ощущает» как энергия поглощается им извне, как она накапливается внутри живота (в центре «тандэн»), как направляется наружу. Самое же любопытное во всей этой механике то, что «работа с энергией» действительно усиливает возможности «энергетика» врачевать себя и других, отражать агрессивные поползновения окружающих, и делать многое другое.

Китайские монахи «люгай» владели различными методами цигуна. Все они так или иначе сводились к трем видам практики: регулированию сознания, регулированию дыхания, регулированию положений тела и конечностей. Многие из них вошли в арсенал ниндзюцу под именем «кокуюхо». Ниндзя применяли оригинальные китайские техники, а также собственные разработки в очень широком спектре. В частности, для интуитивного восприятия намерений других людей, для улучшения адаптивных возможностей в ситуациях выживания, для врачевания своих и чужих недугов, для повышения эффективности действий в бою, во время бегства либо преследования кого-то...

* * *

Тантрическая буддийская секта «Сингон» (Истинное слово) была создана Кукаем в первой половине IX века. Квинтэссенция ее доктрины выражена в названиях главных сочинений основателя: «Смысл учения о том, как стать Буддой в этом теле» и «Рассуждения о ступенях сознания».

Центральная идея «сингон» сводится к тому, что Вселенная есть не что иное, как космический будда Дайнити (на санскрите — Махавайрочана). Основными проявлениями космического будды (мы сказали бы «формами существования материи») являются так называемые «первозлементы» (или «первостихии») — мысль, пустота (пространство), воздух, огонь, вода и земля. В свою очередь, каждый первозлемент имеет множество разновидностей, обладает колоссальным числом качеств. Вступая друг с другом во все-

Символическое изображение Пяти Первоэлементов в учении Сюэндо

возможные связи, первоэлементы образуют реальный мир физических и психических явлений, процессов, состояний.

Логика Кукая и его последователей была следующей: мысль вселенского будды Дайнити рождает пустоту, пустота рождает воздух, воздух рождает огонь, огонь рождает воду, вода рождает землю. Употребляя современные термины, можно сказать, что речь идет о космическом пространстве, где материя существует в газообразном, плазменном, жидком и твердом виде. Что же касается начала всех начал (мысли Дайнити), то это мистический вариант пантеизма (отождествления природы и бога), когда природу растворяют в боге.

Кстати говоря, современная космология утверждает, что Вселенная возникла 20 миллиардов лет назад в результате так называемого «Большого взрыва». До него существовало лишь «нечто», объемом не более атома, содержащее в себе все вещество и всю энергию будущего Космоса! В ходе расширения первичного «нечто», продолжающегося до сих пор, сформировались элементарные частицы, атомы, газы, плазма (т.е. звезды), планеты, галактики и их скопления. Все эти процессы описываются законами физики, за исключением первых малых долей одной секунды с начала Большого взрыва, в течение которых Вселенная успела проделать эволюцию, превосходящую богатством изменений все последующие 20 миллиардов лет! Данная теория, доказанная фундаментальными открытиями современной науки, просто не укладывается в голове! Во всяком случае, первоначальное «нечто» можно считать чем угодно, в том числе богом, мыслью в чистом виде или Вселенским Буддой.

Конечно, теоретики Сюэндо не знали таких понятий как «Большой взрыв», элементарные частицы, агрегатные состояния вещества. Их схема выглядела намного проще. Они рассуждали по аналогии: «какова Вселенная (макрокосмос), таков и человек (микрокосмос). Устройство того и другого, механизмы функционирования одинаковы. Поэтому знание принципов бытия давало им ключ к пониманию любых явлений природы, любых человеческих деяний.

Например, первоэлемент «земля» (дзи) присутствует в человеке в виде твердых тканей тела — костей, зубов, нервов, сосудов, мышц, связок, волос, ногтей, кожи, плотных внутренних органов. Первоэлемент «вода» (суй) отождествляется с кровью, лимфой, слезами, потом, мочой, а также «отвечает» за подвижность и гибкость тела. «Огонь» (ка) — это тепло, производимое телом в процессе обмена веществ и еще та самая «внутренняя энергия», которая обуславливает существование всех живых и неживых объектов. «Воздух» (фу) соответствует дыханию, полым органам внутри тела, газам внутри них. Наконец «пустота» (ку) олицетворяется в голосе, речи, общении, понимании других людей.

Иными словами, все физические и психические аспекты человеческого существования — это различные проявления Вселенского Будды. Следовательно, каждый человек обладает качествами всезнающего и всемогущего Дайнити, ведь он — одна из мельчайших его частиц, несущая в себе свойства целого. Однако сознание человека «омрачено» неведением своей «истинной» сущности, поэтому «качества будды» пребывают в нем в скрытом виде — как потенциальные возможности. Если удастся осознать их в себе и научиться использовать, то можно вырваться из мира «сансары» и стать бодхисаттвой в течение одной человеческой жизни.

Обретение способностей к «чудесам» как раз и свидетельствует об успешной реализации программы превращения в будду «в этом теле». Правда, среди перечисляемых в тантрическом буддизме чудес значится немало совершенно фантастических, вроде способности мгновенно перемещаться в любую точку пространства без всяких технических устройств. Но есть и более реальные, например, умение подчинять своей воле окружающих (имеется в виду гипноз) или уже упоминавшееся «хождение по огню». Несложно понять, что адептов ниндзюу особенно привлекала именно эта часть доктрины Сингон.

До сих пор речь шла о «явной» части учения Кукая, открытой для всех. «Тайная» часть заключается в детальном описании способов и приемов выявления в себе и исполь-

зования потенциалов Дайнити. Здесь исходной была идея о том, что активность Космического Будды проявляется тро-яко: в мысли (т.е. в созерцании им самого себя), в речи (т.е. в издаваемых им звуках) и в движении (т.е. в изменениях положений его тела). Поскольку макрокосмос и микрокосмос устроены одинаково, постольку для развития сверхъестественных способностей человек должен подражать мысли, речи и движениям Дайнити, тем самым «пробуждая в себе Будду». Это и есть «три таинства» (санмицу) тантрического буддизма Ваджраяны (санскрит): созерцание определенных объектов (янтр), символизирующих Вселенского Будду, произнесение особых звуков (мантр) — «слов Будды» и принятие определенных поз либо осуществление определенных жестов (мудр) — «имитация движений Будды».

* * *

Здесь надо сделать небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о тантризме. Само слово «тантра» на санскрите, литературном языке древней Индии, обозначает «хитросплетение, сокровенный текст». Тантрами называют тексты, излагающие тайные учения вишнуитских, шактистских и шиваитских сект в Индии, а также буддийских сект Ваджраяны («Алмазной колесницы») в Тибете, Китае, Корее и Японии. Соответственно, тантристы — это последователи таких сект.

Общей для всех их является идея об энергетической сущности мироздания, тождественной высшему духовному началу — Вишну, Шакти, Шиве или Махавайрочане (Дайнити). Тантристы считают, что весь материальный мир, включая людей и животных, существует лишь потому, что высшее духовное начало проявляет активность. Или, другими словами, за счет способности энергии к разнообразным превращениям. Любой материальный объект — от звезд и планет до мелких песчинок, крохотных букашек и капелек дождя — всего лишь больший или меньший сгусток энергии. Стоит этой энергии исчерпать себя, и данный

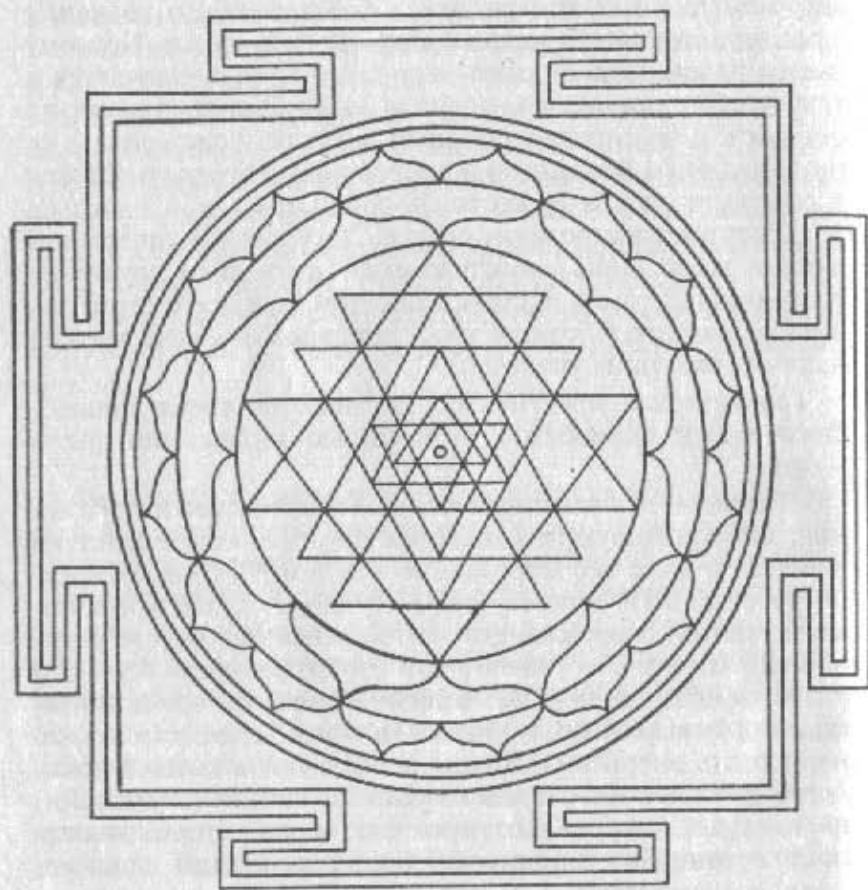
объект превращается во что-то иное. Например, умерший человек рассыпается в пыль.

С позиций тантризма вибрации (или пульсирование) мировой энергии и активность божественного сознания (высшего духовного начала) суть одно и то же. Поэтому смысл человеческой жизни для тантристов заключается в том, чтобы посредством специальной практики научиться ощущать в себе пульсацию этой энергии, подстраивать ее ритм под ритм Вселенной и в конечном итоге растворяться в сознании своего Божества подобно тому, как капля воды исчезает в огромном океане. Пресловутые тантры являются всего лишь «конспектами» (ни в коем случае не полными текстами) инструкций о том, как всего этого добиться. Так что тантризм в обязательном порядке требует наличия сведущих учителей.

Тантрическая практика осуществляется тремя взаимосвязанными способами: с помощью янтры, мантры и мудры.

«Янтра» — это условный знак, схематическое изображение, символизирующее космическую (т.е. божественную) энергию и даже все мироздание в целом. Будучи конкретно-чувственным образом (т.е. рисунком, скульптурой, архитектурным сооружением), янтра реализует вместе с тем полный отрыв изображения от изображаемого. Ведь она является абстракцией, символизирующей то, что принципиально невыразимо в образах (в самом деле, как можно нарисовать энергию?). Янтры используют в качестве объектов йогического сосредоточения сознания (медитации) на мандалах (священных картинах), через которые постигают истинную сущность бытия. Или, иными словами, осознают энергетическое устройство Вселенной (что, кстати, чрезвычайно близко концепциям современной науки, трактующей мир через понятия различных видов энергии и их полей).

«Мантра» («дзюмон» по-японски) — это магическая словесная формула, обычно не имеющая никакого семантического значения. Мантры состоят не из слов, а из наборов различных звуков. Они близки к заклинаниям, но в них

Шри Янтра, символизирующая Вселенную и вечное время

имеет значение не смысл слов (смысл отсутствует), а само произнесение звуков, вызывающее в человеческом организме вибрационные колебания (резонанс). В свою очередь, эти колебания воздействуют на головной и спинной мозг, изменяя психическое состояние человека. Одна из наиболее известных мантр звучит примерно так: «Аум манн пад'мм хумм» (часто эти «слова» переводят как «О ты, сокровище, сокрытое в лотосе», однако подобный «перевод» говорит лишь о незнании традиции).

«Мудра» — («кэцуин» по-японски) — это «печать». Так называют определенные позы тела и жесты рук, положения ног, сплетения пальцев, повороты головы, символизирующие единство тела и духа, Бога и человека, крохотной капельки энергии и мирового энергетического океана. Мудры как бы скрепляют мысленные образы и магические формулы в единое целое. Благодаря им становится возможным перенос космической (божественной) энергии с объекта созерцания на субъект, т.е. на медитирующего человека.

Вообще говоря, известны две основные разновидности тантризма: «левой руки», сводящийся преимущественно к сексуальной практике, и «правой руки», культивирующий боевые искусства. В Китае, Корее и в Японии получил наибольшее распространение второй вариант. В этой связи надо напомнить, что учение Кукая было привезено им из Китая. Там оно было известно под названием «школа мантр» (Чжэньян-цзун), однако особого распространения не получило. В Японии судьба данной школы оказалась гораздо более счастливой. Секта Сингон существует по сей день, и имеет сотни тысяч последователей.

* * *

Итак, **ПОДРАЖАНИЕ МЫСЛИ** будды Дайнити понимается в Сингон (а соответственно и в Сюэндо) как созерцание «мандал» — священных диаграмм (янтр), изображающих истинную сущность бытия. Это своего рода «карты Вселенной», но не в географическом понимании термина,

а в смысле схемы энергетических уровней бытия (всего их 31). Каждый уровень представляет одно из воплощений Махавайрочаны-Дайнити. Но как географическая карта ничего не говорит тому, кто не знаком с ее условными обозначениями, так и мандала (по-японски «энрики») ничего не скажет людям, не посвященным в буддийское учение и его символику. Ведь любой символ мандалы имеет конкретное значение, а кроме того надо знать правила ее «чтения».

В секте «Сингон» известны различные мандалы. Однако адепты Сюэндо используют только две из них, взаимно дополняющие друг друга. Это Тайдзокай — «сфера чрева хранилища», отображающая сущность материального мира, и Конгокай — «сфера неразрушимого», символизирующая духовный мир. Сначала адепт должен осознать себя внутри Тайдзокай и, растворившись в ней, пройти шаг за шагом все 11 уровней чувственного (материального) мира. Затем через специальное связующее звено («ворота») ему следует перенестись оттуда в Конгокай. Там ему необходимо по очереди воспроизвести в сознании 16 уровней иллюзорного мира форм и достичь состояния Просветления («самадхи» на санскрите, «сатори» по-японски). Сатори означает вхождение в сферу «чистой мысли», тождественной будде Дайнити. В этой сфере существуют еще 4 уровня иерархии, но для их постижения мандала уже не требуется.

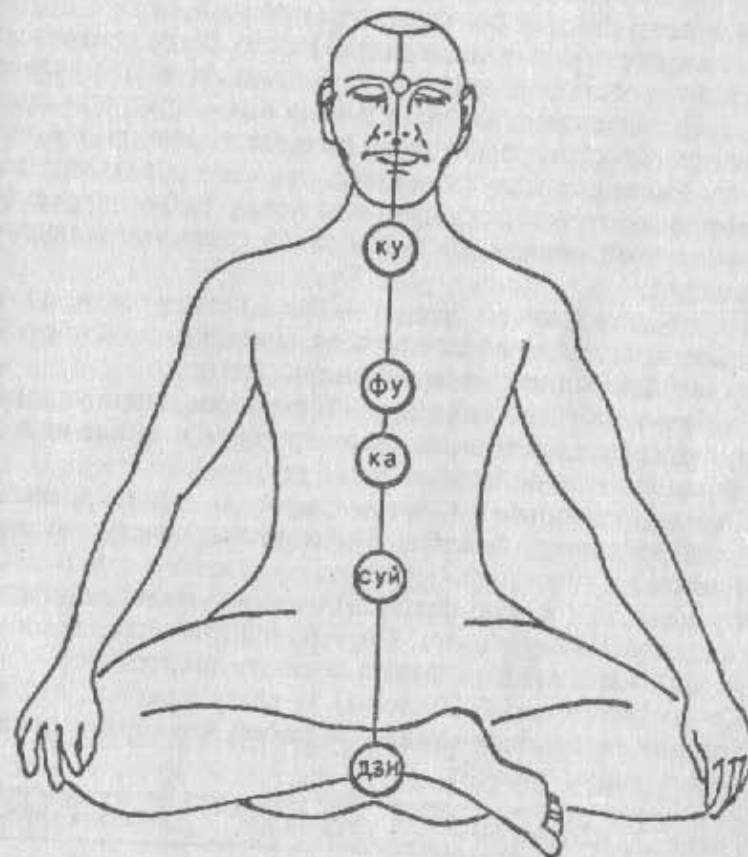
Однако видение внутренним взором в состоянии сатори истинной сущности Вселенной, что равнозначно обнаружению в себе «природы будды Дайнити» — только первая половина дела. Вторая, как уже сказано выше, сводится к тому, чтобы научиться использовать обусловленные ею сверхъестественные возможности. И тут не обойтись без работы с различными видами энергии. Уяснив и прочувствовав энергетику макрокосмоса, адепт Сингон и Сюэндо должен был уяснить и прочувствовать энергетику своего собственного организма — микрокосмоса.

Элемент	Чакра (нервное сплетение)	Фигура	Цвет	Мантра	Палец	Качество	Чувство	Направ- ление
Земля (дзи)	Муладхара (plexus pelvis)	Квадрат	Красный	Лаум	Мизинец	Твердость	Обоияние	Юг
Вода (суй)	Свадхистана (plexus epigastrius)	Круг	Оранжевый	Ваум	Безы- мянный	Тскучесть	Вкус	Восток
Огонь (ка)	Манипура (plexus solaris)	Треугольник	Желтый	Раум	Средний	Агрессивность	Зрение	Запад
Воздух (фу)	Анахата (plexus cordialis)	Полукруг	Зеленый	Йаум	Указа- тельный	Изменчивость	Осязание	Север
Пустота (ку)	Винудха (plexus cervicis)	Точка	Голубой	к'Хаум	Большой	Созидатель- ность (вариатив- ность)	Слух	Центр

У человека каждому из пяти первоэлементов соответствует свой собственный энергетический центр. Все они расположены на условной вертикали перед позвоночником и соотносятся (по принципу всеобщей связи в природе всего со всем) с определенными атрибутами (цветом, формой, звуком, каналом протекания «ки» и т.д.). Фактически данные центры совпадают с чакрами, известными в индо-буддийской йоге. Перечислим их по порядку снизу вверх:

Дзи — центр Земли (Муладхара-чакра) расположен в промежности, между копчиком и лобковой костью. Он связан с мизинцами рук, символически изображается квадратом, а его энергетический потенциал выражается красным цветом. В человеческой психике влияние данного центра проявляется эмоциями спокойствия, уверенности. Суй — центр Воды (Свадхистана-чакра) расположен в нижней части живота, на уровне крестца. Связан с безымянными пальцами, оранжевым цветом, символ — круг, влияет на способность приспосабливаться, изменяться. Ка — центр Огня (Манипура-чакра) находится в области солнечного сплетения, по форме — треугольник, связан со средними пальцами, выражается в желтом цвете, обуславливает агрессивность. Фу — центр Воздуха (Анахата-чакра) совпадает с нервным сплетением в районе сердца, его влияние на психику выражается в доброжелательности, окрашивается в зеленый цвет. Он имеет отношение к указательным пальцам, его символ — полукруг. Наконец. Ку — центр Пустоты (Вишудха-чакра) расположен в горле, проявляется в созидании нового, связан с большими пальцами, окрашивает пространство в голубой цвет, изображается точкой. Каждому такому центру соответствует строго определенная мантра.

(Важно отметить, что концепция пяти «великих первоэлементов» тантрического буддизма не совпадает с теорией «пяти первоэлементов» китайского даосизма. Там и элементы другие (вместо Воздуха и Пустоты — Дерево и Металл), и набор связанных с ними качеств иной).

Психические центры первоэлементов в теле человека

В человеческом организме та же «логика» превращений энергии, что и в Космосе. Все начинается с мысли. Мысль «берет» космическую (божественную) энергию «ки» извне и помещает ее в центре «тандэн» («накапливает» с помощью самовнушения и дыхания). Потом, когда требуется, извлекает ее оттуда и направляет в один из пяти центров стихий (первозлементов). Каждый из них «помогает» проявлять те качества, за которые «отвечает». Например, вот как вся эта «механика» отражается на манере ведения боя (независимо от того, сражается человек голыми руками, мечом, палкой, ножом, или «давит» на противника психологически):

Дзи-но-ката (способ Земли) — боец несокрушим, словно скала во время морского прилива. Любой натиск противника разбивается как бы о каменную стену:

Суй-но-ката (способ Воды) — боец непрерывно уклоняется, изматывая противника и контратакуя в самые неподходящие для того моменты;

Ка-но-ката (способ Огня) — яростные, неукротимые атаки. Противнику кажется, будто на него наступает лесной пожар;

Фу-но-ката (способ Воздуха) — боец подобен вихрю, кружащемуся вокруг врага. Он теряется, не зная, какое из движений нападающего ложно, а какое смертельно;

Ку-но-ката (способ Пустоты) — врагу кажется, что его противник бездушный механизм, робот, чье поведение абсолютно непредсказуемо.

Стихия	«Центры силы»	Работа ног	Движения корпуса
Земля	Бедра и ягодицы	На месте и перенос веса с ноги на ногу	Вверх и вниз
Вода	Нижняя часть живота	Шаги в сторону и по диагонали	В стороны от линии атаки
Огонь	Солнечное сплетение	Скольжение, выпады	Вперед и назад
Воздух	Область сердца	Повороты	По кругу и повороты

Принципиально важно то, что за «энергетическими» терминами скрываются измененные состояния сознания, управляющие тактико-техническими действиями в экстремальных ситуациях (в том числе в бою). Ниндзя не играли в стихии, они в самом деле внутренне становились ими — через образы, воплощающие конкретные проявления этих элементов бытия. Таким способом они «отключали» свое сознательное «Я» и переходили к действиям на «автомате».

Кстати говоря, первозлемент Ку (пустота) по их представлениям связан с образом мифического «прародителя и покровителя» ниндзя, вороном-оборотнем Тэнгу. И подобно тому, как пустота порождает любой из четырех первозлементов, так и Тэнгу мог принимать облик любого существа, соотносящегося с тем или иным первозлементом. Тут и великан Фудо-мё (одно из проявлений Земли), и небесный воин Мариси-тэн (Ветер, или Воздух), и черт из буддийского ада Ониби (Огонь), и целый ряд других.

В результате ниндзя как бы заимствовал те психические и физические качества, которые считались присущими этому черту, оборотню или зверю — огромную силу, удивительную гибкость, невероятную быстроту движений, нечувствительность к боли, к усталости...

* * *

ДЕВЯТИСТУПЕНЧАТАЯ МЕДИТАЦИЯ — в учении сюгэндо число 9 считалось священным. Соответственно, каждая цифра имела там определенный мистический смысл. Так, единица отождествлялась со Всеохватывающим Единством (Тайки-оку), двойка — с полярными принципами бытия (ин-ё-до), тройка — с тремя вселенскими началами: землей, небом и человеком (дзи-тэн-хин). Числу четыре отвечали четыре проявления сухого (большое Ин и малое Ё, большое Ё и малое Ин). Пятерка символизировала пять первозлементов, шестерка — шесть видов координаций, семерка — семь звезд Большой Медведицы, восьмерка — восемь триграмм. Число девять означало сочетание четырех проявлений и пяти первозлемен-

тов, а также окончательное постижение истины в сочетании ее телесного, умственного и духовного компонентов.

Теория различных ступеней сознания (точнее, психических состояний индивида) детально разработана в буддизме. Так, путь бодхисаттвы разделен на 5 этапов: десять ступеней веры, десять ступеней укрытия, десять ступеней деяний, десять ступеней рвений, и «десять обретаемых земель». Но теоретикам сюэндо хватило всего девяти уровней концентрации сознания.

Первая ступень — это осознание бренности человеческого тела, ограниченности телесных возможностей. Размышляя об этом, надо было полностью осознать и увидеть в конкретных образах насколько слаб, несовершенен и беспомощен человек, свыкнуться с мыслью о тысячах болезней и случайностей, которые могут разрушить (и рано или поздно обязательно разрушат!) хрупкую телесную оболочку. Надо было мысленным взором пристально рассмотреть весь процесс собственного увядания и неизбежной смерти. В том числе «увидеть» свой собственный раздутый труп, трупные пятна на нем, кровавые пятна, изъеденные червями куски тела, обглоданный скелет и т.д.

Вторая ступень — это уяснение того факта, что органы чувств дают нам неадекватное восприятие реальности. Необходимо представить себе и прочувствовать все возможные ситуации, в которых органы чувств могут обманывать человека, вводить его в заблуждение, давать искаженную картину того, что происходит вокруг.

Третья ступень посвящена размышлениям на тему о непостоянстве и несовершенстве человеческого ума. Следовало сосредоточенно думать о том, как быстро и непоследовательно меняются у человека взгляды, вкусы, предпочтения. Как то, что еще вчера казалось драгоценным, сегодня теряет всякое значение и наоборот, сколь условно деление на приятное и неприятное, хорошее и плохое, вредное и полезное. Задача медитации данного этапа сводилась к постижению относительности любых умозаключений.

Четвертая ступень медитации предназначена осознанию собственной незначительности в масштабе Вселенной, в космическом пространстве и времени, в вечном круговороте Природы и ее стихий.

Пятая ступень представляла собой медитацию о том, как материальные факторы всех видов стремятся в этом земном мире возобладать над духовными. Задача данного этапа заключалась в избавлении от плотских желаний и обычных земных привязанностей.

Шестая ступень ставила главной задачей избавление от эмоций и чувств, возбуждаемых общением с другими людьми, в том числе с родными и близкими.

Седьмая ступень представляла собой размышление о взаимосвязях причин и следствий для избавления от ложных суждений и умозаключений.

Восьмая ступень — это осознание факта множественности проявлений первоэлементов в реальном мире, что давало избавление от ограниченности восприятия всех сфер бытия.

Девятая ступень сводилась к тому, чтобы переносясь мысленно в будущее увидеть себя в прошлом (т.е. в настоящем для медитирующего) и оценить правильность своих решений в соотношении их с дальнейшим развитием событий.

Таковы, вкратце, девять ступеней медитации, последовательно проходя через которые ниндзя обретал способность наиболее адекватного восприятия окружающего мира и даже дар предвидения. Эти замечательные качества, будучи однажды развитыми, проявлялись затем в любых ситуациях. Например, в бою, где воин, успешно прошедший все ступени медитации (что удавалось, разумеется, далеко не всем) мог вести схватку по принципу чередования «истинного» и «ложного». Эти слова означают, что медленное движение казалось противнику быстрым, неторопливость оборачивалась молниеносностью, а мягкость скрывала огромную мощь. Впрочем, на Востоке обожают давать пышные названия самым банальным вещам. Достаточно

вспомнить названия некоторых приемов: «рука, покрытая цветами», «пушечный удар трех императоров» и им подобные, чтобы не обольщаться насчет «необыкновенных способностей». Истина проста: длительный упорный тренинг под руководством опытных наставников в любой области человеческой деятельности влечет замечательные результаты!

Для ниндзи, прошедшего изощренную психофизическую и религиозно-философскую подготовку, не существовало понятий добра и зла, ибо, научившись воспринимать мир во всей его данности, он понимал условность деления на «хорошее» и «плохое». Умение «видеть» истину, освобожденную от эмоциональных и социальных оценок, позволяло ему действовать наверняка, руководствуясь не логикой, а интуицией. Ниндзя мог не верить своим глазам и ушам, но на интуицию, позволявшую проникать в самую суть любой ситуации, он полагался всегда. Вот почему закаленные в битвах, презиравшие смерть самураи нередко теряли выдержку и чувствовали себя беспомощными, сталкиваясь с мастерством воинов-теней...

* * *

Даже беглое знакомство с фрагментами учения «Сюгэндо» показывает, что оно представляет детально разработанную и весьма сложную доктрину, отвечающую абсолютно на все вопросы практической жизни. Но это учение находится чрезвычайно далеко от понятий и стереотипов, циркулирующих в сознании современного человека Запада. Достаточно сказать, что в основе западной цивилизации лежат три древности, принципиально отличающиеся от буддизма, синто, даосизма. Это иудейская религия (христианство), греческая культура (наука, искусство, политика, коммерция) и римское право, инженерия, военное дело. Менталитет людей Востока и людей Запада различен, не говоря уже о наивности и ограниченности древних учений. Поэтому попытки «вбивать» себе в голову «на полном се-

рье» мистические доктрины японского средневековья могут закончиться только одним: превращением в пациента психиатрической клиники.

БОЕВАЯ МАГИЯ ВОИНОВ-ТЕНЕЙ

Как свидетельствуют легенды и старинные картины, ниндзя мог в критический момент исчезнуть прямо на глазах у всех, словно растаяв в воздухе. Для этого ему было достаточно зажать в зубах свиток с волшебными заклинаниями и по-особому переплести пальцы. Вера в то, что подобные чудеса возможны, является отголоском учения «сюгэндо», утверждающего, что подражая действиям вселенного будды по определенным правилам, детально разработанным в сюгэндо, можно обрести сверхъестественные способности и с их помощью выпутаться из самой отчаянной ситуации.

Итак, весь мир в целом и каждая его частица в отдельности созданы взаимодействием первородных начал — элементов. Каждый из них обладает собственным энергетическим потенциалом. Пустота (ку) — созидательностью и протяженностью, Ветер, или воздух (фу) — подвижностью и мощью, Огонь (ка) — агрессивностью и неукротимостью, Вода (суй) — податливостью и текучестью, Земля (дзи) — постоянством и устойчивостью. Поскольку человек тоже часть мироздания, все эти виды энергии присутствуют и в нем. Задача заключается, во-первых, в том, как их пробудить в себе (осознать, ощутить) и, во-вторых, как применить в бою.

Кроме перечисленных в предыдущей главе чакр, в организме человека есть также центр, в котором накапливается космическая энергия «ки». Он называется «тандэн» и расположен в глубине живота в районе пупка. Как и центр Пустоты (Вишудха-чакра) он связан с большими пальцами рук. Из тандэн берется основная энергия для действий,

которая затем как бы «пропитывается» качествами используемого первоэлемента. Для осознания и тренировки этого центра создан ряд методик. Вот одна из них: дыхательные упражнения сочетать с образным представлением энергетического ступка в виде шара, пульсирующего внутри живота в ритм с дыханием. На вдохе шар как бы расширяется, на выдохе — сжимается.

Похоже выглядят методики, разработанные для осознания и развития энергетических центров первоэлементов. Вот одна из них. Примите позу лотоса, или позу дза-дзэн, если лотос недоступен. Сосредоточьтесь на своем дыхании. А затем представьте, что на уровне основания позвоночника ваше тело окружено ослепительно ярким красным облаком. Делая глубокий спокойный вдох (тип дыхания — брюшной), постарайтесь «увидеть», как это облако сжимается в горизонтальной плоскости и заполняет собой квадратную форму где-то внутри тела, в районе Муладхара-чакры. На выдохе квадрат опустошается, а вокруг тела снова разворачивается плоское красное облако. Выдох сопровождается произнесением резонирующей мантры «лаум». Делайте это упражнение без напряжения, не форсируйте, основное внимание обращайтесь на его ритмичность и на образное представление свертывания и развертывания облака. Это «земля».

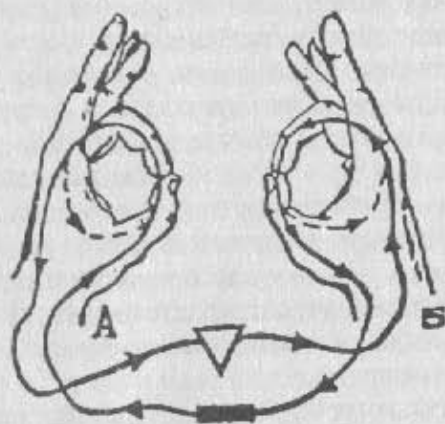
Тренируя центр Воды (Свадхистана-чакру), вытягивайте на вдохе в нижнюю часть живота оранжевое облако, а на выдохе произносите мантру «ваум». Треугольный центр Огня (Манипура-чакру) тренируют с помощью облака желтого цвета и мантры «раум». Полукруглый центр Воздуха (Анахата-чакру) ощущают и развивают с помощью зеленого облака и мантры «йаум». Наконец, шарообразный центр Пустоты (размером с маленькую горошину, почти точку) «питают» облаком голубого цвета, в сочетании с мантрой «к'хаум». Время на проработку одного центра от 5 до 15 минут, главное здесь — не переусердствовать.

Осознав стихийные центры, надо связать их с конкретными воплощениями, взятыми из реальной жизни. В каче-

стве таковых целесообразно использовать яркие образы природы: лесной пожар, мощную волну, огромную гору, ураган, бездонное пространство и тому подобное. Выбрав подходящие образы, надо очень отчетливо представить каждый из них и «втянуть» на вдохе в соответствующий центр для того, чтобы на выдохе «пропитать» им все тело, которое становится при этом как бы воплощением конкретной стихии. Тренировки подобного рода лучше всего проводить перед сном, погружаясь в него не человеком, а тем, что согласно вашему выбору олицетворяет данную стихию. Проснувшись утром, следует «стянуть» эту стихию назад в центр, а потом с выдохом «выбросить» ее из себя, снова «стать человеком».

Следующий этап тренировки — создание каналов связи между стихийными центрами и соответствующими им пальцами. С этой целью обычно применяют так называемое «дыхание через пальцы». Иными словами, на вдохе как бы вытягивают извне некую субстанцию в кончик нужного пальца и проводят ее к своему стихийному центру, а на выдохе выбрасывают через одноименный палец другой руки. Отработав данное упражнение, переходят к следующему, направленному на подключение центра стихии к центру жизненной энергии. Для этого, расслабив кисть встряхиванием, совмещают кончик большого пальца с кончиком пальца соответствующего стихийного центра. Потом образно представляют себе течение энергии между «тандэн» и этим центром через кольцо, образованное указанными пальцами. В левой руке энергия течет от «тандэн» к стихийному центру, в правой — наоборот (см. рисунок). Чтобы проверить действенность созданного вами кольца стихийной силы, попросите кого-нибудь разорвать его руки. Если это не удастся, вы на верном пути.

Полное взаимодействие между центром жизненной энергии и желаемым стихийным центром осуществляется простым сцеплением соответствующих колец левой и правой руки, как это показано на рисунке, изображающем завершенное «кольцо огневой мощи» (ка-но-рин). В бою,

Кольцо «стихийной силы» (вверху) и «огневой мощи» (внизу)

точнее в его начальной фазе, ниндзя прежде всего образно представлял себе желаемый результат столкновения (убийство, отключение сознания, обездвиживание, устрашение и т.д.). Мгновенно из подсознания всплывал необходимый образ (например, пожара, урагана, обвала, лавины, волны, смотря что избрал боец в процессе тренинга). Одновременно ниндзя делал требовавшееся в данном случае пальцевое сплетение и произносил мантру. Тем самым он замыкал на «тандэн» энергию задействованного стихийного центра, или, говоря современным языком, запускал определенную программу в своем биокomпьютере. Все остальное происходило как бы само собой.

* * *

Выполняя задание, ниндзя обычно сохранял состояние Пустоты, позволявшее ему мгновенно реагировать на неожиданное нападение, вообще на любое нежелательное изменение ситуации. Таким образом, бой Пустоты считался основным видом боевой тактики. Отличительной его особенностью является эмоциональная отрешенность от происходящего, вследствие чего у противника возникает ощущение, что он сражается не с живым человеком, а с равнодушной и безжалостной высшей силой. Любые попытки, направленные на то, чтобы напугать, разозлить или удивить ниндзю, оказываются совершенно бесполезными. По существу, бой Пустоты совпадает с дзэнскими представлениями о том, каким должно быть сознание воина, всегда и везде готового к смерти.

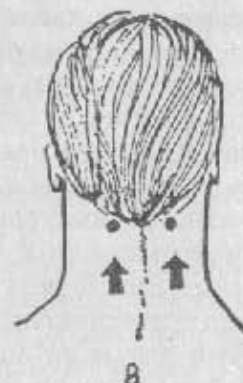
Рассмотрим в этой связи методику медитации Пустоты. Ее назначение — в очищении ума от помех обыденности, приведении разлаженных систем организма в синхронизм и слиянии сознания с космическим бытием. Ученик обретает уверенность в себе, хладнокровие, мгновенную реакцию, интуитивное понимание людей и ситуаций. Постоянные занятия такой медитацией приводят к сокращению времени сна, необходимого для восстановления сил, улуч-

шению ночного зрения и обострению всех воспринимающих чувств, включая ощущение надвигающейся опасности.

Приступая к практике, выберите тихое, спокойное, слабо освещенное место, памятуя о том, что расположение его может как затруднить, так и облегчить медитацию, причем площадка, подходящая для одного упражнения, может не соответствовать другому. Для медитации Пустоты используют так называемые «места жизни», определяемые либо по предпочтительности их животными (чаще всего собакой), либо опытным путем по собственным ощущениям, либо с помощью современной методики, скажем, снятия биопотенциалов с человека.

Постелите соломенную циновку, шерстяное одеяло или шелковый платок (лишь бы не синтетические материалы). Освежите холодной водой лицо и руки и прополощите рот. Сядьте на коврик и, согнув в колене правую ногу, подведите ее ступню под левое бедро; стопу левой ноги разместите сверху, между бедром и голенью правой ноги. Выпрямите позвоночник, расправьте грудь, слегка наклоните книзу лицо и кончиком языка коснитесь нёба у верхних зубов. Не вкладывайте в позу никакой силы, но следите за тем, чтобы спина не горбилась. Кисти рук располагаются у паха, причем правая складывается в кулак, а левая обхватывает этот кулак спереди так, что большие пальцы (левый над правым) скрещиваются сверху. Если такое положение рук вызовет ощутимый дискомфорт, кисти следует поменять местами. Полуприкрытые глаза отрешенно смотрят на кусок черной материи (с замкнутой белой дорожкой), расположенный примерно в метре перед вами. Эта позиция называется «ханка», и в ней важно обрести ощущение удобства (рис. А) В упрощенном варианте используется положение со скрещенными ногами (рис. Б).

Приняв медитационную позу, обратите внимание на легкость носового дыхания. Здоровый человек дышит преимущественно одной ноздрей, через несколько десятков минут переключаясь на другую. Дыхание каждой ноздрей активизирует свои районы мозга и, соответственно, улуч-

Технические приемы медитации пустоты

шает или ухудшает определенные возможности организма. Дыхание через левую ноздрию (ин), например, обостряет слух и нюх и применяется в техниках проникновения, а дыхание через правую ноздрию (ё) способствует активным физическим действиям и полезно при тренинге или в схватке.

Обычным методом переключения дыхания с одной ноздри на другую является блокировка активного легкого, для чего, например, можно лечь на бок (одноименный с действующей ноздрей) в результате через несколько минут дыхание переключится само собой, автоматически. Для ускорения этого процесса под бок следует подложить локоть и вдыхать, лежа, нижней ноздрей, а выдыхать верхней. Навык быстрого переключения дыхания вырабатывается, если периодически затыкать одну из ноздрей ваткой и, сосредоточиваясь на движении воздуха, связывать это со словами «дыхание ин» или «дыхание ё», в зависимости от того, какая ноздря свободна. Конечная цель — обретение способности переключать дыхание легким изгибом корпуса в блокируемом направлении и мысленным произнесением формулы соответствующего дыхания.

Момент переключения дает короткий период времени, когда ноздри действуют примерно одинаково; именно этот промежуток необходимо для медитации Пустоты. Чтобы поддержать это состояние, надавите на две симметричные точки в центрах подзатылочных впадин на шее (рис. В).

Следующий шаг — поочередное дыхание через одну ноздрию, цель которого — снятие возможного напряжения и уравнивание психических и физических сфер организма. При выполнении этого упражнения зажмите большим пальцем правой руки правую ноздрию (рис. Г) и медленно вдохните через левую. Затем освободите правую ноздрию и перекройте мизинцем с безымянным пальцем левую (рис. Д), сократив одновременно мышцы промежности. Выдержав паузу, сбросьте напряжение и выдохните через правую ноздрию, потом ею же сделайте и очередной вдох. Завершая цикл, задержите дыхание и выдохните через

левую ноздрию. Вдыхать следует на 5 счетов, дыхание задерживать на 10, выдыхать на 5.

Выполнив три цикла предыдущей фазы, верните руки в исходное положение и обратите внимание на рисунок своего дыхания. Ваша задача — изменение резких переходов от вдоха к выдоху в плавные так, чтобы в конечном счете нельзя было понять, вдыхаете вы или выдыхаете. Представьте, что ваше дыхание идет по сплюсненному кольцу, где равномерные вдохи и выдохи соединены ощутимыми тормозящими переходами. Ваше дыхание при этом как бы останавливается и сливается с великим космическим дыханием «ки» (подобная «остановка дыхания» используется также в некоторых техниках ускользания и прятанья). Поскольку вы сосредоточены на динамике вдоха-выдоха, остановка этого процесса знаменует исчезновение объекта сосредоточения, и концентрация переходит в медитацию. Возможно, состояние возникшей пустоты испугает сознание, которое попытается зацепиться за какую-нибудь случайную мысль. Постарайтесь не обращать на эту мысль никакого внимания.

При выходе из медитации поморгайте глазами, потянитесь руками и ногами, помассируйте большие пальцы ног и выполните несколько циклов брюшного дыхания.

Все вышеописанное обобщено в краткой формуле «медитации Пустоты»: выбрать место — принять позу — установить равномерное дыхание обеими ноздрями — выполнить три цикла поочередного дыхания через одну ноздрию — применить технику остановки дыхания — войти в Пустоту — провести завершающие мероприятия.

Заниматься этой практикой следует по 15—30 минут утром, или вечером перед сном и, в сокращенном виде, перед тренировкой. Кроме общего развивающего она имеет и сугубо целевое предназначение, помогая выйти на оптимальный способ поведения в той или иной ситуации, осознать последствия своих акций, получить информацию о скрываемом. Другими словами, техника эта основана на

целевом самопрограммировании и выходит за рамки начальных рекомендаций.

Ниндзя мог на какое-то время становиться сверхчеловеком, произнося магические заклинания (дзюмон), сплетая пальцы в замысловатые комбинации (кудзи-ин) и мысленно отождествляя себя с одним из мифических существ: вороном-оборотнем Тэнгу, небесным воином Мариси-тэн, повелителем ночи Гарудой, великаном Фудо-мё и другими. В результате он обретал те психические и физические качества, которые требовались в данный момент: силу, быстроту движений, нечувствительность к боли и ранениям, прилив энергии и так далее. Этот метод называется «кудзи-госин-хо», то есть «защита девятью слогами».

Девять слогов — это названия девяти «ступеней могущества», которые ниндзя проходил одну за другой (или останавливался на какой-то из них), произнося соответствующие дзюмон, надлежащим образом складывая пальцы в девять магических комбинаций и концентрируя сознание на процессе слияния с мифическим существом (нэнрики), в истинность существования которого он верил самым сердцем. Названия данных ступеней, связанных с ними пальцевых комбинаций и заклинания следующие:

1. Рин. Произносится заклинание «он бай ши ра ман та я со ва ка». Фигура называется «докко» (рис. 1);

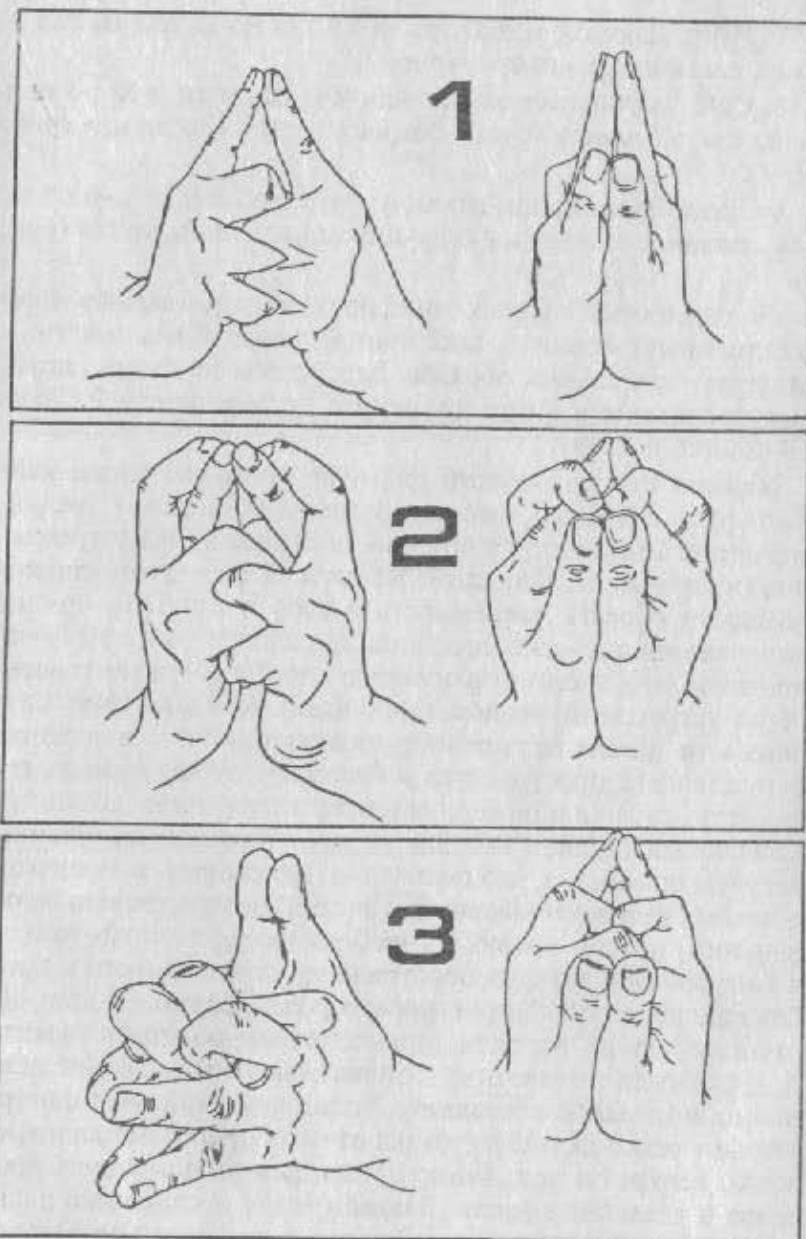
2. Хэй. Заклинание-дзюмон звучит так: «он и ша на я ин та ра я со ва ка». Фигура называется «дайконго» (рис. 2);

3. То. Дзюмон выглядит следующим образом: «он дзи рэ та ра ши и та ра дзи ба ра та но-о со ва ка». Фигура «гайдзиси» (или «сотодзиси»), см. рис. 3

4. Ша. Магическая формула «он хая бай ши ра ман та я со ва ка», пальцевое сплетение называется «най-дзиси» (или «учи-дзиси»), рис. 4;

5. Кай. Дзюмон «он но-о ма ку сан ман да ба са ра дан кан», фигура «гай-баку» (или «гэбакукэн»), см. рис. 5;

6. Дзин. Слоги здесь таковы: «он а та на я ин ма я со ва ка», название кэцу-ин «най-баку», или «найбакукэн» (рис. 6);

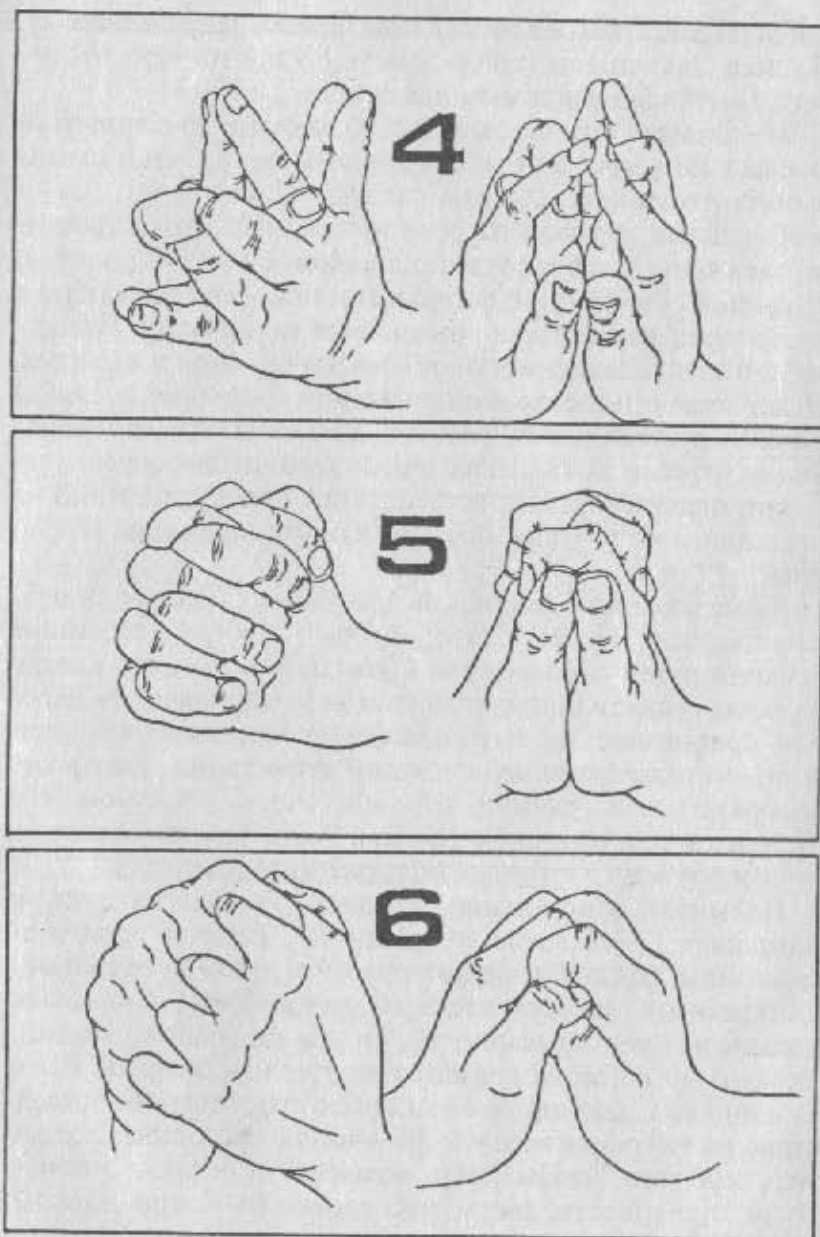
7. Рэцу. Дзюмон «он хи ро та ки ша но га дзи ба тай и со ва ка», фигура «тикэн» (рис. 7);

8. Сай. Заклинание звучит как «он ти ри ти и ба ро та я со ва ка», а сплетение пальцев называется «нитирин» (рис. 8);

9. Дзэн. Заклинание-дзюмон «он а ра ба ша но-о со ва ка», название сплетения кэцу-ин «инкэй» либо «онгё» (рис. 9).

(В различных школах ниндзюцу использовались свои собственные варианты заклинаний, магических жестов и словесно-зрительных образов. Здесь даны те из них, которые приведены в книге японского исследователя Р.Отакэ «Божество и меч»).

Каждая ступень в этой формуле «рин-хэй-то-ша-кай-дзин-рэцу-сай-дзэн» имела собственный смысл и предназначение. Так, на ступени «рин» вводился образ-устремление (нэнрики), а заклинание в сочетании с жестом «докко» помогало обрести уверенность в себе и ощутить прилив сил. Заклинание «хэй» и сплетение пальцев «дайконго» направляло эту энергию в нужную сторону. Иначе говоря, образ-устремление начинал подчинять себе сознание. Ступень «то» давала возможность подключиться к энергетике окружающего пространства и благодаря этому познать его скрытую суть (например, ощутить засаду либо ловушку). Следующая ступень — «ша» — мобилизовала внутренние ресурсы организма, что позволяло действовать за пределом обычных человеческих возможностей, не чувствовать боли, ранений, потери крови. Волшебная формула «кай» вместе с фигурой «гэбакукэн» обостряла чувствительность к приближающейся опасности любого рода. Дзюмон и кэцу-ин ступени «дзин» одаряли возможностью ощущать чувства других людей и животных, и навязывать им желаемое психоэмоциональное состояние. Заклинание «рэцу» и фигура «тикэн» освобождали человека от оков пространства и времени. Теперь он мог своим умственным взором видеть прошлое и удаленные места. Дзюмон «сай» и сплетение пальцев «нитирин» способствовали тому, чтобы усилием воли

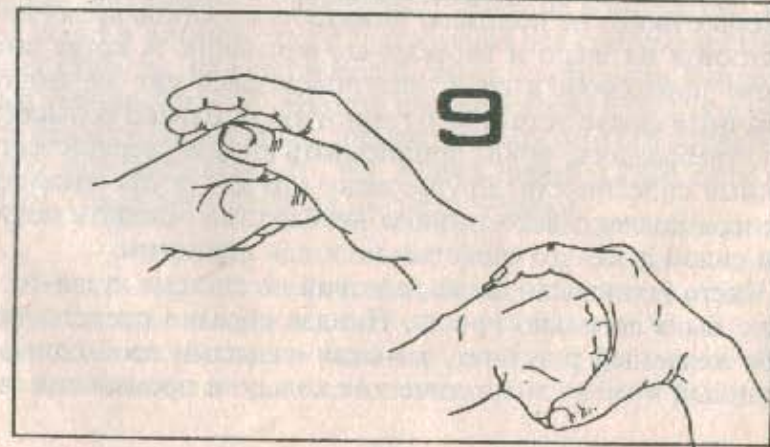
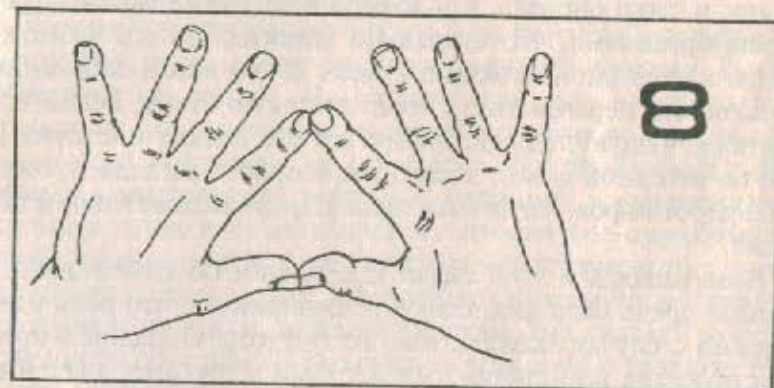
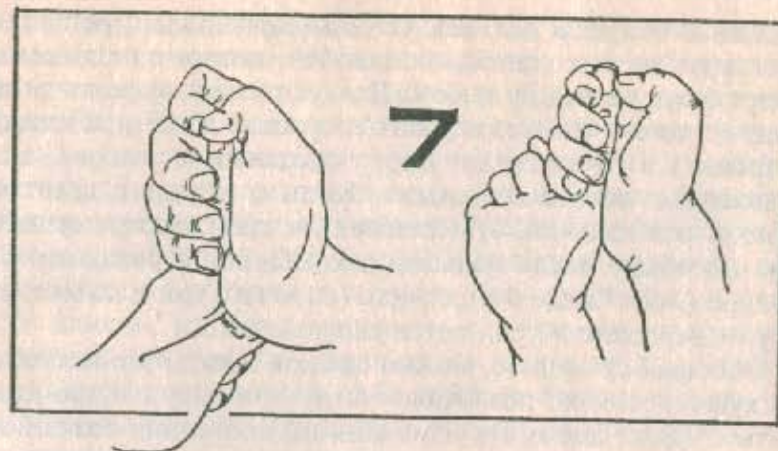

изменять ход событий вокруг в желаемом направлении. И, наконец, заклинение «дзэн» вместе с кэцу-ин «инкэй» делали лазутчика невидимым для врагов.

Что касается смысла заклинаний дзюмон, то составляющие их слоги ничего не значат ни по-японски, ни в каком-либо другом языке. Адепты сюгэндо считали, что это — особые звуки, фрагменты речи вселенского будды Дайнити, заряженные его сверхъестественной силой. Разумеется, с позиций современной физиологии механизм воздействия заклинаний на человека объясняется по-другому. Известно, что звук, в зависимости от частоты его волн и их ритма, может изменять психоэмоциональное состояние, вызывая у людей чувство покоя, радости, волнения, страха, напряжения, агрессивности... Различные комбинации звуков, резонирующие в гортани, воздействуют непосредственно на головной мозг и таким образом влияют на эмоции и чувства.

Концентрация сознания на мысленных образах сверхъестественных существ, это обычное программирование психики путем самогипноза. Суть здесь в том, что каждое из таких существ обладает жестко зафиксированным набором приписываемых ему качеств. Их надо перенять, полностью отождествив себя с этими существами. Не просто вообразить себя, скажем, вороном Тэнгу, а в самом деле стать им в собственном сознании. Тогда удастся обрести и те способности, которыми обладает этот оборотень.

Пальцевые комбинации западная физиология пока не объясняет. Но согласно воззрениям теоретиков восточной медицины, каждый палец на правой и левой руке связан с конкретным энергетическим меридианом. Складывая пальцы в те или иные фигуры, ниндзя по-разному замыкал каналы, по которым движется внутренняя энергия. Вслед за нэнрики и дзюмон, это оказывало существенное воздействие на его психическое и физическое состояние. Например, для того, чтобы снять волнение и обрести нужную сосредоточенность, достаточно соединить концы выпрямленных указательных пальцев, а также согнутых и отведен-

ных вниз больших пальцев. Остальные пальцы переплести и опереть на них основания ладоней, которые не должны соприкасаться между собой. Для усиления эффекта этой кэцу-ин кисти следует держать на уровне живота, а взгляд устремить в точку соединения указательных пальцев, выставленных вперед от живота. Кстати, наряду с девятью основными кэцу-ин, существовали и производные от них, так что общее число пальцевых комбинаций равняется 81 фигуре (9х9). Число 9 в сюгэндо (впрочем, как и во многих других верованиях) считается священным...

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что искусство кудзи-госин-хо позволяло воину-призраку быстро входить в транс, достигать измененного состояния сознания. А это, в свою очередь, приводило в действие скрытые ресурсы организма, что буквально удесятирало его возможности и творило настоящие чудеса. В подобном состоянии ниндзя мог перепрыгнуть через высокую стену, бегом догнать скачущую лошадь, подняться без всяких инструментов по отвесной скале, запомнить с одного взгляда множество иероглифов, заглупотизировать преследователей и так далее.

Возвращаясь в этой связи к легендам об исчезновении ниндзя среди бела дня, следует подчеркнуть, что речь идет именно о случаях коллективного гипноза. Околдовав присутствующих таинственными жестами и звуками, значения которых никто не понимал, ниндзя на короткое время парализовал их волю и переключал внимание. А когда они снова приходили в себя, лазутчика здесь уже не было. Обычный фокус эстрадного гипнотизера, однако большего и не требовалось, чтобы приписывать ниндзя сверхъестественные способности! Другое дело, что для осуществления сеансов коллективного гипноза необходимо обладать могучей силой духа, что свойственно лишь немногим.

Чисто технически схема действий по системе кудзи-госин-хо была довольно проста. Ниндзя образно представлял себе желаемый результат, замыкал пальцами необходимое в данный момент энергетическое кольцо и произносил за-

кливание, запуская всю эту систему в действие. Важно отметить, что помимо образов мифических существ, ниндзя мог использовать и более простые образные представления. Например, какого-то определенного зверя (тигра, змеи, орла, обезьяны, крота и кого угодно еще), мощной волны, бушующего пламени, прочной балки, большого камня, дерева с пышной листвой и раскидистыми ветвями, словом, любого объекта живой и неживой природы. А в результате он превращал себя для глаз противника в ветку или камень, извлекал максимум возможного из приемов рукопашного боя, подавлял врага взглядом или звуком, мгновенно располагал к себе нужных людей, а иной раз действовал так, что неприятель вообще не мог понять, как случилось то, что случилось...

Однако следует прямо сказать, что попытки постижения искусства кудзи-госин-хо современными людьми Запада обречены на провал. Во-первых, его надо знать во всех тонкостях, ибо малейшее несоответствие не только не даст желаемого результата, но и вызовет обратный эффект. Во-вторых, локализация мозговых функций у европейцев и японцев несколько различается. Это связано с особенностями письменности, фонетики и лингвистической структуры языка у тех и других. Европейцам нужны иные дзюмон, кэцу-ин и нэнрики, нежели японцам, так сказать, «отечественного образца». И наконец третье, самое главное. Никакие заклинания и сплетения пальцев не помогут тем, кто не верит в истинность существования тех сверхъестественных существ, на мистической связи с которыми зиждется все учение сюгэндо. Многое в ниндзюцу навсегда останется недоступным для нас именно потому, что его сокровенную суть составляет то, что делает невозможное возможным, самая могучая сила на свете — вера!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы прошли по зыбким следам неуловимых воинов-теней средневековой Японии. Этот обзор был очень кратким и, без сомнения, не всегда точным. Но как добиться полной определенности в разговоре о ТАЙНОМ (!) искусстве, к тому подвергнувшемуся разрушительной деградации в течение более чем трех столетий? Небольшие группы современных энтузиастов пытаются проникнуть в забытые или утерянные тайны ниндзя. Однако что они могут сделать реально? Пожалуй, только одно: создать заново некую комплексную систему психофизического тренинга, рукопашного боя и выживания в условиях дикой природы.

Такая система может оказаться пригодной для решения некоторых прикладных задач. Например, в партизанской войне, в деятельности армейских разведывательно-диверсионных подразделений. Но чем эффективнее будет эта система в прикладном аспекте, тем меньше она сохранит черты классического ниндзюцу. Слишком радикально условия современной цивилизации и современной войны отличаются от тех, в которых жили и воевали старинные ниндзя. А чем больше она будет походить на древнее искусство, со всеми его тонкостями, тем вероятнее окажется просто игрой для «больших мальчиков».

Именно поэтому «игра в ниндзей» наиболее распространена в США. Во всяком случае, намного шире, чем в Европе, не говоря уже о самой Японии, где ниндзюцу по своей популярности даже близко не может сравниться ни с дзюдо, ни с каратэ, ни с айкидо. По общему мнению наших соотечественников, часто бывающих в Штатах, «простые американцы», составляющие 80% нации, по своей психологии всю жизнь остаются как бы подростками. Это хорошо видно и здесь по американским кинофильмам и рекламе, музыке и моде, выступлениям их проповедников и политиков. Вот они и играют — до седых волос — в индейцев и скаутов, в гангстеров и полицейских, в игру-

шечные самолетики и кораблики, в компьютерные войны и в аттракционы с чудовищами. А теперь еще и в ниндзя...

Существует также вероятность превращения ниндзюцу в спорт. Разве трудно представить некое «многоборье ниндзя», включающее преодоление различных полос препятствий, рукопашные схватки, демонстрацию умения обращаться с десятком видов холодного оружия? Тут же найдутся «знатоки», которые с умным видом начнут утверждать, что успех в подобном многоборье требует от спортсмена такой тренированности, какая настоящим ниндзя даже не снилась. Только ведь ниндзюцу никогда не сводилось к атлетизму. В нем всегда главным было состояние духа, а не соревнование с себе подобными. Это было искусство выживать в обществе, где шла война всех против всех, война без начала и без конца, где не существовало безопасных мест ни для кого.

Кажется, кто мог быть безобиднее нищего, просящего подаяние? Но в феодальной Японии любой самурай имел законное право зарубить его ради «пробы меча!». И еще он мог сделать то же самое с любым, чье поведение, слова или взгляд (!) показались ему оскорбительными. А поскольку считалось, что самурай неспособен лгать, постольку ему достаточно было сообщить, что оскорбление взглядом или словом имело место. Ну, а ниндзя, чьи ряды поголовно составляли отщепенцы, не вписавшиеся в тогдашнюю структуру общества, вообще не обладали правом на жизнь. Отсюда вытекает значение «высшего ниндзюцу».

Вот как характеризует его упоминавшийся в этой книге 33-й сокё Тогакурэ-рю, мастер Тосицугу Такамацу: «Выполняя свой план, дзёнин скрывал то, что воздействовал на ситуацию. Он старался всегда вызывать у противников клана такое ощущение, будто все происходит естественным путем, само собой. Обман и провокация, явные убийства и смерть от непонятных болезней, пожары и несчастные случаи, слухи и колдовство — все служило орудием в закулисной управленческой борьбе в стране, раздираемой борьбой за верховную власть и расприами мелких феодалов».

В этом смысле уместно сравнить ниндзя с так называемыми «машинистами сцены» в театре. Они поднимают и опускают занавес, меняют задник и декорации, открывают и закрывают люки, откуда появляются и куда исчезают актеры. «Машинистов» никто из зрителей не видит. Так же действовали руководители кланов ниндзя. Они всегда оставались за кулисами исторической сцены. Именно поэтому достоверной информации о высшем ниндзюцу практически нет. И в этой книге речь шла в основном о низшем уровне «искусства быть невидимым». Утешимся двумя обстоятельствами. Во-первых, любой «дзёнин», прежде чем стать таковым, обязательно проходил все ступени подготовки и боевой практики, начиная с уровня «гэнин». Во-вторых, любые замыслы «дзёнин» претворяли в жизнь именно рядовые исполнители.

И все же имеет смысл привести хоть пару примеров, дающих представление о том, какое содержание вкладывается в слова «управление событиями». Все комбинации высшего ниндзюцу имели кодовые обозначения типа «плювок в небо», «дождь в деревне», «заметание следа» и тому подобные. Вот как выглядела операция по схеме «Горное эхо».

В середине XVI века даймё Мори Мотонари по совету состоявшего у него на службе ниндзи сделал следующее. Он приказал выпустить из тюрьмы преступника, приговоренного к смерти, и направить его в качестве шпиона в соседнее княжество Амако. Взамен бандиту пообещали не только полное прощение, но и деньги. Для маскировки он должен был притвориться паломником, направлявшимся с целой группой настоящих паломников на поклон к святым местам Синто в Амако. Однако на границе самураи князя Мори изобразили бандитов, напавших на группу паломников, и во время нападения закололи своего агента. Одеть ему на шею амулет, внутри которого скрывалось послание, написанное на тончайшей бумаге, было секундным делом.

Защищая несчастных странников от бандитов, в стычку ввязалась стража с пограничной заставы Амако. Естествен-

но, что под их натиском «бандиты» поспешно бежали. Труп погибшего паломника тщательно обыскали, письмо, адресованное одному из военачальников Амако, нашли. Из его текста однозначно следовало, что не только этот воевода, но и ряд других давно уже завербованы даймё Мори. Князь Амако поверил фальшивке и немедленно казнил лучших своих командиров. А спустя некоторое время княжество Мори напало на княжество Амако и без особого труда разгромило его войско.

Однако истинная суть происшедшего заключается вовсе не в том, что с помощью хитрости один феодал победил другого. Князь Амако, так уж вышло, хотел уничтожить клан ниндзя, чьи селения находились в горах на территории Амако. Более того, он даже попытался уничтожить одно такое селение. И хотя предупрежденные своими лазутчиками жители деревни заблаговременно скрылись, с жестоким даймё надо было кончать. В результате разыгранной комбинации враг навсегда вышел из игры, а князь Мори и его потомки еще долго выказывали расположение «своим» ниндзя.

Пример прекрасно проведенной комбинации типа «Вывернутый мешок» (Фукуро-каэси) можно найти в истории китайского князя Ли Сюна и его придворного по имени Пу Тай. Однажды Ли Сюн при всех своих приближенных обвинил Пу Тая в различных проступках и приказал страже жестоко его избить. Затем окровавленного сановника за ноги выволокли из замка и бросили в ров. Спустя некоторое время Пу Тай, которому пришлось удалиться в глухую деревню, вошел в тайную связь с Ло Шаном, властителем соседнего княжества. А затем он перебежал к нему вместе с самыми верными своими друзьями, слугами и всей семьей.

Ло Шан поверил тому, что Пу Тай горит жадной мести, приблизил его к себе и даже назначил помощником командующего войском. Но когда Ли Сюн пошел войной на Ло Шана, Пу Тай в самый ответственный момент, накануне решающей битвы, вместе со своими друзьями убил Ло

Шана, его сына-наследника и предводителя армии. После чего приказал солдатам не оказывать сопротивления Ли Сюну. Оказалось, что ссора между Пу Таем и Ли Сюном была инсценирована ради внедрения Пу Тая в стан врагов...

* * *

Многие думают, что самое ценное в традиционном ниндзюцу — это его мистическая часть. Парапсихология и оккультизм сегодня у всех на слуху. Множество людей всерьез верят, что существует «тайная» сторона человеческой натуры, и что ниндзя сумели поставить ее себе на службу. Тем, кто так считает, следует серьезно задуматься над одним фактом: в ноябре 95 года комиссия сената Соединенных Штатов огласила результаты изучения ею двадцатилетней исследовательской деятельности секретных центров министерства обороны. Там упорно пытались использовать в интересах военного ведомства хоть что-нибудь из «черной магии», «высших сил», «астральных способностей», о которых увлекательно рассказывают те брошюры и книжки, что заполонили лотки уличных торговцев в странах СНГ. Вывод оказался просто убийственным: ничего! Полный ноль. Все, абсолютно все, что с давних времен «проходит» по данной рубрике — обман, заблуждения, иллюзии и прочие фикции. Чудес на свете все-таки нет, все явления бытия подчиняются законам физики, механики, химии, психологии. Максимум, о чем может идти речь, так это об измененных состояниях сознания типа транса, гипноза или самогипноза. Но для их достижения сегодня не требуется никакого ниндзюцу. Достаточно научной психотехники.

В современном обществе традиции ниндзюцу в какой-то мере продолжают бойцы «элитных» спецподразделений вооруженных сил, полиции, органов государственной безопасности, а также организации, занимающиеся коммерческим шпионажем. Разумеется, речь идет лишь о технике

и методике действий на уровне «гэнин» и, отчасти, «тюнин». Но на основе совершенно иного вооружения и снаряжения, характеристики которого превосходят кустарные разработки ниндзя в сотни и даже в тысячи раз. Возможности «настоящего» ниндзюцу в «настоящей» войне выглядят сегодня более чем скромно.

Может быть ниндзюцу способно дать что-то особенное обычным людям, не имеющим никакого отношения к спецназу? Это сложный вопрос. Если говорить об ощущении собственного «суперменства», то оно не более чем опасная иллюзия. Шагать по трупам ныне никому не дозволяется. Рано или поздно общество уничтожает тех, кто плюет на его законы, пытаясь силой утверждать свое превосходство над всеми другими. Что, в таком случае, остается? Умение выживать в неблагоприятной природной среде, воевать в условиях дикой природы партизанскими методами, побеждая врагов не числом, а терпением, хитростью, трюками. Можно ли это назвать ниндзюцу? Не ошибемся ли мы временем и местом, пытаясь решать сегодняшние проблемы с помощью средств, эффективных совсем для другой эпохи и для иного социального строя?

Как автор, я обязан сделать однозначный вывод, не оставляющий лазеек для двусмысленных толкований. Он сводится к следующему: традиционное ниндзюцу безвозвратно исчезло в пучине времени. Пытаться сегодня его возрождать во всех деталях, это значит сознательно играть в «индейцев». Можно добиться абсолютно точного повторения технических приемов древних ниндзя. Все равно, после самого эффектного выступления перед зрителями (или перед объективом видеокамеры) человек снимет с себя балахон и отправится на работу в свой офис. Что же тогда его увлечение, как не игра? Настоящий ниндзя был таковым в силу своего образа жизни, а не из прихоти.

Я надеюсь, что эта книга поможет читателям самостоятельно прийти к аналогичному заключению.

*Анатолий ТАРАС,
9 декабря 1995 года*

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

1. Долин А.А. Ниндзя — шпионы средневековья. — Набережные Челны: МП «Издатель», 1990. — 46 с.
2. Драгер Д. Ниндзюцу: Искусство быть невидимым /пер. с англ. — Минск: «Сэкай-пресс», 1995. — 72 с.
3. Кто ты, ниндзя? Учебно-методич. пособие-комикс. — Рига: ТРИА «Лэтра», 1992. — 112 с.
4. Момот В.В. Рожденные во тьме. — Харьков: РИП «Оригинал», 1992. — 160 с.
5. Момот В.В. В гармонии со Вселенной. — Харьков: СП «Катана — Сай» лтд, 1994. — 176 с.
6. Музруков Г.Н. Ниндзя: воины-тени. — Москва: Центр ушу, 1990. — 48 с.
7. Поляков А.С. Основы искусства ниндзя. — Одесса: изд. автора, 1995. — 110 с.
8. Санала Ю. Руководство для обучения ниндзя /пер. с англ. — Харьков: РИП «Оригинал», 1992. — 196 с.
9. Тай Г. Ниндзюцу: тайное искусство ночных демонов (практические рекомендации). — Москва: «Бобок», 1992. — 128 с.
10. Хацуми М., Хайес С. — Синоби-гатори (Беседы ниндзя). — б.м.: ЧПФ «Синто», 1994. — 150 с.

На французском языке:

1. Гинтар С. Тогакурэ ниндзюцу: базовая техника Бусинкан ниндзя тайдзюцу. — Париж: «СЕМ», 1988. — 112 с.
2. Гинтар С. Ниндзя: история и традиции. — Париж: «СЕМ», 1991. — 112 с.
3. Кондо В., Рауш Х. Бой ниндзя: 100 приемов выживания ниндзя. — Париж: «Амфора», 1990. — 192 с.
4. Телен И. Ниндзя: самуран тьмы. — Париж: «Мэсни», 1987. — 184 с.
5. Хаберзетцер Р. Ниндзюцу (Ниндзя, воины-тени) — Париж: «Амфора», 1986. — 160 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
-------------------	---

Часть I

Ниндзюцу вчера и сегодня	5
Кое-что из истории ниндзюцу	21
Тридцать четвертый патриарх	32
Основные дисциплины ниндзюцу	42
Кто становился ниндзя?	61
Лесной дьявол за работой	66

Часть II

Искусство проникновения	86
Человек-невидимка	94
Человек с тысячью лиц	103
Человек-паук	107
Человек-амфибия	114
Гашение обликов	122
Рукопашный бой ниндзя	127
Посох, дубинка и нож	147
Когти и клинок	153
Призраки с косами	162
Веревка, цепь и рогатина	170
Звезды и шипы	182

Часть III

Тайные знания — нинпо миккё	194
Боевая магия воинов-теней	215
Заклочение	232
Литература	238